

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

6

Выпуск (874)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

6

Issue (874)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 6 (874)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 6(874)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Gainin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Модальные значения немецкого глагола können и русского мочь в различных типах контекстов АВЕРИНА А. В.	9
Реализация конструкций противопоставления в устном экспланаторном дискурсе (на материале выступлений TEDTalk) АЛИЕВА М. Р.	18
Медийный нарратив конвертита как социокультурный и лингвопрагматический феномен АНИСИМОВА Е. Е.	25
Принцип иконичности в когнитивно-прагматическом моделировании ситуаций немецкого сложноподчиненного предложения (на примере синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ) БУРДАЕВА Т. В.	33
Особенности смыслового восприятия вербального и креолизованного иноязычного текста ВАШУНИНА И. В.	41
Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе ГЕНДЕЛЕВ И. Д.	49
Модель иронии ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ в дискурсе телепрограммы «Heute-Show» на ZDF ГЛЕБОВА Е. О.	56
Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) ГОРОЖАНОВ А. И., ШЕВЦОВА В. А.	63
Принципы презентации сочетаемости в русско-немецких и немецко-русских словарях комбинаторного типа в сопоставительном аспекте ЕПИФАНОВА В. В.	69
О расхождениях и сходствах переносных значений некоторых образных номинаций в разговорном сегменте немецкого и русского языков ЕФИМОВА О. С.	79
Дискурсивно обусловленные характеристики текстов коммуникативно-речевой формы «Описание» в энциклопедическом и художественном дискурсах КАЗАНЦЕВА Ю. М.	88
Проявление когнитивной нагрузки при синхронном переводе с использованием жестов-адаптеров (на материале немецкого языка) ЛЕОНТЬЕВА А. В., АГАФОНОВА О. В.	94
Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении МАЛЁНОВА Е. Д.	101
Игра в детской немецкоязычной православной листовке МИЛЕЕВА О. А.	108

СОДЕРЖАНИЕ

Вербальные особенности выражения темпоральных и локальных характеристик в сказке Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк» СОКОЛОВА Г. А.	116
Социофонетические вопросы англоязычного полимодального дискурса СОКОРЕВА Т. В., ШЕВЧЕНКО Т. И.	124
Перцептивно-продуктивная связь в условиях просодической русско-английской интерференции (на примере терминальных тонов) СУХОВА Н. В.	131
Авторская лексика в научной фантастике: способы образования и межъязыковой трансляции (на материале произведений Уильяма Гибсона) ЯРОШЕНКО П. Н.	138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Терминология итальянского и русского футуризма в литературе: «слова-на-свободе» ЕГОРОВА О. Г., ЧЕРНОВА Ю. В.	146
Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои» ЖУЛЬКОВА К. А.	153
Модели травматического нарратива в творчестве Петрушевской ЦЗИНЦЗЮАНЬ ЛЮ	160

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Семантические акценты концепта «святой град» в русской культуре ПЕРОВА Е. Ю.	167
Виталий Пацюков: философское осмысление кураторской деятельности ШНАЙДЕР Ю. Ю.	173

LINGUISTICS

Modal Meanings of the German Verb Können and the Russian Moč in Different Types of Contexts AVERINA A. V.	9
The Implementation of Opposition Constructions in the Oral Explanatory Discourse ALIEVA M. R.	18
Convertite's Media Narrative as a Sociocultural and Linguo-pragmatic Phenomenon ANISIMOVA E. E.	25
The Principle of Iconicity in Cognitive-Pragmatic Situational Modelling of the German Complex Sentence (based on the Syntactic Concept Attribution) BURDAEVA T. V.	33
Features of Semantic Perception of a Verbal and Creolized Foreign Language Text VASHUNINA I. V.	41
Correlation Between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-Cultural Discourse (Gender Study) GENDELEV I. D.	49
Model of Irony OBJECT-EQUATING in the Discourse of TV-Program ZDF «Heute-Show» GLEBOVA E. O.	56
Technology for Determining the Colour Characteristics of the Text of a Fiction Work (on the Material of the German Language) GOROZHANOV A. I., SHEVTSOVA V. A.	63
Presentation Principles of Compatibility in Russian-German and German-Russian Combinatorial-Type Dictionaries in Comparative Aspect EPIFANOVA V. V.	69
Differences and the Similarity of Metaphorical Meanings of Some Nouns in Spoken Modern German and Russian EFIMOVA O. S.	79
Discourse-Sensitive Properties of "Description" in Encyclopedic and Fictional Discourses KASANZEVA J. M.	88
Manifestation of Cognitive Load in Simultaneous Interpreting Using Adapters (based on the German language) LEONTEVA A. V., AGAFONOVA O. V.	94
Audiovisual Translation as the Object of Research in the Field of Modern Translation Studies MALENOVA E. D.	101
A Game in a Children's German-Speaking Orthodox Flyer MILEEVA O. A.	108

CONTENTS

The Verbal Peculiarities of Expressing Time and Space Characteristics in the Fairy-Tale “Cavalier Gluck” by E. T. A. Hoffmann SOKOLOVA G. A.	116
Sociophonetic Issues of English Polymodal Discourse SOKOREVA T. V., SHEVCHENKO T. I.	124
The Perception-Production Link in the Russian-English Prosodic Interference (the Case Study of Terminal Tones) SUKHOVA N. V.	131
Author’s Vocabulary in Science Fiction: Ways of Formation and Interlanguage Translation (based on the Works of William Gibson) IAROSHENKO P. N.	138

LITERARY STUDIES

Terminology of Italian and Russian Futurism in Literature: “Words on the Loose” EGOROVA O. G., CHERNOVA J. V.	146
The Mythologeme of the River in G. Yakhina’s Novel “Children of Mine” ZHULKOVA K. A.	153
Trauma Narratives in Petrushevskaya’s Novels JINGJUAN LIU	160

CULTUROLOGY

Semantic Boundaries of the “Holy City” Concept in Russian Culture PEROVA E. YU.	167
Vitaliy Patsyukov: Philosophical Reflection on Curatorial SCHNEIDER J. YU.	173

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

Модальные значения немецкого глагола *können* и русского *мочь* в различных типах контекстов

А. В. Аверина

Московский государственный областной педагогический университет

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Anna.averina@list.ru

Аннотация. В статье получают описание контекстуальные условия, влияющие на интерпретацию модальных значений глагола *мочь* в русском и *können* в немецком языке. Посредством использования метода контекстуального анализа, описательного и трансформационного методов показано, что на переходность модальных значений оказывают влияние такие параметры, как активность / пассивность семантического субъекта, вид глагола, временная перспектива и использование соответствующих лексических показателей.

Ключевые слова: алетическая модальность, эпистемичность, деонтичность, вид, время

Для цитирования: Аверина А. В. Модальные значения немецкого глагола *können* и русского *мочь* в различных типах контекстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 9–17. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

Original article

Modal Meanings of the German Verb *Können* and the Russian *Moč* in Different Types of Contexts

Anna V. Averina

Moscow Region State Pedagogical University

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna.averina@list.ru

Abstract. The article describes contextual conditions which influence the interpretation of the modal meanings of the verb *moč* in Russian and *können* in German. By the usage of the method of contextual analysis, descriptive and transformational methods, it is shown that the transitivity of modal meanings is influenced by such parameters as the activity/passivity of the semantic subject, the type of verb, temporal perspective and the use of appropriate lexical indicators.

Keywords: alethic modality, epistemicity, deonticity, aspect, tense

For citation: Averina, A. V. (2023). Modal Meanings of the German Verb *können* and the Russian *moč* in Different Types of Contexts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 9–17. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_9

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации – синкретичность значений модальных глаголов – немецкого *können* и русского *мочь* в, т. е. способность этих слов кодировать различные виды модальности: речь пойдет о деонтичности (долженствовании), алетичности (потенциальной возможности), эпистемичности (предположении), субъективной эвиденциальности (инференциальности: говорящий описывает ситуацию на основе собственного логического вывода или собственного восприятия [Козинцева, 2000, Соска, 2021]) и диспозиционной модальности (разрешение осуществления действия).

В круг задач статьи входит:

1) показать специфику алетического модального значения как базового;

2) описать условия перехода алетического значения в деонтическое, диспозиционное, субъективно-эвиденциальное и эпистемическое.

Решение обозначенных задач позволит объяснить причины трансформации базового модального значения в производное.

Вопросам модальности посвящено большое количество работ. Теоретической базой исследования послужили научные труды В. Абрахама, Г. Дивальда, Э. Лайсса, М. Л. Котина.

В. Абрахаму удалось показать, что корневая (деонтическая) модальность соотносится с перфектностью, некорневая – с имперфективностью глагола [Abraham, 2013].

Несомненной заслугой Г. Дивальда можно считать формулировку концепции модального дейктика: значение эпистемической модальности относится к сфере дейктической модальности, поскольку она отражает нефактичность ситуации; деонтическая и волитивная модальность представляют собой пропозитивные значения и не являются дейктичными модальными значениями [Diewald, 1991; Diewald, 1999; Diewald, 2013]. Их свойство заключается в представлении ситуации как фактической.

М. Л. Котин показывает, что значения, передаваемые модальными глаголами в немецком языке, способны кодировать глаголы совершенного вида в русском языке [Котин, 2018]. Важно наблюдение М. Л. Котина о модальном потенциале, заложенном в семантике дательного падежа [Kotin, 2021]. Оно подвело автора публикации к мысли о том, что активность / пассивность субъекта влияет на выбор модального маркера. Так, например, для того чтобы показать, что необходимость осуществления действия осознается субъектом, в немецком языке используют модальный глагол *müssen*, а в русском – модальный предикатив быть должным, сравним:

(1) *Ich muss mich zurückhalten, nicht nach den Münzen zu greifen*¹. – Я должен себя сдерживать, чтобы не брать монеты².

(2) Я должен делать всё, чтобы спасти больного³.

Если же необходимость осуществления действия исходит со стороны, а семантический субъект вынужден подчиниться обстоятельствам, то в языке используют иные средства. В русском языке для передачи данного значения служит слово категории состояния *нужно* с дательным субъекта, в немецком – модальный глагол *sollen*:

(3) *Später hat er mir gemailt, ich solle meine Berufswahl überdenken*⁴. – Позже он мне сообщил по электронной почте, мне надо переосмыслить выбор профессии.

(4) Я совсем забыла! Мне надо быть дома! Это срочно!⁵

Активность / пассивность субъекта влияет и на интерпретацию модальных значений, которые, как правило, закреплены за тем или иным модальным показателем. Существует потребность в описании влияния персональности, аспектuality и темпоральности на вид кодируемого модальным маркером значения. Этим и определяется **актуальность** проводимого исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁶, немецких корпусов *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Korpora (DWDS)*⁷ и *DECOW 16A*⁸. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. В процессе анализа были использованы метод контекстуального анализа, описательный и трансформационный методы.

¹URL: <https://www.dwds.de>

²Зд. и далее перевод автора.

³URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁴URL: <https://www.dwds.de>

⁵URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁶Там же

⁷URL: <https://www.dwds.de>

⁸URL: <https://www.webcorpora.org/>

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА *KÖNNEN* И *MOCH*

Идея о том, что алетическая модальность выступает в роли базы модальных значений, принадлежит Э. Лайсс [Leiss, 2008]. Ей удается показать, что алетичность, выраженная модальным глаголом *können* в немецком языке, занимает промежуточное положение между эпистемическим (некорневым) и деонтическим (корневым) модальными значениями: «The approach favoured here is to label those modals as alethic modals which allow for deontic as well as for epistemic readings. There is some first evidence that alethic modals are underspecified modals which include a whole range of modal meanings in a nutshell» [там же, с. 22–23] (*Предпочитаемый подход заключается в том, чтобы обозначить эти модальные показатели как алетические, допускающие как деонтическое, так и эпистемическое прочтение. Очевидно, что показатели алетической модальности являются неспецифическими, включающими целый спектр других модальных значений*).

Э. Лайсс обращает внимание на еще одно уникальное свойство показателей алетичности: глагол *können* в немецком, *can* в английском или восходящий к славянскому этимону *mogti* глагол *мочь* в русском не привносят в высказывание каких-либо дополнительных смысловых компонентов. По всей видимости, с этого модального значения начинается развитие других модальных значений. Неоднозначность интерпретации высказываний с ним Э. Лайсс демонстрирует на следующем примере:

- (5) He can win the swimming contest. – Он может выиграть соревнования по плаванию.

Данное предложение может получить трактовку и как объективированное, и как субъективированное. Однозначно деонтическую интерпретацию предложение данного типа получает в том случае, если в центре внимания говорящего объективные обстоятельства, например:

- (6) He is in condition to win the swimming contest [там же, с. 22]. – Он в состоянии выиграть соревнования по плаванию.

Эпистемическое значение прослеживается в высказываниях, в которых субъективная оценка событий предшествует изложению фактов, например:

- (7) I suppose, he is able to win the swimming contest [там же]. – Я полагаю, что он в состоянии победить на соревнованиях по плаванию.

Схожие наблюдения находим и в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева – в частности, они обращают внимание на внутреннее сходство алетического и эпистемического значений [Булыгина, Шмелев, 1997]. Алетическая модальность предполагает указание на потенциальную возможность существования факта в действительности, например:

- (8) Если человек остается один, – снова подумал Филька, – то он, конечно, *может* попасть на плохую дорогу: он *может* бегать по следам, как собака, и прыгать через забор, и, как лиса, подглядывать из-за кустов за другими¹.

Эпистемическая возможность служит для отражения позиции говорящего: он дает оценку степени вероятности описываемого положения дел, указывая на нефактичность ситуации, например:

- (9) *Наверное*, авторы имели в виду, что звуки нельзя записать на бумаге так же, как мы записываем буквы².

Алетическая возможность, в отличие от эпистемичности, не зависит от установки говорящего и временных параметров. Проводя разграничение алетичности и эпистемичности, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев вводят в обиход термин «онтологическая возможность» и «эпистемическая возможность». Онтологическая возможность имеет вневременной характер, в то время как эпистемическая возможность касается оценки говорящим степени вероятности факта в прошлом, настоящем или будущем [там же, с. 210].

К алетическим значениям можно отнести и значение, связанное со способностью субъекта осуществлять какое-либо действие, например:

- (10) Вы хотите с ней поговорить? – А она уже может говорить? – Немножко может, – улыбнулся врач³.

- (11) Und er *kann* mich trösten, wenn ich traurig bin⁴. – И он может меня утешить, если я грущу.

¹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

²Там же

³Там же

⁴URL: <https://www.dwds.de>

В зарубежной лингвистической традиции выделяют еще и значение диспозиционной модальности [Kotin, 2012]. В этнопсихологическом словаре В. Г. Крысько термин «диспозиция» получает следующую трактовку: это готовность, субъекта к осуществлению определенного действия в ряду других действий [Крысько, 1999]. Применительно к лингвистике речь идет о ситуации, в которой допустима реализация определенных действий, т. е. разрешено их осуществление, например:

- (12) Er *durfte* nach Deutschland *ausreisen*, da die Staatsanwaltschaft auf Auflagen verzichtete¹. – Ему можно было выехать в Германию, так как органы управления отказались отдавать распоряжения'
- (13) Сердится. Ему можно: он наш команданте. Внимательно выслушивает мой рапорт, переспрашивает про мост².

Остановимся подробнее на вопросе о том, при каких условиях маркеры базовой алетической модальности – глагол *können* в немецком языке и глагол *мочь* в русском – получают интерпретацию как показатели эпистемической, субъективно-эвиденциальной, деонтической и диспозиционной модальности.

Значение диспозиционной модальности может быть передано глаголами *können* и *мочь*, если в предложении присутствуют темпоральные маркеры, указывающие на момент времени, когда субъект готов приступить к реализации определенных действий:

- (14) Nun haben wir ja von archäologischen Funden erfahren, die möglicherweise im Zusammenhang mit der Schlacht stehen. Aber wir *können jetzt schon* die Prognose wagen: Das wird die Kritiker nicht umstimmen³. – И теперь мы узнали об археологических находках, которые могут быть связаны с битвой. Но прогноз мы можем дать уже сейчас – это не изменит отношение критиков к нам.
- (15) Schwester Agnes hat erlaubt, ihr *könnt morgen* reinkommen, wenn ihr uns abholt⁴. – Сестра Агнес разрешила, вы можете зайти завтра, если приедете за нами.

- (16) Что касается вас, то вы *можете уже сейчас* уйти в свободную зону, где вы получите уже сейчас то, что хотите здесь⁵.

Как видно из приведенных высказываний, модальный показатель *können* / *мочь* обозначает возможность осуществления действий в определенный момент времени. В качестве дополнительных средств указания на разрешение осуществлять действия можно считать завершенность действий в предыдущем предложении, т. е. действия представлены в их последовательности. Определенную роль играют и лексические маркеры, содержанием которых является значение позволения или допущения в определенной ситуации. Например: *Nun haben wir ja von archäologischen Funden erfahren* (И теперь мы узнали об археологических находках) в (14); *Schwester Agnes hat erlaubt* (сестра Агнес разрешила) в (15); *что касается вас* в (16) и т. д. Если опустить эти показатели, то в высказывании будет проследиваться значение алетической модальности, поскольку на первый план уже выходит значение «способность субъекта осуществлять определенные действия», например:

- (14') [...] wir *können* die Prognose machen [...] – Мы можем дать прогноз (= мы способны дать прогноз).
- (15') [...] ihr *könnt* reinkommen [...] – вы можете зайти (= вы способны зайти).
- (16') [...] вы *можете* уйти [...] (= вы способны уйти).

Интерпретация модального показателя *können* / *мочь* зависит не только от показателей времени, но и от аспектуальных характеристик предикатов. Если русский глагол *мочь* имеет форму совершенного вида в прошедшем или будущем времени, то в высказывании всегда находит реализацию алетическое значение, например:

- (17) Это гениальные и талантливые актеры, которые *смогли* передать характеры, эмоции и чувства своих героев на все 200 процентов!⁶
- (18) В январе 2005 года маленькие пациенты *смогут* обследоваться на компьютере⁷.

¹URL: <https://www.dwds.de>

²URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

³URL: <https://www.dwds.de>

⁴URL: <https://www.dwds.de>

⁵URL: <http://www.ruscorpora.ru/> Зд. и далее перевод наш. – А. А.

⁶Там же

⁷Там же

В немецком языке ввиду отсутствия морфологически выраженной в глаголе категории вида в предложениях с *können* в форме прошедшего времени может быть передано алетическое значение (19) или семантика инференциальной эвиденциальности (20), ср.:

- (19) 2.000. Euro lachste ein bislang unbekannter Täter am vergangenen Freitagnachmittag einer betagten Dame (85) mit einem Trick ab. Er *konnte* unerkannt verschwinden¹. – До сих пор не найденный преступник хитростью стащил в прошлую пятницу у одной пожилой дамы (85) 2.000 Евро. Ему удалось исчезнуть неопознанным.
- (20) Aber er *konnte* Müller und Bäcker dennoch überlisten, da er nämlich einen Sack Getreide kaufte, ihn in seiner eigenen Handmühle und das Mehl dann Shrowl zum Brotbacken übergab². – Но он все же мог и перехитрить мельника и пекаря, так как он купил мешок зерна, перемолол его и передал его Шроулу для выпечки хлеба.

Значение инференциальной эвиденциальности в (20) возникает благодаря тому, что приведенные в главном предложении доводы говорящего базируются на его умозаключении. Модальные значения определяет в данном случае контекст. Субъективно-эвиденциальное значение может быть передано и русским глаголом *мочь* в форме несовершенного вида в прошедшем времени. Его возникновение также обусловлено контекстом, в рамках которого находят реализацию причинно-следственные отношения. Предложение с модальным показателем *мочь* указывает на следствие, последующее высказывание – на причину, например:

- (21) Кто его знает: *мог* и обознаться Демьян, *мог* и солгать, – от него станет³.

В (21) *от него станет* можно рассматривать как антецедент, т. е. то, что позволяет объяснить позицию говорящего в первой части высказывания. Значение инференциальной эвиденциальности возникает также благодаря слову *и*, выступающему в функции частицы.

В предложениях с глаголом *können* / *мочь* в форме настоящего времени могут быть переданы алетическое, эпистемическое или субъективно-эвиденциальное значения. В определенной

степени это зависит от аспектуальных свойств формы Infinitiv. Если Infinitiv представлен глаголами, обозначающими повторяющиеся, многократные способы действия (например, *сживать*, *едать*, *переговариваться* и т. д.) или длительные, выраженные глаголами несовершенного вида, то в высказывании преимущественно передается алетическое значение (22). Если Infinitiv представлен глаголами, обозначающими однократные завершённые действия (например, *накупить*, *крикнуть* и т. д.), то в высказывании преобладает эпистемическое или субъективно-эвиденциальное (23, 24). В немецком языке на интерпретацию модального значения влияет тип инфинитива: форма Infinitiv II всегда маркирует эпистемическое значение модального глагола (25), в то время как Infinitiv I – алетическое (26):

- (22) Девичник *мог* иметь разную продолжительность: у богатых – до двух недель, у невест победнее – до недели⁴.
- (23) Он *мог* в свое рабочее время заехать домой и помочь, тем более он и Ирине в ее ларьке понадобился⁵.
- (24) Если Земля разваливается, он вполне *мог* улететь на камне⁶.
- (25) Ja, er *kann* sich bei deiner Tochter *angesteckt haben*⁷. – Да, он мог заразиться у твоей дочери.
- (26) Er *kann* sich eine Allianz auch mit anderen Verbänden im Norden *vorstellen*⁸. – Он может себе представить альянс с другими объединениями на севере.

Данная закономерность в русском языке не носит абсолютный характер: алетическое значение может возникать и в том случае, если имеет место сочетание глагола *мочь* в форме прошедшего времени с формой инфинитива глагола совершенного вида:

- (27) Единственное, что я *мог* *сделать*, – под собственную ответственность снять национальную со стартов⁹ (= на что я был способен).

¹URL: <https://www.webcorpora.org/>

²URL: <https://www.webcorpora.org/>

³URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁴URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷URL: <https://www.webcorpora.org/>

⁸Там же

⁹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

В ряде случаев довольно сложно увидеть разницу между алетическим и эпистемическим значениями. В этой связи М. Хундт справедливо отмечает, что предложение типа *Möglicherweise regnet es heute* (Возможно сегодня будет дождь) может получить двоякую интерпретацию: как несущее алетическую семантику и как содержащее эпистемическое значение [Hundt, 2003, с. 352]. Различия между первым и вторым видом модальных значений он видит в том, что алетическая модальность представляет собой ассерцию, или утверждение, а эпистемическая — предположение. В первом случае предложение может быть парафразировано следующим образом: *Я как говорящий утверждаю, что следующий факт имеет место*. Во втором случае парафраза имеет иной вид: *Я как говорящий считаю возможным, что следующий факт имеет место* [там же, с. 375]. Для того, чтобы определить вид передаваемого модального значения, можно использовать прием трансформации и проанализировать возможность использования модального маркера в придаточном объектном при фактивном предикате главного предложения [Averina, 2020]. Если это возможно, то модальный показатель следует отнести к алетическим (недейктическим) (28'), если нет — к эпистемическим или субъективно-эвиденциальным (дейктическим) (28''), (28'''), поскольку показатели нефактивности в объектном придаточном не могут находиться в скопусе фактивного предиката, сравним:

(28) Она лжет, что не была в Петербурге!¹

(28') Она лжет, что не смогла побывать в Петербурге.

(*28'') Она лжет, что возможно не была в Петербурге.

(*28''') Она лжет, что могла быть в Петербурге.

Как видно из приведенных высказываний, использование глагола *мочь* в форме совершенного вида в придаточном объектном допустимо (28'), в то время как глагол *мочь* в форме несовершенного вида (28''') вряд ли может иметь место, как и модальное слово *возможно* (28''). Данная закономерность позволяет говорить о том, что модальный глагол *мочь* в русском языке в форме совершенного вида кодирует алетическое модальное значение, в форме несовершенного вида — субъективно-эвиденциальное или эпистемическое. В свою очередь, данное наблюдение подтверждает идею В. Абрахама и Э. Лайсса о соотношении

перфектности с корневой, или недейктической модальностью, и неперфектности — с некорневой модальностью [Abraham, 2013; Leiss, 2008].

Деонтическое значение можно рассматривать как производное от алетического. Так, высказывания, выстроенные по схеме «невозможность + инфинитив» могут выражать деонтическую семантику [Булыгина, Шмелев, 1997], т. е. значение долженствования. Это допустимо в предложениях с отрицанием с формой настоящего, прошедшего и будущего времени, например:

(29) *He могу не сказать* и о сюжете² (= мне надо сказать о сюжете).

(30) Он *не сможет не согласиться*, иначе потеряет все³ (= ему надо будет согласиться, иначе он потеряет все).

(31) Ну а если клинкой тут не пахнет, то настоящий писатель и должен быть графоманом: он *не может не писать*, и в этом его призвание⁴ (= ему надо писать, и в этом его призвание).

(32) И как серьезный актер он *не смог не согласиться*⁵ (= и как серьезному актеру ему придется согласиться).

Аналогичную ситуацию можно проследить и в немецких высказываниях с глаголом *können* — исключение составляет лишь использование одного отрицательного слова, в то время как для русского языка в большинстве случаев употребляются двойное отрицание:

(33) *Er konnte nicht anders*, er war ein Gejagter, sagt Gelles⁶. — Он не мог иначе, его преследовали.

(34) *Ich kann nicht zurück mit leeren Händen*, sagt er⁷. — Я не могу вернуться с пустыми руками.

(35) *Er kann nicht schweigen*, reden ist — gerade in der Not — seine beste Therapie⁸. — Он не может молчать, говорить — особенно в беде — для него лучшая терапия.

²Там же

³Там же

⁴Там же

⁵Там же.

⁶URL: <https://www.dwds.de>

⁷Там же.

⁸Там же.

¹URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА *KÖNNEN* И *МОЧЬ* В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ**

Модальные значения, передаваемые глаголом <i>können</i> в немецком и <i>мочь</i> в русском языке	Влияние грамматических параметров на вид модального значения, передаваемого глаголом <i>können</i> в немецком и <i>мочь</i> в русском языке
Базовое значение	
Алетическое значение	Отсутствие временной референции совершенный вид глагола <i>мочь</i> (рус.) преобладание глаголов повторяющихся или длительных способов действия в функции инфинитива
Производные значения	
Диспозиционное значение	Употреблены временные маркеры, указывающие на момент времени, когда субъект готов приступить к реализации определенных действий
Деонтическое значение	Рус.: отрицание + глагол <i>мочь</i> + инфинитив Нем.: <i>können</i> + отрицание + <i>Infinitiv</i>
Эпистемическая модальность	Сочетание глагола <i>können</i> в сочетании с формой <i>Infinitiv II</i> (нем.); использование глаголов однократного способа действия в функции инфинитива (рус.)
Инференциальная эвиденциальность	Использование в последующем контексте обоснования для высказываний с глаголом <i>können</i> / <i>мочь</i> ; преобладание в функции инфинитива глаголов однократного способа действия или глаголов в форме совершенного вида

- (36) Aber er wird wieder hundert Prozent geben, er *kann nicht anders*¹. – Но он снова даст сто процентов, он не может иначе.

Маркер алетической модальности *können* в сочетании с отрицанием передает долженствование, т. е. деонтическую модальность: говорящий указывает на то, что в сложившейся ситуации ему необходимо поступить определенным образом. В данном случае можно говорить о пассивной роли субъекта предложения: он не способен поступить иначе либо в силу внешних обстоятельств, внутренних убеждений или ввиду особенностей своего положения. Соответственно, такой параметр, как пассивность субъекта, делает возможным переход от алетической модальности как базовой к деонтической (корневой, дейктической).

Таким образом, идея Э. Лайсс о том, что алетическую модальность можно рассматривать как промежуточное звено между эпистемическим (дейктичным) и деонтическим / диспозиционным (недейктичным) значениями, вполне справедлива [Leiss, 2008]. Анализ фактического материала показывает, что переходность модального

значения, передаваемого алетическими показателями, зависит от временных, аспектуальных параметров, от выполняемой субъектом семантической роли, а также от контекста. Переход алетического значения к деонтическому определяет пассивная роль субъекта: семантический субъект не способен поступать иначе ввиду сложившихся обстоятельств и вынужден осуществлять определенные действия в соответствии с положением дел. Переход алетического значения к диспозиционному обусловлен использованием временных показателей или лексических маркеров, посредством которых обозначается последовательность действий. Алетическое значение всегда имеет место в том случае, если глагол *мочь* имеет форму совершенного вида, в остальных случаях возможно и эпистемическое толкование данного глагола. Значение инференциальной эвиденциальности возникает в том случае, если предложение с модальным глаголом *können* / *мочь* содержит указание на следствие, а в последующем предложении содержится причина. В систематизированном виде зависимость вида модального значения, передаваемого глаголом *können* в немецком и *мочь* в русском языке, от контекстуального окружения представлена в таблице 1.

¹там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были рассмотрены условия, при которых модальный глагол *können* в немецком языке и *мочь* в русском получают различную интерпретацию. Согласно позиции, принятой многими исследователями, базовым значением является алетичность. Данный тезис подтверждается эмпирическими данными: модальные показатели могут быть истолкованы и как маркеры эпистемичности, инференциальной эвиденциальности и при определенных условиях – деонтичности или диспозиционной модальности.

Показатели алетической модальности способны передавать значение пассивной деонтичности в сочетании с отрицанием и неопределенной формой глагола: говорящий или действующее

лицо находится в обстоятельствах, при которых он вынужден совершать определенное действие, играя при этом пассивную роль. В интерпретации значимым является временной и видовой параметры: совершенный вид русского глагола *мочь* в прошедшем или будущем времени дает только алетическое значение; использование временных показателей позволяет реализоваться диспозиционному или эпистемическому значениям. Инференциальная эвиденциальность проявляется в случае, если на уровне сложного предложения находят реализацию отношения причины и следствия.

В целом можно заключить, что переходность модальных значений обуславливают свойство активности / пассивности семантического субъекта, контекст и аспектуальные свойства предикатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
2. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60, 2021.
3. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013.
4. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.
5. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999.
6. Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2013. S. 77–110.
7. Котин М. Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: Издат. дом ЯСК, 2018.
8. Kotin M. L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 143 Heft 1, 2021. S. 51–111.
9. Аверина А. В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. №2. С. 569–575.
10. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology // Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions, 2008. P. 15–42.
11. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
12. Kotin M. L. Modalitäten // Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.
13. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999.
14. Hundt M. Epistemische Modalität im Deutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2003. # 31, S. 343–381.
15. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. 2020. Bd. 45. №4. S. 425–471.

REFERENCES

1. Kozinceva, N. A. (2000). K voprosu o kategorii zasvidetel'stvovannosti v russkom yazyke: kosvennyj istochnik informacii = About the category of evidentiality in the Russian language: an indirect source of information. In Problemy funkcional'noj grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii. St. Peterburg: Nauka, 226–240. (In Russ.)

2. Socka, A. (2021). Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60. (In Germ.)
3. Abraham, W. (2013). Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag. (In Germ.)
4. Diwald, G. (1991). Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.)
5. Diwald, G. (1999). Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag. (In Germ.)
6. Diwald, G. (2013). Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität. In Funktionen der Modalität. Berlin, Boston: De Gruyter. 77–110. (In Germ.)
7. Kotin, M. L. (2018). YAzyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmenenij = Language and time: a sketch of the theory of language changes. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
8. Kotin, M. L. (2021). Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. In Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 143, 1, 51–111. (In Germ.)
9. Averina, A. V. (2022). Semantics of impersonal constructions with subject of state in dative case in the German and Russian languages. Philology. Theory and Practice, 15(2), 569–575. (In Russ.)
10. Leiss, E. (2008). The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology. In Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions, 15–42. (In Germ.)
11. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). YAzykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) = Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
12. Kotin, M. L. (2012). Modalitäten. In Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 140–158. (In Germ.)
13. Krysko, V. G. (1999). Etnopsichologicheskij slovar' = Ethnopsychological dictionary. Moscow: MPSI. (In Russ.)
14. Hundt, M. (2003). Epistemische Modalität im Deutschen. In Zeitschrift für germanistische Linguistik, 31, 343–381. (In Germ.)
15. Averina, A. (2020). Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. Sprachwissenschaft, 45, 4, 425–471. (In Germ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры германской филологии
Московского государственного областного педагогического университета
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Anna Viktorovna

Doctor in Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of German philology
Moscow Region State Pedagogical University
Professor at the Department of Grammar and History of German language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_18

Реализация конструкций противопоставления в устном экспланаторном дискурсе (на материале выступлений TEDTalk)

М. Р. Алиева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

m.r.alieva@mslu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности употребления конструкций противопоставления в устной монологической речи. Взятые за основу конструкции противопоставления, ранее выделенные методами корпусной лингвистики для письменной публицистической речи, исследуются нами на материале 19 монологических выступлений TEDTalk на английском языке. Поиск высказываний, иллюстрирующих те или иные конструкции, производился сплошной выборкой. Анализ позволил выделить наиболее частотные типы конструкций для устного экспланаторного дискурса, а также новые конструкции, которые ранее не относились исследователями к конструкциям противопоставления.

Ключевые слова: противопоставление, антонимия, синтаксические фреймы, грамматика конструкций, конструкция, устный экспланаторный дискурс

Для цитирования: Алиева М. Р. Реализация конструкций противопоставления в устном экспланаторном дискурсе (на материале выступлений TEDTalk) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 18–24. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_18

Original article

The Implementation of Opposition Constructions in the Oral Explanatory Discourse

Medine R. Alieva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

m.r.alieva@mslu.ru

Abstract. The article is devoted to some features of the use of opposition constructions in oral monologue speech. The constructions of opposition taken as a basis, previously identified by the methods of corpus linguistics for written publicist speech, now explored in TEDTalk monologue speeches in English. The search for sentences illustrating certain constructions was carried out by a continuous sample. The analysis showed that some of them are used more often than others in oral explanatory discourse, and also made it possible to identify new constructions that were not previously classified by researchers as opposition constructions.

Keywords: opposition, antonymy, syntactic frames, grammar of constructions, construction, oral explanatory discourse

For citation: Alieva, M. R. (2023). The Implementation of Opposition Constructions in the Oral Explanatory Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 6(874), 18–24. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_18

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается эволюция способов лингвистической работы с противопоставлениями – от словоцентрического, через синтактикоцентрический к дискурсивному. Противопоставление и его частный случай – антонимия – всегда являлись предметом внимания лингвистов. Однако долгое время они изучались изолированно, в отрыве от их непосредственного окружения в тексте, в отрыве от дискурса. В течение последних 50 лет складывается новый взгляд на противопоставление, заключающийся в том, что необходимо изучать конструкции, в которых употребляются противопоставляемые лексемы. И даже наиболее новый, дискурсивный, подход к изучению противопоставлений оставляет вне поля зрения устную речь.

В данной работе мы пытаемся восполнить эту лауну и проанализировать устный экспланаторный дискурс на предмет употребления в нем конструкций противопоставления. Перед нами стоит исследовательский вопрос, в чем заключается специфика использования конструкций противопоставления в устной монологической речи по сравнению с ранее изученной письменной речью. Задачей статьи является сбор статистических данных по этому вопросу, а также выявление новых конструкций, не рассматриваемых ранее в качестве конструкций противопоставления.

СЛОВОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ И АНТОНИМИИ

В словоцентрических работах противопоставление традиционно представлено лексико-семантической антонимией. В структуралистских учениях взаимно противопоставляемые слова (антонимы) рассматривались в контексте парадигматических отношений [Cruse, 1976; Lyons, 1977]. В этих работах внимание уделяется каноническим антонимам, хотя уже отмечается значимость сочетаемости и контекста для выстраивания отношений противопоставления. Однако парадигматический анализ не всегда раскрывает всё разнообразие отношений противопоставления: необходимо смотреть на окружение антонимии и на те конструкции, в которых антонимы могут употребляться.

СИНТАКТИКОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

При синтактикоцентрическом подходе в логико-семантических исследованиях изучение

противопоставления существенно расширяется и чисто парадигматический анализ дополняется синтагматическим подходом. Акцент перемещается с изучения лексической антонимии на союзы и соединители. Так, например, Е. В. Падучева отмечает, что одним из значений (или *селективных признаков* в терминологии Е. В. Падучевой) союза *a* является противопоставительное значение, заключающееся в «презумпции несоответствия второго компонента естественным следствиям первого, а также задается вопросом, где именно локализована идея противопоставления в предложении – в значении союза или в словах окружающих его» [Падучева, 2009, с. 428]. В английском языке аналогом *a*, равно как и *но*, является союз *but*. Например, в таких предложениях, как: *He has not accepted the invitation, but was sorry about it* (Он не принял приглашения, но пожалел об этом); *The detail was not square but smoothed out* (Деталь была не квадратная, а сглаженная) [Падучева, 2009, с. 432].

Другой подход в рамках синтактикоцентрического изучения противопоставления состоит в том, что изучению союзов и связок предпочитается изучение самих частей предложения, содержащего контраст, и выделяются понятия *контрастной темы* и *контрастной ремы* [Апресян, 2009]. Пример предложения с контрастной ремой: «Вася пришел, а не приехал» [Янко, 2001, с. 48].

Логико-синтаксическое изучение противопоставления основывалось на понимании того, что «в сферу действия контраста могут попасть единицы любого уровня – от фонемы до предложения» [Янко, 2001, с. 48], однако всё еще предлагало ограниченное понимание о функционировании противопоставляемых единиц в речи, в дискурсе.

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

В таких исследованиях, как [Mettinger, 1994; Jones, 2002; Davies, 2008; Jeffries, 2010; Storjohann, 2010], отмечается, что парадигматический и логико-синтаксический анализ не позволяют обнаружить те слова, которые становятся антонимическими парами в определенных контекстах. Предлагается иной подход изучению противопоставления: они анализируются в разных типах дискурса, изучаются синтагматические отношения антонимов с окружающими их словами, исследуются типы контекстов, в которых антонимы встречаются чаще всего. В подобных исследованиях выявляются неканонические антонимы, не находящие отражение в словарях и тезаурусах.

Первая попытка анализа неканонических антонимов с когнитивных позиций произведена А. Меттингером в книге «Aspects of Semantic Opposition in English» 1994 года. Наряду с 350 парами антонимов отобранных из Roget's Thesaurus он добавляет 350 пар, как он их называет, «противопоставлений в контексте» (opposites in context), которые он выделил из корпуса 43 преимущественно британских детективных романов [Mettinger, 1994, с. 2]. Примерами таких «противопоставлений в контексте» являются *life : literature; things : words* [там же, с. 33]. Анализ контекстов, в которых встречаются противоположности, позволяет А. Меттингеру выделить 12 синтаксических фреймов (*whether X or Y; neither X nor Y; X, at the same time Y*), в которые вписывалось большинство его примеров противопоставлений.

Теория А. Меттингера была развита и дополнена С. Джонсом, выявившим конструкции, в которых встречаются антонимические пары [Jones et al., 2012]. Корпус текстов, с которым работал С. Джонс включал в себя не художественную литературу, а публицистические тексты британской газеты «The Independent» за 9 лет (1988–1996). Исследование С. Джонса было масштабным и систематичным: оно включало в себя корпус из 280 млн слов. С. Джонс предварительно отбирает 56 канонических антонимических пар и анализирует 3000 предложений, в которых они встречаются. Несмотря на то что С. Джонс использует термин *конструкция*, а не *синтаксический фрейм*, 6 из 12 типов фреймов / конструкций также входят в его перечень. Он также группирует полученные лексико-синтаксические образцы по их функции в дискурсе. В результате этой работы получается 12 дискурсивно-функциональных типа антонимических конструкций:

- согласованное противопоставление (Coordinated Antonymy);
- противопоставление отрицания (Negated Antonymy);
- противопоставление перехода (Transitional Antonymy);
- противопоставление сравнения (Comparative Antonymy);
- различительное противопоставление (Distinguished Antonymy);
- противопоставление крайностей (Extreme Antonymy);
- конфликтное противопоставление (Conflict);
- противопоставление, вводимое через слэш (Oblique stroke);
- противопоставление-ассоциация (Association);
- одновременность (Simultaneity);
- единство (Unity);
- эквивалентность (Equivalence).

Выделяется также четыре типа дискурсивно-функциональных противопоставлений, не выражающихся в специфических конструкциях: вспомогательное противопоставление (Ancillary Antonymy), идиоматическое противопоставление (Idiomatic Antonymy), противопоставление характеристик (Specification), вопросительное противопоставление (Interrogative Antonymy)¹.

Данные 15 типов противопоставления реализуют себя в 41 конструкции противопоставления вида: *X and Y alike; X as well as Y; how X or Y; Not X, but Y; more X than Y*, где X и Y являются парой слов, словосочетаний или предложений, находящихся в отношении противопоставления. Классификация С. Джонса сложна и неоднородна, как и любая классификация, отражающая реальное положение вещей, а не выдуманная искусственно. Некоторые дискурсивно-функциональные типы противопоставления чаще используются в речи и представлены большим количеством конструкций (например, согласованное противопоставление представлено 13 конструкциями, и наряду со вспомогательной антонимией является наиболее частотно встречающимся типом противопоставления), другие используются в единичных случаях и представлены одной конструкцией, или вообще не имеют специфических конструкций. Некоторые из конструкций могут реализовывать разные типы противопоставлений. Так, конструкция *X and Y* может использоваться для реализации согласованного противопоставления и единства. В то же время вспомогательное, идиоматическое противопоставление и противопоставление характеристик могут реализовываться с помощью различных конструкций, относящихся к другим типам.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ В УСТНОМ ЭКСПЛАНАТОРНОМ ДИСКУРСЕ. МАТЕРИАЛ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Подчеркнем, что классификации А. Меттингера и С. Джонса разрабатывались для письменной речи. Мы применяем их к устному экспланаторному дискурсу, а именно – к видеороликам с монологическими выступлениями на платформе TEDtalk (все видеозаписи находятся в открытом доступе). Цель исследования – посмотреть какие конструкции более частотны в устном экспланаторном дискурсе. Отбор примеров производился методом сплошной выборки, без использования корпусов.

Процедура анализа конструкций противопоставления делится на два этапа:

¹См. обобщение функционально-дискурсивных типов противопоставлений по С. Джонсу у М. Дэвиса [Davies, 2008].

1. поиск контекстов, в которых употребляют канонические антонимы в тексте и выделение лексико-грамматических конструкций, исходя из полученных данных;

2. поиск в тексте выделенных на первом этапе лексико-грамматических конструкций, и анализ конкретных лексических единиц, позволяющий наряду с каноническими антонимами выделить неканонические.

Рассмотрим процедуру анализа на примере. Пары слов, выделенные жирным шрифтом, являются противоположностями:

And Freud in part reflects the anatomy of the human emotion system, which is that we have **both a positive and a negative** system, and our negative system is extremely sensitive (*N. Etcoff. Happiness and its surprises* [02:37–02:52]);

Both female and male students found Heidi and Howard to be equally competent (*R. Hauser. The likability dilemma for women leaders* [03:23–03:28]).

На основе подобных предложений и была выделена конструкция *Both X and Y*.

Реализацией этой конструкции являются также высказывания:

Women, unlike men, are rarely perceived to be **both competent and likable** (*R. Hauser. The likability dilemma for women leaders* [02:23–02:28]);

You cannot **both demand reparations and the right to emit** (*H. Yusuf. A new social contract for global climate justice* [04:37–04:43]).

Пара слов *competent – likable* может быть интуитивно понята как пара противоположностей и без обширного контекста, в то время как противопоставление *reparations – the right to emit* требует пояснения. Речь идет о репарациях пострадавшим от экологических катастроф для экономически менее развитых регионов, и о праве эмиссии этими же регионами вредных веществ, ведущих к последующим экологическим катастрофам. Именно употребление в рамках устоявшейся конструкции противопоставления упрощает понимание полярности и контраста в подобных примерах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЛАНАТОРНОГО ДИСКУРСА

Мы проанализировали 103 случая противопоставления из 19 видеозаписей. По частотности

употребления конструкции расположились следующим образом:

- согласованное противопоставление представлено наибольшим количеством примеров – 46, в том числе конструкция «X and Y» представлена 24 предложениями; конструкция «X or Y» – 11; «Both X and Y» – 7; «Either X or Y» – 1; «How X or Y» – 1; «X but Y» – 1, «X, Y» – 1;

- конструкции со вспомогательным противопоставлением – 14 (в которых выстраивается несколько антонимических пар в одном контексте);

- противопоставление отрицания – 8, в том числе «X, not Y» – 3; «Not X, but Y» – 2; «X instead of Y» – 2; «X as opposed to Y» – 1;

- противопоставление перехода – 7, в том числе «From X to Y» – 6; «Turning X into Y» – 1;

- противопоставление сравнения – 6, в том числе «X rather than Y» – 4; «More X than Y» – 2;

- различительное противопоставление – 5, в том числе «The difference between X and Y» – 3; «Separating X and Y» – 2;

- конфликтное противопоставление представлено конструкцией «X versus Y» – 2;

- идиоматические конструкции – 9, для которых свойственна устойчивость (*sooner or later, life and death, ups and downs, more or less, back and forth, for better or worse*).

Таким образом, из 41 конструкции в наших примерах встретилось 17.

Хотя мы не можем провести непосредственное сравнение между нашим материалом и материалом Джонса (отчетливо различные типы анализируемого речевого материала), мы всё же готовы отметить одну особенность: согласно С. Джонсу, конструкции согласованного и вспомогательного противопоставления являются двумя наиболее значительными классами и составляют 77 % антонимических конструкций, выделенных им в корпусе публицистической речи [Jones et al, 2012, с. 28]. С. Джонс отмечает, что их количество может варьироваться от корпуса к корпусу. В нашем исследовании они представляют 60 случаев из 103, что составляет 58 %.

Возникает вопрос, в чем причина такой частоты употребления согласованного противопоставления? Когда речь заходит о противопоставлении, мы, прежде всего, предполагаем себе конструкции противопоставления отрицания, такие как «X, not Y», «X as opposed to Y», «not X, but Y», где отрицаемое понятие усиливает и подчеркивает значение другого, противопоставленного ему понятия. Однако наиболее частотным средством соединения взаимно противопоставленных лексем является союз *and*, за ним следует союз *or*. Рассмотрим примеры подобных высказываний, реализующих конструкцию «X and Y»:

Now everybody, **young and old**, finds the real laughs more contagious than the posed laughs (*S. Scott. Why we laugh* [11:13–11:20]);

But then, if you look in the literature, **East and West**, you can find incredible diversity of definition of happiness (*M. Ricard. The habit of happiness* [03:03–03:11]);

A state that actually pervades and underlies all emotional states, and all the **joys and sorrows** that can come one's way (*M. Ricard. The habit of happiness* [05:52–06:04]);

Everybody, all politicians on **Left and Right**, agree that meritocracy is a great thing, and we should all be trying to make our societies really, really meritocratic (*A. de Botton. A kinder, gentler philosophy of success* [05:57–06:05]);

You cannot, in the same gesture, **shake hand** and **give a blow** (*M. Ricard. The habit of happiness* [12:35–12:39]);

What's the difference between **a sermon** and our modern, secular mode of delivery, **the lecture**? (*A. de Botton. Atheism 2.0* [05:40–05:45]).

Частотность употребления согласованного противопоставления объясняется тем, что функция, которую выполняют антонимы, соединенные союзом *and* в данном случае – показать, что явление охватывает весь диапазон шкалы, создать ощущение включенности всех элементов шкалы, описываемой двумя противопоставленными лексемами. В контекстах с конструкциями согласованного противопоставления семантическое различие между двумя словами, указывающими на противоположные сущности, частично нейтрализуется. Иными словами, частотность употребления конструкций согласованного противопоставления объясняется тем фактом, что в речи мы часто пользуемся антонимами и противопоставляемыми понятиями не для того, чтобы подчеркнуть их противопоставленность, а чтобы объединить в единое пространство соответствующие сущности, понятия, равно как и все переходные случаи, находящиеся между ними.

Вторым по частотности типом в нашем исследовании является вспомогательное противопоставление. В предложениях, где употребляется две пары антонимов, пара А служит сигналом оппозиции, это пара канонических антонимов, именно она помогает воспринимать пару В как пару противопоставленных понятий. Приведем примеры высказываний со вспомогательными антонимами, где пара А будет выделена жирным шрифтом, а пара В – подчеркиванием:

As I said, the logic is **simple**, but the politics are **complicated** (*H. Yusuf. A new social contract for global climate justice* [03:28–03:34]);

I **didn't want** to see a doctor, I **wanted** to see a movie (*Sh. Vedantam. You don't actually know what your future self wants* [00:23–00:27]).

Как показывают данные примеры, мы воспринимаем *the logic* и *the politics*; *doctor* и *movie* как противопоставления потому, что каждый из них связан через отношение предикации с каноническими антонимами.

Кроме того, нам встретились примеры, где противопоставление происходит за счет выстраивания (присутствия) нескольких пар канонических антонимов.

From **field studies** to **laboratory studies**, we see that winning or losing an election, gaining or losing a romantic partner, getting or not getting a promotion, passing or not passing a college test, on and on, have far less impact, less intensity and much less duration than people expect them to have (*D. Gilbert. The surprising science of happiness* [03:25–03:44]).

С. Джонс отмечает функцию вопросительного противопоставления как особенно важного для устной речи [Jones et al, 2012]. Среди 103 выделенных предложений 7 являются частью вопросительного высказывания. Приведем некоторые из них:

Isn't it the mind that translates the outer condition into **happiness and suffering**? (*M. Ricard. The habit of happiness* [07:51–07:55]);

So is this **involuntary laughter or more voluntary laughter**? (*S. Scott. Why we laugh* [07:08–07:11]);

And will the games of tomorrow be games of **subjugation and domination or inspiration and liberation**? (*N. Raftord. How gaming can be a force for good* [13:48–13:56]).

Эти конструкции формально могут быть похожи на конструкции согласованного противопоставления, такие как «X and Y», «X or Y», но цель их употребления не в нейтрализации оппозиции, не в объединении всех промежуточных элементов шкалы, а в подчеркнутой несовместимости этой пары слов, и в этом смысле именно вопросительные конструкции носят разделительный характер.

Нами было выделено шесть выражений, в которых используются антонимы, и которые, однако,

не могут быть отнесены ни к одной из известных конструкций противопоставления.

It required taking **what you do** seriously without taking **yourself** too seriously (*W. Guidara. The secret ingredients of great hospitality* [05:38–05:45]).

Выделяем конструкцию «X without Y», на наш взгляд она близка к функционально-дискурсивному типу противопоставление отрицания.

Rejoicing compared to **jealousy** (*M. Ricard. The habit of happiness* [12:48–12:52]).

Конструкция «X compared to Y» может быть отнесена к функционально-дискурсивному типу противопоставление сравнения.

Benevolence, loving kindness against **hatred** (*M. Ricard. The habit of happiness* [13:00–13:04]).

Конструкция «X against Y» также по значению соотносится с функционально-дискурсивным типом противопоставления отрицания.

They wanted to replace **scripture** with **culture**. (*A. de Botton. Atheism 2.0* [04:06–04:09]).

Конструкция «to replace X with Y» может быть отнесена к функционально-дискурсивному типу противопоставление перехода, так как в значении присутствует элемент смены состояния, перехода.

We keep our door open from **early in the morning** until **late at night** (*Ch. Tosi. My secret to creating real magic* [11:48–11:50]).

Конструкция «From X till Y» также может быть отнесена к функционально-дискурсивному типу противопоставление перехода.

So there's a spirit of **equality** combined with deep **inequality**, which can make for a very stressful situation (*A. de Botton. A kinder, gentler philosophy of success* [04:42–04:48]).

Конструкция «X combined with Y» может быть отнесена к функционально-дискурсивному типу одновременность, характеризующемуся значением двойственных свойств X и Y, присущих одному и тому же референту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ устных монологических выступлений на платформе TEDTalk показал, что многие из конструкций, употребляемых в письменной речи, актуальны также для устной подготовленной речи. В целом преобладают те же функционально-дискурсивные типы, что и в публицистическом дискурсе (согласованное противопоставление, вспомогательное противопоставление). Проведено наблюдение над конвенциональной антонимией, рождающейся в контексте, в результате которого сделан вывод: присутствие данных конструкций в мышлении говорящего дает возможность понимать нетривиальные противопоставления в качестве таковых.

Найденные нами новые конструкции противопоставления на сравнительно небольшом материале свидетельствуют о том, что работа в данном направлении является продуктивной. Возможно, что изучение других видов дискурса устной и письменной речи также даст обширный материал для дальнейшего изучения конструкций противопоставления в рамках грамматики конструкций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cruse D. Three classes of antonym in English. *Lingua*. 1976. # 38. P. 281–292.
2. Lyons J. *Semantics I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
3. Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2009.
4. Апресян Ю. Д. Исследование по семантике и лексикографии: монография: в 2 т. Т. I. Парадигматика. М.: Языки славянской культуры, 2009.
5. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи: научно-популярное издание. М.: Языки славянской культуры, 2001.
6. Mettinger A. *Aspects of semantic opposition*. Oxford: Clarendon, 1994.
7. Jones S. *Antonymy: a corpus-based approach*. London: Routledge, 2002.
8. Davies M. *Oppositions in News Discourse: the ideological construction of 'us' and 'them' in the British press*: PhD in Linguistics, Huddersfield, 2008.
9. Jeffries L. *Opposition in discourse: the construction of social meaning*. London: Continuum, 2010.
10. Storjohann P. *Lexical-semantic relations: theoretical and practical perspectives*. Amsterdam: Benjamins, 2010.

11. Jones S. et al. Antonyms in English: Construals, constructions and canonicity. Cambridge: Cambridge University Press. 2012.

REFERENCES

1. Cruse, D. (1976). Three classes of antonym in English. *Lingua*, 38, 281–292.
2. Lyons, J. (1977). *Semantics I*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Paducheva, E. V. (2009). Statyi raznyh let = Articles of a range of years. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
4. Apresyan, Yu. D. (2009). Issledovaniye po semantike i leksikografii: monografiya. Vol. I. Paradigmatika = The Research of Semantics and Lexicography: Monograph. Vol. I. Paradigmatics. Moscow: Languages of Slavic Cultures (In Russ.)
5. Yanko, T. E. (2001). Kommunikativnye strategii russkoj rechi: nauchno-popul'arnoye izdaniye = Communicative strategies of Russian speech. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
6. Mettinger, A. (1994). *Aspects of semantic opposition*. Oxford: Clarendon.
7. Jones, S. (2002). *Antonymy: a corpus-based approach*. London: Routledge.
8. Davies, M. (2008). *Oppositions in News Discourse: the ideological construction of 'us' and 'them' in the British press*: PhD in Linguistics, Huddersfield.
9. Jeffries, L. (2010). *Opposition in discourse: the construction of social meaning*. London: Continuum.
10. Storjohann, P. (2010). *Lexical-semantic relations: theoretical and practical perspectives*. Amsterdam: Benjamins.
11. Jones, S. et al. (2012). *Antonyms in English: Construals, constructions and canonicity*. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алиева Медине Рустемовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alieva Medine Rustemovna

Postgraduate Student of the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Медийный нарратив конвертита как социокультурный и лингвопрагматический феномен

Е. Е. Анисимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
etanisimova@mail.ru

Аннотация. В статье определяется сущность религиозной конверсии, исследуется социокультурный и лингвопрагматический аспекты медийного нарратива конвертита. Медийный нарратив рассматривается как сложное семиотическое целое, в котором повествовательная интенция автора реализуется с помощью вербальных и невербальных средств (видео, фото, аудиосредства и др.). Основной стратегией, используемой нарратором, является стратегия самоидентификации с исламом. Она реализуется с помощью различных тактик (репрезентативной, мнемонической, адаптивной, резюмирующей и др.), которые отражают различные стадии конверсии (предконверсионную, конверсионную, постконверсионную) и соотносятся с различными частями композиции нарратива.

Ключевые слова: медийный, нарратив, конвертит, ислам, феномен, стратегия, тактика

Для цитирования: Анисимова Е.Е. Медийный нарратив конвертита как социокультурный и лингвопрагматический феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 25–32. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_25

Original article

Convertite's Media Narrative as a Sociocultural and Linguo-pragmatic Phenomenon

Elena E. Anisimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
letanisimova@mail.ru

Abstract. The article defines the essence of religious conversion, considers sociocultural and linguo-pragmatic aspects of convertite's media narrative. The media narrative is considered as a semiotic compound in which the author's narrative intention is realized using verbal and non-verbal means (video, photo, audio etc.). The author's strategy in media narrative is the agency with Islam. It is realized using various techniques (representative, mnemonic, adaptive, integrating etc.), which reflect various stages of conversion (pre-conversion, conversion, post-integrating etc.), coming up to various parts of the narrative composition.

Keywords: media, narrative, convertite, islam, phenomenon, strategy, technique

For citation: Anisimova, E. E. (2023) Convertite's Media Narrative as a Sociocultural and Linguo-pragmatic Phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 25–32. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_25

ВВЕДЕНИЕ

Проблема религиозной идентичности как одной из важнейших форм идентичности человека вызывает в настоящее время повышенный научный и общественный интерес в связи с явлением религиозной конверсии, получающим все более широкое распространение в современном мире благодаря глобализации, миграционным процессам, интенсивности межэтнических и межконфессиональных контактов. Под конверсией религиозной понимается «перемена идентичности религиозной через отказ верующего от исходной принадлежности к наиболее распространенной автохтонной религии и обращение в религию инокультурного происхождения» [Энциклопедический словарь социологии религии, 2017, с. 138]. Конвертитом является верующий человек, сменивший свою религиозную идентичность, приняв религию инокультурного происхождения. Исследование религиозной конверсии, начало которому было положено в западной социологии в 1960–1970 годы, приобретает в последнее время междисциплинарный характер [Уфимцева 2020]. Данное явление вызывает профессиональный интерес теологов, философов, антропологов, этнологов, культурологов, психологов. Ученые анализируют социальную ситуацию, в которой возникает религиозная конверсия, выявляют ее функции, исследуют процесс религиозной конверсии на его разных стадиях, прогнозируют его последствия для конвертита [Религиозные конверсии в постсекулярном обществе, 2017; Исаева 2014; Салахова 2020; Рязанова 2022; Чакон-Тральски 2018].

В связи с антропологическим подходом в лингвистике, нарративным поворотом в гуманитарных науках актуальным становится изучение нарратива конвертита, являющегося личным вербальным свидетельством его обращения в инокультурную религию. В нарративе конвертита как личной биографической истории раскрывается его внутренний мир, система ценностей, мотивация, отражается его религиозный, социальный, культурный опыт, проявляется его индивидуальная и коллективная идентичность. Широкое распространение нарративы конвертитов получали в интернет-СМИ, где активно обсуждаются вопросы веры и взаимоотношений между конфессиями, и где личная мультимедийная история в связи с развитием сторителлинга стала наиболее популярным жанром современной интернет-журналистики [Прасолова 2016].

Материалом настоящего исследования послужили интернет-ресурсы канала deutsche welle youtube, размещенные под рубрикой «Warum ich

zum Islam konvertiert habe / bin»¹, которые содержат нарративы-видеообращения немецкоязычных конвертитов, перешедших из христианства в ислам.

МЕДИЙНЫЙ НАРРАТИВ КОНВЕРТИТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нарратив конвертита представляет собой монологическое повествование от первого лица, которому присущи такие свойства, как событийность (событие духовно-нравственной жизни – изменение религиозной идентичности), последовательность действий (пространственно-временной хронотоп), сюжет, композиция (начало, середина, конец), точка зрения автора с позиции принятия им новой веры (модальность, оценочность, эмоциональность). В компьютерно-опосредованной коммуникации нарратив конвертита предстает как мультимедийный нарратив. Он представляет собой сложное семиотическое образование, включающее в себя средства разных семиотических кодов (вербальные, иконические, аудиосредства и др.), характеризующееся целостностью и связностью, благодаря которым конвертит комплексно передает информацию и реализует свою повествовательную интенцию. При этом изображение может оставаться относительно статичным, если повествование ведется из одного локуса – места осуществления видеозаписи, или приобретать динамичный характер при смене локусов в форме видеок кадров, иллюстрирующих сюжет нарратива. У креативных и наиболее технически «продвинутых» нарраторов видеоряд может носить постановочный характер.

Адресантами нарратива являются конвертиты (европейцы, преимущественно немцы), различающиеся по своим возрастным, гендерным характеристикам, социальному происхождению, уровню образования, семейному положению, месту жительства и т. д. В качестве **адресатов** нарратива выступают интернет-пользователи (верующие / неверующие), проявляющие интерес к вопросам религии и к исламу как наиболее активной и быстроразвивающейся религии мира. **Целеустановка** нарратора – рассказать о своей жизни, объяснить свой духовный выбор иной религии и убедить окружающих в его правильности, поддержать и укрепить своим примером тех, кто ищет свой путь к Богу в исламе. В условиях негативного

¹URL: <https://m.youtube.com/results?sp=mAEA&search+query=wie+ich+zum+islam+Konvertiert+bin>; <https://youtube.be/Cz21hBknin>; <https://youtu.be/ePI102MJPJA>; <https://youtu.be/4pj86RCOOFs>; https://youtu.be/b_mgQbxhy30; <https://youtu.be/pZIFvUm9nQ>; <https://youtu.be/ciaSEf1AyqA>; <https://youtu.be/8ifig-yhgM>

отношения значительной части общества Германии к иммигрантам с Востока, к конверсии как к духовному и социально-культурному явлению, а также страха перед исламским экстремизмом нарративы конвертитов могут приобретать протестный характер: открытое заявление человека о смене своей религиозной идентичности в интернете может служить миссионерским целям, способствовать популяризации и распространению ислама в стране.

Для достижения своей коммуникативной цели установив конвертит применяет стратегию **самоидентификации с исламом**, которая заключается в осознании им своей принадлежности к данной религии, демонстрации своей индивидуальной и коллективной исламской идентичности. Данная стратегия реализуется тактиками, которые соотносятся с разными стадиями обращения нарратора в иную религию (предконверсионной, конверсионной, постконверсионной), которые отражаются в композиции нарратива.

Начало нарратива характеризует **репрезентативная** тактика, состоящая в представлении нарратором себя интернет-аудитории: он называет свое европейское имя (в ряде случаев его исламское имя, например, *Musab, Rifat* упоминается при представлении его истории в интернете)¹, сообщает о смене своей религиозной идентичности. Этому служат лексические единицы *Muslim / Moslem / Muslima / Muslimin, die Konvertierung, zum Islam konvertieren, den Islam annehmen, sich für den Islam entscheiden, sich zum Islam finden*. Например: *Ich bin Muslima; Ich bin seit drei Jahren konvertiert*. Визуальным сигналом исламской идентичности нарратора в мультимедийной истории часто является его внешний вид: обязательный хиджаб и одежда с длинными рукавами у женщин, белая кружевная шапочка, отпущенная борода у мужчин и т. п. Созданию исламского колорита подчас способствует восточный интерьер дома, где почетное место занимают настенный Коран и каллиграфические надписи цитат из него, восточная музыка и др. В целом же для видео-обращений конвертитов характерен привычный европейский антураж.

Для предконверсионной стадии характерными являются мнемоническая, мотивационная, тактика описания знакомства с исламом.

Мнемоническая тактика (тактика-воспоминание) используется нарратором для описания биографических событий жизни, предшествующих его обращению в ислам. Этой цели служат географические

названия, лексические единицы тематических групп «семья», «учеба», «профессия», «хобби», «развлечение». При этом особое место отводится первичной религиозной идентичности конвертита, традиционно усвоенной им от рождения. Так, трансляция христианских ценностей служит особой конфессиональная лексика, например: *christlich, evangelisch, katholisch, konfirmiert, der Religionsunterricht, die Kommunion bekommen, die Firmung, taufen, Sünden beichten*. При этом с позиции обращения в ислам конвертиты в большинстве случаев оценивают свое формальное пребывание в лоне христианской церкви как фактор, не повлиявший существенно на их духовную жизнь. Они заявляют о своем неверии или индифферентности к вопросам веры в тот период: *Ich war allgemein eher atheistisch erzogen; die Religion war für mich nichts Besonderes; Die Religion war für mich nicht von Interesse*.

Мотивационная тактика способствует раскрытию причин обращения конвертита в ислам:

а) личностный кризис (заниженная самооценка, неудовлетворенность жизнью, разочарование в ценностях западного мира и др.);

б) поиск смысла жизни (языковые маркеры – *Selbstfindungsphase, Wahrheitsfrage, Gottesfrage*);

в) отсутствие личного мистического опыта, ответа на жизненные вопросы в христианской церкви, несогласие с ее догматами (Иисус – сын Бога)²;

г) знакомство с адептами ислама, установление с ними дружественных отношений, получение от них знаний о данной религии;

д) изменение семейного положения (замужество у женщин);

ж) воля Аллаха.

В соответствии с учением ислама о предопределении, все во Вселенной подчинено Аллаху и не может произойти без Его соизволения [Рукая Максуд, 1998]. Данный мотив часто встречается в историях конвертитов: *Gott wollte, dass ich ein Moslem werde; Allah entscheidet; Die Entscheidung liegt bei Gott; Allah hat dir die Religion geschenkt*.

Тактика описания знакомства с исламом обусловлена нравственно-психологической, интеллектуальной и эмоциональной восприимчивостью нарратора к идеям этой религии. Языковыми маркерами данной тактики являются лексические единицы *sich mit dem Islam beschäftigen, sich mit dem Islam auseinandersetzen, den Islam kennenlernen, den Islam entdecken*. В своих историях конвертиты нередко упоминают ключевое событие (*Schlüsselerreignis, ausschlaggebender Punkt*), предопределившее или ставшее решающим

¹При переходе человека в иную религию люди часто меняют имя, что связано с древним пониманием имени как выражения сокровенной сущности человека [Максимов, 2010].

²Согласно Корану. Иисус является не сыном Божиим, а Его пророком [Коран 5. 169].

при их обращении в ислам. Обычно это знакомство с адептами религиозного сообщества; чтение Корана, жизнеописания Пророка Мухаммеда; посещение мечети; просмотр фильма, прослушивание кассеты о вере; поездка в одну из стран Востока; особые мистические знаки (пророческий сон, необычное природное явление) и т. п. Формирование индивидуальной и коллективной исламской идентичности осуществляется у конвертитов в большинстве случаев рациональным путем в результате сравнения и сопоставления ими учения ислама с христианским вероучением. Обозначению этого процесса служат лексические единицы ментальной деятельности, например: *Vergleiche anstellen, intellektueller Prozess, den Verstand ansprechen, auf logische / rationale Weise, eine logische Antwort, einen logischen Sinn ergeben*.

Одновременно в принятии новой веры задействована эмоционально-чувственная сторона личности нарратора, о чем в историях сигнализируют лексические единицы, обозначающие эмоции, например: *begeistern, inspirieren, faszinieren, von Gefühlen überschüttet sein, gerührt sein, die Liebe zum Islam*; лексические единицы, обозначающие физическое состояние человека, например, *weinen, Gänsehaut bekommen*. Особую значимость в признаниях конвертитов приобретает символика сердца как центра человеческого существа, связанного с Богом. Лексема *Herz* встречается в нарративах в различных сочетаниях, например: *mit Herzen machen, ins Herz schließen, von Herzen kommen, im Herzen gewachsen, von Herzen konvertieren, sich im Herzen fühlen*. О повышенной эмоциональности, искренности конвертита в мультимедийной истории нередко свидетельствуют невербальные средства (обычно у женщин) – усиленная жестикуляция, срывающийся от волнения голос, слезы и т. п.

В историях особо подчеркивается осознанный характер выбора ислама конвертитами, который маркируется часто встречающимися словосочетаниями *aus Überzeugung, meine reine Überzeugung*. Ислам предстает в нарративах конвертитов как истинная религия, дающая ответы на все жизненные вопросы человека: *Das ist die wahre Religion; Das ist die Wahrheit; Der Islam hat mir Antworten gegeben, die mir andere Religionen nicht geben konnten*. Предпочитая ислам, новообращенные в целом проявляют толерантность по отношению к другим религиям, более того некоторые из них рассматривают свою первичную христианскую идентичность как положительный религиозный опыт, позволивший им при формировании вторичной исламской идентичности самосовершенствоваться, обогатить свою духовность, приблизиться к познанию

Бога. Об этом сигнализируют такие языковые единицы как: *die Vervollständigung, die Bereicherung, bewahren, die Religion erweitern, die Spiritualität vervollkommen*.

Конверсионная стадия знаменует собой публичное заявление конвертита о принятии ислама¹, его участие в деятельности религиозной общины, ее обрядах и ритуалах. На данной стадии происходит радикальное изменение личности конвертита, его поведения: он идентифицирует себя мусульманином и признается другими мусульманами как собрат по вере, его жизнь преобразуется в соответствии с ценностями, нормами, канонами ислама, резко меняется его жизненный уклад, гастрономические привычки². О смене индивидуальной и коллективной религиозной идентичности нарратора сигнализируют:

- местоимение 1-го лица множественного числа *wir* применительно к мусульманам, например, *für uns Muslime*;
- притяжательное местоимение *unser*, например, *unser Prophet*;
- формулы обращения к единоверцам, например, *Brüder und Schwestern in Islam*.

Наряду с духовно-нравственной мировоззренческой функцией конверсия, по мнению исследователей, выполняет социальную и культурную функцию [Салахова 2020] – конвертит отождествляет себя с социальным сообществом (уммой), взаимодействует с членами религиозной общины; ощущает свою причастность к религиозной культуре исламской цивилизации.

Для конверсионной стадии характерными являются адаптивная тактика, тактика описания состояния конвертита после принятия ислама, аргументативная тактика.

Адаптивная тактика заключается в описании процесса адаптации «нового» мусульманина при вхождении в исламскую общину, осуществления им религиозной практики (*den Islam praktizieren, ausleben*). В данной тактике отражается владение конвертитом понятийным и языковым кодом ислама, правилами поведения, знание

¹Для принятия ислама необходимо произнести шахаду – свидетельство веры в присутствии двух свидетелей-мусульман, обычно в местной мечети, общине. Оно состоит из двух частей: нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед (да пребудет с Ним мир) – Пророк Его.

²Жизнь мусульманина опирается на пять столпов ислама, включающего шахаду (свидетельство веры), ежедневную пятикратную молитву, пост в месяц рамадан, паломничество в Мекку, налог в пользу бедных [Гогиберидзе 2009]. Европейцы, перешедшие в ислам, должны отказаться от продуктов из свинины, всяких животных продуктов, которые не разрешены (халрам), алкоголя, посещения баров и ресторанов, нескромных одеяний и т. п. [Рукая Максуд, 1998].

им канонов, ритуалов, обычаев этой религии и т. д. Реализации данной тактики в нарративе служат:

- прецедентные имена, например, *Mohammed, Mekka, Medina, die Kaaba, der Koran, fünf Säule des Islam*;
- исламская конфессиональная лексика, например: *die Moschee, der Imam, der Hadsch, die Schachide, das Kurbanfest, die Sure, der Ramadan, halal / haram, die Gebetswäscherung*;
- цитаты из Корана и Сунны (собрания высказываний и описания поступков Пророка Мухаммеда);
- мусульманские формулы приветствия и молитвенные формулы на арабском языке, например, *salamaleikum* (Мир Вам), *inschallah* (если на это есть воля Аллаха).

В мультимедийных историях данная тактика нередко иллюстрируется с помощью видеокадров: изображения мечети, где верующие собираются на пятничную молитву; конвертита за чтением Корана или совершением ритуального омовения и намаза (обязательных молитв, состоящих из слов и движений, совершаемых в установленное для них время) и т. п.

Тактика описания состояния конвертита после принятия ислама отражает когнитивные, эмоционально-психологические, поведенческие изменения, возникшие у него в результате смены религиозной идентичности. Языковыми маркерами этой тактики являются лексические единицы, обладающие семой «изменение», например: *ändern, verändern, die Veränderung, die Umstellung*; лексема *neu*, например, *das neue Leben, neue Überzeugung, neue Sicht, neue Denkweise, neugeborener Mensch*; лексема *anders*, например: *Ich war noch die Gleiche, aber ich war innerlich ein ganz anderer Mensch*. По мнению нарраторов, новая религия делает их жизнь более осмысленной (*bewusst machen*), определяет ее направление (*Richtlinie geben*), вносит в нее дисциплину и порядок (*Disziplin, Ordnung bringen*), придает им силу: *Der Islam gibt dir viel Kraft*. Они ощущают помощь Аллаха: *Allah hilft dir immer*. Особую роль при этом играют лексические единицы, выражающие положительные эмоции человека, например: *Erleichterung, Zufriedenheit, Geborgenheit, innere Ruhe, Glücksgefühl*.

Аргументативная тактика направлена на преодоление негативных стереотипов относительно ислама и мусульман, получивших распространение и закрепившихся на Западе. С этой целью конвертиты используют аргументы в защиту новой религии:

- а) относительно устоявшегося мнения о воинственном характере ислама, навязывающего другим народам свою веру, в историях нарраторов утверждается противоположное: *Es gibt keinen Zwang zur Religion*; этнические мусульмане при

этом воспринимаются как люди исключительно доброжелательные: *freundlich, herzlich, solidarisch*;

- б) в связи с предубеждением об этнически замкнутом характере ислама нарраторы заявляют об открытом характере этой религии, принятие которой доступно каждому вне зависимости от его национальности: *Jeder darf dem Islam gehören; Im Islam ist jeder willkommen*;

- в) стереотип об униженном положении женщины в исламе (*frauenverachtende Religion*) опровергается утверждениями о добровольном ношении женщинами хиджаба как внешнего проявления их веры, об их особой ценности в мусульманском обществе, об уважении и почитании матери в семье: *Die Frauen bedecken sich freiwillig; Die Frau ist im Islam kostbar wie eine Perle; Unter den Füßen der Mutter gibt es Paradies*;

- г) предубеждение о том, что ислам, жестко регламентирующий не только религиозную, но и бытовую жизнь верующих, ограничивает свободу человека, вызывает возражения конвертитов, отмечающих улучшение качества своей жизни после конверсии. Так, отказ от алкоголя и курения укрепляет здоровье, совершение намаза позволяет им больше времени посвящать Богу, а пост рамадан делает вкусовые ощущения более интенсивными: *Den Geschmack vom Essen spürst du viel intensiver*.

Для постконверсионной стадии характерна **тактика описания последствий принятия ислама**, которая раскрывает отношения конвертита: с его ближайшим окружением (родственниками, друзьями); с обществом; с этническими мусульманами. Особую роль при этом приобретает актуализация когнитивных фильтров «свой» (позитивно заряженный фактор – субъект социального восприятия признается как принадлежащий к той же культуре / субкультуре, что и субъект познания); «чужой» (негативно заряженный фактор – субъект социального восприятия опознается как не принадлежащий к той же культуре / субкультуре, что и субъект познания); «другой» (субъект социального восприятия признается как не принадлежащий к культуре / субкультуре субъекта познания, однако интерпретируется как равноправная альтернатива «своему») [Гришаева, 2022].

У родителей смена религиозной идентичности их детей, как правило, вызывает непонимание и неодобрение, в нарративах их реакция маркируется различными языковыми единицами: от – нейтральных, например, *skeptisch, erstaunt*, до языковых единиц с негативной семантикой, например, *erschrocken, geschockt, gekränkt, wie Fremdgehen, wie ein Schlag ins Gesicht*. Со временем, однако, они смиряются с конверсией детей и принимают ее как данность. Друзья и знакомые, не придающие

особого значения вопросам религии, обычно проявляют толерантность по отношению к религиозному выбору конвертита и воспринимают его как «другого», с которым они продолжают поддерживать межличностные отношения. Вместе с тем в силу мировоззренческих, социальных, культурных изменений у конвертита их контакты могут ослабевать и в конечном итоге прекращаться. «Чужим» конвертит становится для друзей и знакомых, неиндифферентных к вопросам религии, а также предубежденных против мусульман, что неизбежно ведет к разрыву их межличностных отношений. Так в одной из историй молодая полька рассказала, как после конверсии стала объектом обструкции (*Angriffsziel*) со стороны своего католического окружения, обвиняющего ее в предательстве Христа (*Verräterin*) и отказывающей ей в польском происхождении: *Du bist keine Polin mehr*.

Противоречивыми являются отношения между конвертитам и обществом. В тех случаях, когда конвертиты не демонстрируют явно своим внешним видом и поведением принадлежность к исламу, они, как правило, воспринимаются обществом как «другие». Об этом свидетельствует один из нарраторов, юрист по профессии, заявивший, что не чувствует на себе какого-либо давления со стороны общества, за исключением ряда отрицательных откликов на свою конверсию в интернете (*negative Resonanzen*). В качестве аргумента он ссылается на свободу вероисповедания, гарантированную каждому гражданину Германии: *Ich kann sagen, dass ich persönlich keine größeren Probleme als Moslem in dieser Gesellschaft habe. Es ist in Deutschland glücklicher Weise so. Das ist hier das Grundrecht auf die Glaubensfreiheit*. Как «чужие» воспринимаются обществом конвертиты, подчеркивающие свою новую исламскую религиозную идентичность, следствием чего становится настороженное, а подчас враждебное отношение к ним окружающих. Так, одна из рассказчиц отмечает, что после того как она стала носить хиджаб, к ней резко изменилось отношение социума в повседневной жизни (в транспорте, в магазине, при приеме на работу) в худшую сторону: *Ich merke erst jetzt, wie das Umfeld mich wahrnimmt oder wie mich andere Menschen draußen wahrnehmen und dieses Gefühl ist nicht immer so geil*. Ей вторит другой рассказчик-конвертит, заявляющий о том, что в общественном мнении Германии ислам приравнивается терроризму: *Der Islam wird halt immer noch gleichgesetzt mit Terrorismus*. По его словам, после принятия ислама он стал объектом наблюдения спецорганов (*unter Beobachtung sein*), постоянно ощущает пристальное внимание

и недоброжелательное отношение к себе окружающих, видящих в нем потенциального террориста. Визуальным подтверждением сказанного является сопровождающий историю видеоряд, в течение которого нарратор шествует в длинном мусульманском одеянии в мечеть и слышит язвительное пожелание прохожего в свой адрес «подтянуть свою юбку повыше»: *Du müsstest den Rock etwas höher ziehen*.

Неоднозначно складываются отношения между конвертитам и этническими мусульманами. Принимая ислам, европейцы-конвертиты становятся для этнических мусульман «своими» по религиозной принадлежности, их конверсия получает у них поддержку и одобрение, что маркируется в историях языковыми единицами, обладающими положительной семантикой, например, *sich freuen, gratulieren, mit offenen Armen empfangen*. Вместе с тем по своей этнокультурной идентичности «новые» мусульмане и этнические мусульмане продолжают оставаться друг для друга в значительной части случаев «другими», «чужими». Так, в своих историях конвертиты нередко жалуются: на языковые барьеры (службы в мечети и межличностное общение там осуществляется обычно на восточных языках); на одиночество в Рамадан, в который этнические мусульмане предпочитают осуществлять вечернюю трапезу в своем кругу; на мелочную опеку со стороны «исконных» мусульман (*Originalmuslime*); на требования правильности осуществления обрядов, навязываемые конвертитам; на подозрительное отношение к женщинам-европейкам, принявшим ислам якобы только в угоду мужу и его родственникам. О недопустимости такой ситуации с горечью говорит один из нарраторов: *Konvertiten ist nicht einfach nur damit geholfen, dass man sagt: Oh, nice, du bist Konvertit! *Küsschen. Tschüs! Damit ist die Sache nicht gegessen. Einmal kurz alle jubeln in der Moschee und am Ende läuft er alleine aus der Moschee raus...*

Завершаются нарративы конвертитов обычно использованием **резюмирующей тактики**, выражающей выработанную нарратором мотивацию смены своей религиозной идентичности. В большинстве случаев нарраторы заявляют о правильности своего решения, в котором они до сих пор не раскаиваются: *Ich bin 1000 Prozent sicher, dass ich das Richtige mache; Ich habe es bis heute nicht bereut*. Одновременно слышатся и противоположные голоса. Так, один из нарраторов с грустной иронией замечает, что не стал бы никогда мусульманином, если бы знал мусульман до своей конверсии: *Hätte ich die Muslime vor dem Islam kennengelernt, wäre ich nicht Muslim geworden*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, медийный нарратив конвертита является особым социокультурным и лингвопрагматическим феноменом, позволяющим проследить духовный и жизненный путь человека, сменившего свою религиозную идентичность на ислам в современном европейском мире. Проведенный анализ позволил выявить стратегии, тактики, а также

вербальные и невербальные средства, используемые конвертитами для представления своей новой исламской идентичности в интернет-СМИ. Дальнейшее изучение медийных нарративов станет вкладом лингвистики в разработку объяснительной модели конверсии, в воссоздание обобщенного образа современного конвертита и выявление его основных лингвокультурных типов, а также в исследование конверсионного дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедический словарь социологии религии. СПб.: Платоновское философское общество, 2017.
2. Уфимцева Е. И. Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 426–437.
3. Религиозные конверсии в постсекулярном обществе. Коллективная монография. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения, 2017.
4. Исаева В. Б. Социальный механизм религиозной конверсии на примере Петербургской буддийской общины Карма Кагью: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014.
5. Салахова Д. Ф. Этно-религиозная идентичность в поликонфессиональном регионе (религиоведческий анализ конверсий из других религий в ислам): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2020.
6. Рязанова Э. Ф. Мусульмане-иммигранты 2–3 поколения и немцы-мусульмане в Германии: религиозная идентичность и практики. Опыт сравнительного анализа: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2022.
7. Чакон-Тральски Д. Конверсия в ислам: постепенное преобразование versus радикальное // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. №2. С. 157–164.
8. Прасолова Е. В. Функционально-стилевые особенности мультимедийной истории как жанра интернет-СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
9. Максимов Ю. Вызов ислама и Православная Церковь. Взаимоотношения Православия и ислама. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой лавры. М., 2010.
10. Рукая Максуд. Ислам. М.: ФАИР–ПРЕСС, 1998.
11. Гогиберидзе М. Г. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
12. Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: НАУКА–ЮНИПРЕСС, 2022.

REFERENCE

1. Entsiklopedichesky slovar sotsiologii religii (2017). = Dictionary of Sociology of Religion. Moscow: Platonovskoye filosofskoye obshchestvo. (In Russ.)
2. Ufimtseva, E.I. (2020). Modern Explanatory Models of Religious Conversion: Limitations and Heuristic Possibilities. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 20, 4, 426–437. (In Russ.)
3. Religioznyye konversii v postsekulyarnom obshchestve (2017) = Religious Conversions of Post-Laical Community. Kollektivnaya monografiya. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya. (In Russ.)
4. Isaeva, V.B. (2014). Sotsialnyy mekhanizm religioznoy konversii na primere buddiyskoy obshchiny Karma Kadyu = Social Mechanism of Religious Conversion using Saint-Petersburg Buddhist Community “Karma- Kagyu” as an Example: abstract of PhD in Sociological Sciences. St.Peterburg. (In Russ.)
5. Salachova, D. F. (2020). Etno-religioznaya identichnost v polikonfessionalnom regione (religiovedcheskiy analiz konversiy iz drugikh religiy v islam) = Ethno-Religious Identity in Poly-Confessional Region (Religious Studies of Conversions to Islam from Other Religions: abstract of PhD in Philosophical Sciences. Kasan. (In Russ.)
6. Ryazanova, E.F. (2022). Musulmane-immigranty 2–3 pokoleniyal nemtsy-musulmane v Germanii: religioznaya identichnost i praktiki. Opyt sravnitel'nogo analiza = Moslems Immigrants (2nd–3rd Generation) and German Moslems: Religious Identity and Practices. A Venture of Comparative Analysis: abstract of PhD in Historical Sciences. Moscow. (In Russ.)

7. Chakon-Tralski, D. (2018) Conversion to Islam: a gradual transformation versus a radical change Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring, 2, 157–164. (In Russ.)
8. Prasolova, E. V. (2016). Funktsionalno-stilevyye osobennosti multimediynoy istorii kak zhanra internet-SMI = Special Functional and Stylistic Aspects Of Multimedia History as the Online Media Genre: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Maksimov, Yu. (2010). Vyzov islama I Pravoslavnaya tserkov. Vzaimootnosheniya Pravoslavnoy Tserkvi I islama = Challenge of Islam and Orthodox Church. Islam – Orthodoxy Interaction. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo podvoriatroitse-Sergiyevoy lavry. (In Russ.)
10. Rukaya Maksud. (1998). Islam. = Islam. Moscow: FAIR-PRESS. (In Russ.)
11. Gogiberidze, M. G. (2009). Islamskiy tolkovyy slovar = Defining Dictionary of Islam. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.)
12. Grishayeva, L. I. (2022). Dialogi o mezhkulturnoykommunikatsii = Dialogues on Intercultural Communication. Voronezh: NAUKA-JUNIPRESS. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Елена Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Elena Evgenievna

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor
Professor at the Department of Grammar Language
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Принцип иконичности в когнитивно-прагматическом моделировании ситуаций немецкого сложноподчиненного предложения (на примере синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ)

Т. В. Бурдаева

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия

t-burdaeva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется синтаксический концепт АТРИБУТИВНОСТЬ, репрезентантом которого выступает модель сложноподчиненного предложения с определительным придаточным в немецком научном тексте. Исследуются когнитивно-прагматические ситуации по принципу иконичности. Предлагаются критерии для отграничения иконичных ситуаций от неиконичных. Выявляются ситуации рестриктивного и аппозитивного типов, характеризующиеся как иконичные / неиконичные.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, относительное придаточное предложение, принцип иконичности, когнитивно-прагматическое моделирование, когнитивно-прагматическая ситуация, синтаксический концепт АТРИБУТИВНОСТЬ

Для цитирования: Бурдаева Т. В. Принцип иконичности в когнитивно-прагматическом моделировании ситуаций немецкого сложноподчиненного предложения (на примере синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 33–40. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_33

Original article

The Principle Of Iconicity in Cognitive-Pragmatic Situational Modelling of the German Complex Sentence (based on the Syntactic Concept Attribution)

Tatyana V. Burdaeva

Samara State Transport University, Samara, Russia

t-burdaeva@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the syntactic concept ATRIBUTION, which is represented by the model of an attributive clause in a German scientific text. Cognitive-pragmatic situations are studied according to the principle of iconicity. Criteria are proposed for delimiting iconic situations from non-iconic ones. Situations of restrictive and appositive types are revealed, evaluated as iconic / non-iconic.

Keywords: complex sentence, attributive clause, the principle of iconicity, cognitive-pragmatic modelling, cognitive-pragmatic situation, the syntactic concept ATRIBUTION

For citation: Burdaeva, T.V. (2023). The Principle of Iconicity in Cognitive-pragmatic Situational Modelling of the German Complex Sentence (based on the syntactic concept ATRIBUTION). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 33–40. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_33

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, связанные с моделированием сложных синтаксических единиц, в том числе – сложноподчиненного предложения (*далее* СПП), давно вызывают интерес у лингвистов и не теряют своей актуальности в ряду современных исследований. В результате развития когнитивной лингвистики в теории сложного предложения применяются новые методы, позволяющие моделировать предложения, например, в когнитивно-прагматическом [Кострова, 1992; Суворина, 2006; Кострова, Собчакова, 2011; Бурдаева, 2020] или метакогнитивном аспектах [Болдырев, Виноградова, 2016; Фурс, 2018]. Когнитивный фокус исследования соотносится с установлением мотивационных связей, со способами распределения и последовательности подачи информации в тексте. Прагматический фокус предполагает анализ значения единицы в контексте, включая и все имплицитные смыслы, репрезентируемые этой единицей [Фурс, 2022]. Одна и та же ситуация в предложении может быть выражена различными способами в зависимости от иллюстрации, коммуникативного намерения коммуникантов.

Сегодня разрабатываются методологические принципы, применяемые в когнитивно-прагматическом ситуативном моделировании. Одним из таких является принцип иконичности, в основе которого лежит сходство между формой и ментальным образом объекта действительности, сформированном в сознании человека [Козлова, 2018]. Данный принцип позволяет, с одной стороны, исследовать лингвистические единицы в качестве иконических знаков. СПП, рассматриваемое как сложный иконический знак, строится по определенной модели, способной репрезентировать некий синтаксический концепт, который, в свою очередь, может выражать одну или несколько ситуаций действительности. С другой стороны, принцип иконичности объясняет упорядоченность синтаксических единиц не только в пределах одного предложения, но и в тексте, что способствует его лучшему восприятию. Как подчеркивает К. Я. Сигал, «принцип иконичности тесно связан с когнитивно-коммуникативной деятельностью человека, поскольку иконичность оказывается одновременно и одним из модусов существования познанного в человеческом сознании, и психосемантическим предусловием восприятия текста и его единиц» [Сигал, 1999, с. 27–29]. Этот принцип участвует в когнитивно-прагматическом ситуативном моделировании, которое предполагает систематизацию когнитивно-прагматических ситуаций, выраженных в предложении.

Целью данного исследования является когнитивно-прагматическое моделирование ситуаций

СПП на примере концепта АТРИБУТИВНОСТЬ, репрезентантом которого выступает модель СПП с определительным придаточным в немецком языке. На основе принципа иконичности возможно выделение когнитивно-прагматических ситуаций и их признаков по типу иконичности / неиконичности.

В корпус исследования входят научные статьи из немецких специализированных журналов (за 2000–2017 годы). СПП с определительными придаточными составляют, по нашим статистическим данным, почти половину от всего количества СПП (44,6 %), функционирующих в научно-технических текстах. Количественный фактор послужил основной причиной выбора данного типа СПП. При этом большая часть (83,6 %) принадлежит СПП с относительными придаточными (*далее* СПП_{Relativ}), которые исследуются в настоящей работе.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СИТУАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПП

Впервые понятие когнитивно-прагматического ситуативного моделирования (в *оригинале* когнитивно-прагматическое ситуирование) применяется О. А. Костровой [Кострова, 1992]. Сложноподчиненное предложение рассматривается автором как продолженная синтаксическая форма, под которой понимается объединение синтаксических структур со сходной семантикой, содержащих более одного явного или имплицитированного предикативного узла, принадлежащих к разным уровням языка, и в то же время, служащих метаязыковым перекрывающим понятием для реальных языковых единиц. При анализе продолженных синтаксических форм выделяется ряд *когнитивно-прагматических ситуаций* (*далее* КПС). КПС представляет собой конструктивную когнитивно-семантическую единицу, в которой типизируются способы представления связей объектов мысленного отражения с их языковым выражением в соответствии с задачами, определяемыми коммуникативным регистром.

Развивая теорию когнитивно-прагматического ситуативного моделирования СПП, мы обращаемся к понятию синтаксического концепта, означающего единицу знания о мире, репрезентируемую структурной моделью предложения, наделенной типовым значением, которое выражает определенные смысловые отношения между событиями, описываемыми в СПП [Кузьмина, 2015].

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА АТРИБУТИВНОСТЬ

В основе синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ лежит значение атрибутивности

(наделенность свойствами, признаками, качествами), выражающее атрибутивные взаимоотношения между событиями, изложенными в главном и придаточном предложениях. Концепт вербализуется моделью СПП_{Relativ}, вводимой относительными местоимениями на *d-* или *welch-*:

Entscheidend hierbei ist die Zeit, innerhalb **derer** sich ein für die Evakuierung grenzwertiger Verrauchungszustand einstellt (ETR, 2010, № 11);

Hierzu gehört auch ein optisches und akustisches Alarmmeldesystem im Tunnel, **welches** zentral über den Sicherheitsleitstand gesteuert wird (EI, 2009, № 9).

СПП_{Relativ} имеют свои особенности, которые следует учитывать в когнитивно-прагматическом моделировании ситуаций. Во-первых, это – характер синтаксической зависимости, так называемая присловная зависимость относительных придаточных предложений, которые входят в состав СПП посредством зависимости от определяемого – опорного слова (существительного или местоимения), от его лексико-морфологической природы. Присловная зависимость определительных придаточных предложений составляет их основное синтаксическое свойство. Во-вторых, присловная зависимость определяет способ связи у СПП_{Relativ}, а именно – условно обозначаемый как союзный, в котором доминируют относительные местоимения на *d-*, соответствующие опорному слову по числу / роду / падежу. В-третьих, традиционные классификации СПП_{Relativ} в основу которых положен структурно-семантический признак [Duden, 1995; Engel, 1994] не всегда четко позволяют отличать СПП_{Relativ} от таких СПП, в которых передаются пространственные, временные, причинные и т. д. отношения, содержится сравнение, например: *Wer diese Auffassung vertritt, ist ein Verbrecher* или *Sie verhält sich, wie sie es gelernt hatte* [Duden, 1995]. В этой связи возникает необходимость разработать основу для классификации СПП_{Relativ} в рамках когнитивно-прагматического ситуативного моделирования по принципу иконичности.

ИКОНИЧНОСТЬ / НЕИКОНИЧНОСТЬ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ РЕСТРИКТИВНОГО И АППОЗИТИВНОГО ТИПА

По аналогии с классификацией СПП_{Relativ} Г.-В. Эромса, который различает рестриктивные (*Alle Hunde, die beißen, müssen eingesperrt werden*), аппозитивные (*Alle Hunde, die immer auch bissige Exemplare*

aufweisen, müssen hier einen Maulkorb tragen) и континуативные (*Sie erbte eine Apotheke, die sie später verkaufte*) относительные придаточные предложения [Eroms, 2000], выделим когнитивно-прагматические ситуации трех типов: 1) рестриктивного, 2) аппозитивного, 3) континуативного.

В основе данной классификации лежит прагматический признак, реализующийся преимущественно в тема-рематическом делении. Любые члены предложения, которые следуют за опорным словом, могут быть тематизированы в придаточном предложении, т. е. могут образовывать топик. При этом тема-рематическое деление происходит очень органично не только для придаточного предложения, но и для всего предложения.

В когнитивно-прагматических ситуациях рестриктивного типа передаваемая информация является новой. Рестриктивность выражается в том, чтобы однозначно дефинировать определяемый компонент именной фразы и ограничить экстенсивность понятия, например:

Durch den KV (Kombinierter Verkehr. – прим. авт.) können so auch Firmen, **die** keinen Gleisanschluss besitzen, den Schienenverkehr nutzen (Internationales Verkehrswesen, 2010, № 05);

Nahverkehrsprojekte sind so individuell wie die Stadt, in der sie realisiert werden (EI, 2015, № 11).

В ситуациях аппозитивного типа информация представляется дополнительной, главное предложение может выступать как законченное самостоятельное предложение, например:

Bahnhöfe und Haltepunkte gelten als ungeregelte Sonderbauten, bei **denen** der Nachweis der Sicherheit über ein Brandschutzkonzept (BSK) zu führen ist (ETR, 2010, № 11);

Hinzu kommen potentielle Anwendungsfälle im Güterverkehr sowie diverse Betriebsstellen, in **denen** Züge in ein besetztes Gleis einfahren sollen, ohne zu kuppeln (EI, 2009, № 09).

В ситуациях континуативного типа также содержится второстепенная информация. Особенность данного типа ситуаций заключается в том, что события в придаточной части совершаются в более поздний период времени, чем событие в главной части. Ср.:

Zwar wurde in den letzten Jahren eine Reihe neuer Containerbauarten auf den Markt gebracht, z.B. Kühlcontainer, die das theoretische Potenzial der

verlagerbaren Güter deutlich erhöhten (*Internationales Verkehrswesen*, 2010, № (62) 5);

Die ÖBB haben bereits vor einigen Jahren eine spezielle ÖBB-Firmenlösung „TIM“ entwickeln lassen, mit welcher laut eigener Aussage der Return on Investment (ROI) innerhalb von drei Jahren erzielt werden konnte (*EI*, 2016, № 6).

По нашим наблюдениям, подобные СПП^{Relativ} редко употребляются в научно-технических текстах, поэтому наше исследование ограничивается рассмотрением когнитивно-прагматических ситуаций рестриктивного и аппозитивного типов. Для их отграничения предлагаем следующие критерии: контекст и лексико-семантическое наполнение. Наличие дополнительных детерминаций у опорного слова в главном предложении наряду с атрибутивной придаточной частью является существенным в лексико-семантическом наполнении предложения.

В СПП^{Relativ} реализуется важная категория качества, которая сопряжена с атрибутивностью как необходимым, неотъемлемым свойством предмета или явления или характерным признаком предмета или явления. Это свойство может выражаться при передаче информации в сжатой форме, без повторного упоминания предмета, то есть представляется иконичным, что типично для описания каких-либо научных явлений, фактов. Стремление к экономии усилий, обобщению и ассоциативному мышлению взаимодействует с принципом иконичности [Плешак, 2020]. Но значение атрибутивности может выражаться и не иконично, если у СПП^{Relativ} имеется более разветвленная структура.

Установить иконичность / неиконичность ситуаций возможно с помощью принципа дистанции, более частного принципа иконичности, означающего следующее соотношение между элементами в мире и обозначающими их словами: чем ближе они друг к другу, тем теснее связь между ними, единицы языка, связанные друг с другом функциональными, когнитивными отношениями, обычно располагаются в тесной последовательности. Так, в СПП^{Relativ} принцип иконичности определяет расстояние между придаточной частью и опорным словом. Кроме того, наличие различных дополнительных значений влияет на порядок подчиненности в СПП^{Relativ} [Taigel, 2021].

Следовательно, иконичность ситуаций в СПП^{Relativ} определяется по 1) однозначности выражаемой информации и 2) близости опорного слова к определительной придаточной части.

Неиконичность ситуаций *выражается* в наличии дополнительных пропозиций в СПП с определительными придаточными и *характеризуется* некоторой удаленностью опорного слова от определительной придаточной части.

В качестве дополнительного критерия можно рассматривать форму сказуемого (время, наклонение, модальность). Например, М. Л. Котин условно считает настоящее время признаком реально происходящих событий, напротив, прошедшее время он связывает с нереальностью, так как событие отделено от момента речи дистанцией [Котин, 2017].

Когнитивно-прагматические ситуации рестриктивного типа

А. Характеристика:

– характеризуется время, в течении которого возникает предельный уровень задымления для эвакуации:

Entscheidend hierbei ist die Zeit, innerhalb **derer** sich ein für die Evakuierung grenzwertiger Verrauchungszustand einstellt (*ETR*, 2010, № 11).

Когнитивно-прагматическая ситуация в обоих примерах иконична, так как представленная в них информация выражена однозначно, соответствует реальной действительности, на что указывает форма сказуемого в настоящем времени презенс и в главном предложении, и в придаточном.

Б. Описание:

– представлено описание постоянного тока, используемого при сварке:

Die Schweißung erfolgt mit Gleichstrom, **der** aus 1000 Hz Wechselstrom generiert wird (*EI*, 2013, № 5);

– описываются расчеты, связанные с затратами, определяемыми воздействием шума от грузовых транспортных средств, придаточное предложение вводится союзным словом *welch-*, которое допускает синонимическую замену на относительное местоимение (Ср. *Berechnungen, die die Lärmkosten von LKW quantifizieren...*):

Berechnungen, welche die Lärmkosten von LKW quantifizieren und verursachergerecht den einzelnen Schadstoff- und Achsklassen zurechnen, werden derzeit erstellt (*Internationales Verkehrswesen*, 2015, № (67) 2).

В приведенных примерах когнитивно-прагматические ситуации **иконичны**, поскольку события в них описываются недвусмысленно, в реальном времени, устанавливается максимальная близость подчинительного средства от опорного существительного.

Следующий пример реализует так же, как и предыдущие примеры, когнитивно-прагматическую ситуацию рестриктивного типа – описание схемы местности, на которой возможно произвести работы с учетом выбора транспортных средств и возможностей смены местоположения. Однако ситуация не иконична, так как возникает дистанция между представленной в главном предложении фактичностью и онтологической возможностью, выраженной в придаточном модальным глаголом *können* в форме презенса индикатива и инфинитива пассива. Событие описывается не как имеющее место в реальности, а как возможное [Котин, 2017]:

Über die Abbildung *der Orte*, an **denen** Aktivitäten ausgeübt werden können, und ein Modul zur Verkehrsmittelwahl werden die Ortsveränderungen der einzelnen Personentypen entsprechend ihrem jeweiligen Aktivitätenmuster im Modell erzeugt (Internationales Verkehrswesen, 2010, № 05).

Когнитивно-прагматические ситуации аппозитивного типа

В. Уточнение (как детализированная информация):

– уточняются возможности измерительных графиков, обеспечивающих возможность трассировки, описывается необходимость разработки новых измерительных графиков, ситуация **не иконична**, так как у опорного существительного *Bemessungsbrandkurven* есть определение в форме прилагательного *neu* и просматривается дополнительная пропозиция цели, можно задать вопрос (*Wofür? Wozu?*): *Wofür sollten neue Bemessungsbrandkurven schnell erarbeitet werden?* Кроме того, связь опорного существительного и относительного местоимения недостаточно тесная, в соответствии с топологической схемой предложения придаточное предложение оказывается в заполье¹:

Schnell sollten neue *Bemessungsbrandkurven* erarbeitet werden, **die** die Festlegung des abschließenden Maßnahmenumfangs ermöglichen (ETR, 2010, № 11);

¹Немецкое предложение характеризуется рамочной конструкцией, поскольку порядок слов является ведущим синтаксическим свойством. В теории Э. Драха различают преполье, левую и правую рамки, среднее поле и заполье [Drach 1937].

– уточняется временной промежуток, который образуется до начала часа «пик»:

Als Zeit wurde die Stunde von 5.00 Uhr bis 6.00 Uhr gewählt, die unmittelbar vor dem Beginn der Frühspitze liegt, und ... (EI, 2015, № 3).

Дополнительная пропозиция **времени** обеспечивается возможностью замены относительного придаточного временным: Als Zeit wurde die Stunde von 5.00 Uhr bis 6.00 Uhr gewählt, *bis die Frühspitze beginnt*; ситуация **не иконична**, поскольку расстояние между опорным словом и относительным местоимением значительное, информация в придаточном предложении по сути повторяет информацию главного, не внося ничего нового.

Г. Пояснение (как называние одного и того же предмета другими словами) / объяснение:

– представляется пояснение того, что на вокзалах и станциях должны находиться документы по технике пожарной безопасности. Ситуация неоднозначна, так как опорное слово *Sonderbauten* уже имеет определение в форме прилагательного *ungeregelt* и реализуется дополнительное каузальное значение, можно поставить вопрос *Warum gelten Bahnhöfe und Haltepunkte als ungeregelte Sonderbauten?* ситуация **не иконична**:

Bahnhöfe und Haltepunkte gelten als *ungeregelte Sonderbauten*, bei **denen** der Nachweis der Sicherheit über ein Brandschutzkonzept (BSK) zu führen ist (ETR, 2010, № 11);

– дается пояснение к сферическому излучателю, который отражает звук равномерно во все стороны, ситуация **иконична**, так как наблюдается тесная связь между опорным существительным *Strahler* и относительным местоимением, нет дополнительных пропозиций:

Das Ergebnis in Spalte Q der Tab. 4 (Abb.7) würde für *einen reinen Kugelstrahler* gelten, d.h. *einen Strahler, der Schall nach allen Seiten gleichartig abstrahlt* (EI, 2009, № 9);

– объясняется работа модульного принципа в случае специальных или завышенных требований проекта, допускающего усиление некоторых свойств устройства железнодорожного полотна или их упущение; ситуация **не иконична**, так как, несмотря на близость придаточного предложения к опорному существительному *Baukastenprinzip*, информация представляется неоднозначно, что обусловливается возможностью / невозможностью

описываемых событий, поскольку в придаточном предложении сказуемое выражается модальным глаголом *können* в форме презенса индикатива и инфинитивом пассива:

Das übergreifende Fahrbahnssystem Rheda basiert auf einem modularen Baukastenprinzip, bei **dem** im Fall von speziellen oder erhöhten Projektanforderungen an das Gleis einzelne Eigenschaften oder Komponenten des Systems aktiviert oder ausgelassen werden können (EI, 2015, № 11).

Д. Комментарий:

– в придаточном предложении представлен комментарий к указанию в главном предложении, которые обеспечивают сравнимость результатов независимо от используемого инструмента, ситуация **иконична**, так как информация передается однозначно, временная форма сказуемого в презенс обеспечивает реальное положение вещей, дополнительных пропозиций не выявлено:

Hieraus ließen sich weitere wichtige Hinweise ableiten, die für eine Vergleichbarkeit der Ergebnisse unabhängig von dem verwendeten Werkzeug sorgen (ETR, 2010, № 11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что концепт АТРИБУТИВНОСТЬ, репрезентированный моделью СПП

с относительными придаточными предложениями, вводимыми относительным местоимением на *d-* и *welch-*, реализуется в КПС рестриктивного и аппозитивного типа, выражающих значение атрибутивности под воздействием научного дискурса. Все обнаруженные нами СПП_{Relativ}, выражающие когнитивно-прагматические ситуации рестриктивного типа, **иконичны**, поскольку в них представлена информация однозначно (описание или характеристика), и отмечается максимальная близость опорного существительного к определительной придаточной части.

Среди ситуаций аппозитивного типа (пояснение / объяснение, уточнение, комментарий) реализуются как ситуации иконичные, так и неиконичные. Иконичные ситуации характеризуются теми же признаками, что и ситуации рестриктивного типа, а неиконичные ситуации выражаются в СПП_{Relativ}, в которых опорное существительное находится на некотором расстоянии от определительной придаточной части, и при этом, информация, заключенная в ней, маркируется дополнительными пропозициями.

Обозначенный подход к проблеме когнитивно-прагматического ситуативного моделирования на основе принципа иконичности позволит в дальнейшем классифицировать СПП не только в немецком языке, но и других языках, в условиях обращения к когнитивной парадигме в синтаксических исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кострова О. А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации / под ред. Л. В. Шишковой. Самара: Изд-во Саратовского университета (Самарский филиал), 1992.
2. Суворина Е. В. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в функционально-прагматическом поле атрибутивности (на материале современных немецких газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
3. Кострова О. А., Собчакова Н. М. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках: монография. Самара: ПГСГА, 2011.
4. Бурдаева Т. В. Сложноподчиненное предложение как знаково-коммуникативная единица: концептуальный подход (на материале научно-технических текстов немецкого языка): монография. М.: РУСАЙНС, 2020.
5. Болдырев Н. Н., Виноградова С. Г. Сложное предложение и его метакогнитивное моделирование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 69–76.
6. Фурс Л. А. Взаимодействие когнитивных и метакогнитивных уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.
7. Фурс Л. А. Конгруэнтность, синкретизм и диффузность: когнитивно-прагматический подход // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 182–187.
8. Козлова Л. А. Явление иконичности в языке: семиотический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 47–55.
9. Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке (на материале русского синтаксиса): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
10. Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

11. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / von G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg et al., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage (Der Duden: Bd. 4). Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich: Dudenverlag, 1995.
12. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache: 3. Auflage. Berlin: Erich-Schmidt Verlag, 1994.
13. Eroms H.-W. Syntax der deutschen Sprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000.
14. Плешак П. С. [Рец. на:] L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya (eds.). Possession in languages of Europe and North and Central Asia. (Studies in Language Companion Series, 206.) Amsterdam: John Benjamins, 2019 // Вопросы языкознания. 2020. № 4. С. 149–159.
15. Taigel S. Ikonizität (Kurze Einführungen in die germanistische Linguistik, B. 25). Heidelberg: Winter, 2021.
16. Котин М. Л. Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия: проблемы грамматического статуса // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 109–130.
17. Drach E. Grundgedanken der deutschen Satzlehre. Diesterweg, Frankfurt am Main 1937.

REFERENCES

1. Kostrova, O. A. (1992). Prodolzhennaya sintaksicheskaya forma v kontaktnoy kommunikacii = A progressive syntactic form in the contact communication. Samara: Saratov State University, Samara branch office. (In Russ.)
2. Suvorina, Ye. V. (2006). Slozhnopodchinennyye predlozheniya s pridatochnym opredelitel'nyim v funkcional'no-pragmaticheskom pole atributivnosti (na materiale sovremennykh nemeckikh gazet) = Attributive clauses in the functional-pragmatic field of the attribution (based on the material of the modern German newspapers): abstract of PhD in Philology. Samara. (In Russ.)
3. Kostrova O. A., Sobchakova, N. M. (2011). Slozhnopodchinennyye predlozheniya s pridatochnymi vremeni v nemeckom i angliyskom yazykakh = Temporal clauses in the German and English languages: Monograph. Samara: PGSGA. (In Russ.)
4. Burdaeva, T. V. (2020). Slozhnopodchinennoye predlozheniye kak znakovo-kommunikativnaya edinica: konceptual'nyj podhod (na materiale nauchno-texnicheskikh tekstov nemeckogo yazyka) = Complex sentence as a sign-communicative unit: conceptual approach (based on German research texts): Monograph. Moscow: RUSAJNS. (In Russ.)
5. Boldyrev, N. N., Vinogradova, S. G. (2016). Composite sentence and its metacognitive modeling. Issues of Cognitive Linguistics, 3, 69–76. (In Russ.)
6. Furs, L. A. (2018) The interplay of cognitive and metacognitive levels in the formation of complex knowledge. Issues of Cognitive Linguistics, 2, 74–78. (In Russ.)
7. Furs, L. A. (2022). Kongruetnost', sinkretizm i diffuznost': kognitivno-pragmaticheskij podhod = Congruence, syncretism and diffuseness: a cognitive-pragmatic approach. Cognitive studies of language, 4(51), 182–187. (In Russ.)
8. Kozlova, L. A. (2018). The Phenomenon of iconicity in the language: semiotic, cognitive and communicative aspects (on the material of the English language). Issues of Cognitive Linguistics, 1, 47–55. (In Russ.)
9. Sigal, K. Ya. (1999). Problema ikonichnosti v yazyke (na materiale russkogo sintaksisa) = The problem of iconicity in language (based on the material of Russian syntax). PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Kuz'mina, S. E. (2015). Prostoe predlozhenie sovremennogo anglijskogo yazyka kak sredstvo reprezentacii sintaksicheskogo koncepta = A simple sentence of the modern English language as a mean of a syntactic concept representation: Senior Doctorate in Philology. Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
11. Drosdowski, G., Eisenberg, P. (Ed.). (1995). Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage (Der Duden: Bd. 4). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. (In Germ.)
12. Engel, U. (1994). Syntax der deutschen Gegenwartssprache: 3. Auflage. Berlin: Erich-Schmidt Verlag. (In Germ.)
13. Eroms, H.-W. (2000). Syntax der deutschen Sprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter. (In Germ.)
14. Pleshak, P. S. (2020). [Review of:] L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya (eds.). Possession in languages of Europe and North and Central Asia. (Studies in Language Companion Series, 206.) Amsterdam: John Benjamins, 2019. Voprosy Jazykoznanija, 4, 149–159. (In Russ.)
15. Taigel, S. (2021). Ikonizität (Kurze Einführungen in die germanistische Linguistik, Band 25). Heidelberg: Winter. (In Germ.)
16. Kotin, M. L. (2017). Unreal Conditional Clause and Independent Clause of Optative Condition: Problems of Grammatical Status. Voprosy Jazykoznanija, 2, 109–130. (In Russ.)
17. Drach E. Grundgedanken der deutschen Satzlehre. Frankfurt am Main: Diesterweg, 1937. (In Germ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурдаева Татьяна Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры «Лингвистика»
Самарского государственного университета путей сообщения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burdaeva Tatyana Valeryevna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics
Samara State Transport University

Статья поступила в редакцию	15.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81.112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_41

Особенности смыслового восприятия вербального и креолизованного иноязычного текста

И. В. Вашунина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vashunina@yandex.ru

Аннотация. Статья содержит результаты исследования восприятия вербальных и креолизованных текстов на немецком языке русскими реципиентами. Исследование проводилось с использованием метода шкалирования (по шкалам на немецком и русском языках). Установлено, что оценка вербального текста по русским шкалам всегда оказывается выше по абсолютной величине оценки этого же текста по (переводным) немецким шкалам. Креолизация в большинстве случаев повышает абсолютные оценки по немецким шкалам и понижает по русским шкалам.

Ключевые слова: экспериментальное исследование, креолизованный текст, шкалирование, изменение смыслового восприятия текста, немецкий язык

Для цитирования: Вашунина И. В. Особенности смыслового восприятия вербального и креолизованного иноязычного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 41–48. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_41

Original article

Features of Semantic Perception of a Verbal and Creolized Foreign Language Text

Irina V. Vashunina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vashunina@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the perception of verbal and creolized texts in German by Russian recipients. The study was conducted using the scaling method (according to scales in German and Russian). It is established that the evaluation of the verbal text in Russian schools always turns out to be higher in absolute value of the evaluation of the same text on (translated) German scales. Implementation in most cases increases the absolute grades for German schools and lowers for Russian schools.

Keywords: experimental research, creolized text, scaling, change of semantic perception of the text, German

For citation: Vashunina, I. V. (2023). Features of Semantic Perception of a Verbal and Creolized Foreign Language Text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 41–48. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_41

ВВЕДЕНИЕ

Статья является продолжением двух работ ее автора, вышедших ранее [Вашунина, 2021; Вашунина, 2022]. Исходной гипотезой серии исследований являлось предположение о существовании различий в восприятии семантики единиц родного языка и коррелирующих с ними (переводных) единиц иностранного языка.

В результате первого эксперимента это предположение получило подтверждение и уточнение. Было установлено, что добавление к тексту иллюстрации – создание креолизованного текста (КТ) – может в определенной степени влиять на оценку этого текста по различным шкалам, причем это влияние различно в зависимости от языка, на котором представлена та или иная шкала.

Новый эксперимент, в котором испытуемым предъявлялись для оценивания КТ с визуальной составляющей в другой цветовой гамме, был задуман с целью дальнейшей конкретизации теоретических положений, остающихся в ранге гипотез, так как для их верификации необходимо значительное число экспериментов.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

В качестве экспериментального материала использовались шесть текстов: два вербальных и четыре, созданных на их базе, креолизованных. В креолизованных текстах варьировалась цветовая гамма иллюстрации: сине-голубая (минорная иллюстрация) и красная (мажорная иллюстрация). Изображения к одному тексту были подобраны максимально сходные, чтобы рассмотреть влияние формы иллюстрации.

Методика эксперимента – *шкалирование*. Испытуемым предлагалось оценить каждый текст по 12 шкалам. В ходе эксперимента использовались немецкие и русские комплекты шкал.

Испытуемые – студенты, обучающиеся по направлению специальности «Лингвистика», изучающие немецкий язык, уровень В2–С1.

Вербальные тексты, а также мажорные иллюстрации описаны в предшествующих статьях (ссылки выше). Там же приведены перечень шкал и описание эксперимента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Полученные результаты объединены в таблицы. (табл. 1–4).

Таблица 1

ОЦЕНКА ТЕКСТОВ ГРУППЫ 1 ПО НЕМЕЦКИМ ШКАЛАМ

качество	Вербальный текст	Текст с минорной иллюстрацией	Текст с мажорной иллюстрацией	качество
leichtsinnig	1,1	1,5	1,7	ernst
alltätlich	-1,2	-1,06	-1,1	festlich
fern	0,9	0,9	0,76	nah
beruhigend	1	1,18	2,1	erregend
oberflächlich	0,6	0,9	1,2	tief
niedrig	0,3	0,5	0,74	hoch
beunruhigend	-0,05	-0,5	-1,2	ruhig
arm	0,4	0,3	0,4	reich
böse	0,7	0,56	0,48	gutmütig
lügnerisch	1,6	1,75	2,16	wahr
passiv	0,9	1,8	1,12	aktiv
traurig	-0,05	-0,25	-0,88	fröhlich

Таблица 2

ОЦЕНКА ТЕКСТОВ ГРУППЫ 1 ПО РУССКИМ ШКАЛАМ

Качество	Вербальный текст	Текст с минорной иллюстрацией	Текст с мажорной иллюстрацией	Качество
легкомысленный	2,2	1,77	2	серьезный
будничный	-1,4	-1,38	-0,74	праздничный
далекий	1,2	0,92	0,87	близкий
успокаивающий	1	0,54	0,78	возбуждающий
поверхностный	1,3	1,23	0,78	глубокий
низкий	0,6	0,62	0,35	высокий
тревожный	-1,2	-0,69	-0,7	спокойный
бедный	0,6	0,38	0,65	богатый
злой	0,6	0,54	0,43	добрый
лживый	2,5	2,23	2,3	правдивый
пассивный	1,95	1	1,05	активный
печальный	-1,2	-1,23	-1,05	радостный

Таблица 3

ОЦЕНКА ТЕКСТОВ ГРУППЫ 2 ПО НЕМЕЦКИМ ШКАЛАМ

Качество	Вербальный текст	Текст с минорной иллюстрацией	Текст с мажорной иллюстрацией	Качество
leichtsinnig	0,5	1,2	1,17	ernst
kalt	1,4	0,57	1,63	warm
fern	1,6	0	0	nah
beruhigend	-0,3	0,8	-0,54	erregend
oberflächlich	0,5	0,8	0,42	tief
dunkel	1,4	1,57	2	hell
beunruhigend	1,4	0,7	1,33	ruhig
dumm	1,4	2	1,58	klug
böse	1,8	1,86	1,33	gutmütig
lügnerisch	1,8	2	1,88	wahr
passiv	0,7	0,9	1,33	aktiv
traurig	1,1	1,43	1,33	fröhlich

Таблица 4

ОЦЕНКА ТЕКСТОВ ГРУППЫ 2 ПО РУССКИМ ШКАЛАМ

Качество	Вербальный текст	Текст с минорной иллюстрацией	Текст с мажорной иллюстрацией	Качество
легкомысленный	1,3	0,82	0,95	серьезный
холодный	1,92	0	1,2	теплый
далекий	0,9	-0,27	0	близкий
успокаивающий	-0,9	-0,55	0,15	возбуждающий
поверхностный	1	0,64	0,65	глубокий
темный	2,2	1,1	2	светлый
тревожный	2,2	0,73	0,95	спокойный
глупый	1,7	0,82	1,4	умный
злой	2,4	1,64	2,2	добрый
лживый	1,9	1,27	1,75	правдивый
пассивный	1,4	0,55	0,4	активный
печальный	1,4	0,91	0,5	радостный

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА

Рассмотрим оценку по шкалам, которые использовались для оценки обоих текстов.

Leichtsinig – ernst. Все оценки находятся в положительной области. Любое изображение довольно значительно повышает оценку по шкале, текст становится более серьезным. Вероятно, иллюстрация рассматривается как подтверждение информации текста.

Leugomyssennyy – ser'yeznyy. Оценки текстов в положительной области. Обе иллюстрации понижают, хоть и незначительно, оценку текста.

По русской шкале вербальные тексты оцениваются значительно выше, чем по немецкой шкале. Так как иллюстрирование понижает оценки текста по русской шкале и повышает их по немецкой шкале, оценки креолизованных текстов становятся менее различными по русской и немецкой шкалам. Если для вербальных текстов 1 и 2 разница в оценках по русской и немецкой шкале составляла 1,1 и 0,8 (соответственно), то для КТ с минорной иллюстрацией она составляет 0,27 и 0,38, для КТ с мажорной иллюстрацией 0,3 и 0,22.

Beruhigend – erregend. Все оценки первого текста находятся в положительной области. Обе иллюстрации повышают оценку по шкале. Наиболее значительное повышение оценок (более нежеле в два раза) происходит при добавлении мажорной иллюстрации, что объясняется возбуждающим воздействием красного цвета. Минимальная (отрицательная) оценка в группе текстов 2 у текста с мажорной иллюстрацией, а максимальная (положительная) – у текста с минорной иллюстрацией. Оценка вербального текста находится посередине (в отрицательной области). Для второго текста получены результаты, которые сложно интерпретировать.

Uspokayvayushchyy – vozbuzhdayushchyy. В группе текстов 1 (все оценки положительные) иллюстрирование понижает оценки текстов. Самая низкая оценка у КТ с минорной иллюстрацией. В группе текстов 2 отрицательные оценки у вербального текста и текста с минорной иллюстрацией. Любая иллюстрация повышает оценку текста. Мажорная иллюстрация меняет знак оценки текста с отрицательного на положительный.

По этой шкале в группе текстов 1 оценки вербального текста одинаковые по русской и по немецкой шкале. При добавлении иллюстрации оценки по русской и немецкой шкале сильно различаются, так как действие иллюстрации разнонаправленно в зависимости от языка. Для текста группы 2 получены результаты по русской и немецкой шкалам, которые сложно сопоставить.

Beunruhigend – ruhig. Оценки первого текста находятся в отрицательной области, тексты тревожные. Иллюстрирование сильно влияет на восприятие текста: оценки значительно понижаются. Вербальный текст оценивался слабо отрицательно (-0,05), а минимально оцениваемый текст с иллюстрацией в мажорной гамме имеет оценку -1, 2. Столь сильное влияние мажорной иллюстрации объясняется воздействием красного тревожного цвета, особенно выбранного оттенка (он смотрится несколько «зловеще»).

По шкале *Beunruhigend – ruhig* одинаково высокие оценки в положительной области у вербального текста и текста с мажорной иллюстрацией, а текст с минорной иллюстрацией оценивается значительно ниже (тоже положительно), т. е. получается, что добавление иллюстрации в мажорной цветовой гамме успокаивает, а минорная иллюстрация вызывает больше беспокойства и повышает тревожность. Корреляция оценок по этой шкале и по шкале *Beruhigend – erregend* доказывает, что результаты неслучайны.

Тревожный – спокойный. Оценки текстов группы 1 в отрицательной области значений. Наиболее низко оценивается вербальный текст. Иллюстрирование повышает оценки текста. В группе текстов 2 иллюстрирование понижает оценку текста.

Оценка вербального текста по русской шкале в абсолютном значении значительно выше, чем по немецкой шкале. В группе текстов 1 обнаружено разнонаправленное действие иллюстрирования по немецкой и русской шкалам, а в группе текстов 2 – действие однонаправленное.

Шкалы *Beruhigend – erregend* / *успокаивающий – возбуждающий* и *Beunruhigend – ruhig* / *тревожный – спокойный* отчасти дублируются по содержанию, при добросовестном оценивании по этим шкалам должны быть выявлена взаимосвязь оценок. Такие результаты и были получены.

Oberflächlich – tief. Оценки положительные. Добавление любой иллюстрации к тексту 1 повышает оценку. Для текста 2 добавление минорной иллюстрации повышает оценку, а добавление мажорной незначительно снижает (цвета холодной гаммы склонны к углублению).

Поверхностный – глубокий. Оценки положительные. В обеих группах текстов иллюстрация понижает оценку. Наиболее значительно понижает оценку мажорная иллюстрация в группе текстов 1.

Оценка вербального текста по русской шкале выше, чем по немецкой. Действие иллюстрации на оценку по русским и по немецким шкалам разнонаправленное (за исключением оценок КТ с минорной иллюстрацией по немецкой шкале).

Böse – gutmütig. Оценки текста 1 слабо положительные. Выше всех оценивается вербальный текст. Вероятно, довольно агрессивная цветовая гамма обеих иллюстраций делает текст менее добрым. В группе текстов 2 (при всех положительных оценках) снижает оценку только мажорная иллюстрация (вероятно влияние «агрессивного» красного цвета), вербальный текст и текст с минорной иллюстрацией оцениваются одинаково высоко.

Злой – добрый. В обеих группах текстов все оценки положительные, любое иллюстрирование понижает оценку.

Оценки по немецким и русским шкалам сходны. Оценка вербального текста 1 по немецкой шкале незначительно выше, чем по русской, в группе текстов 2 выше оценка по русской шкале.

Lügnerisch – wahr. Оценки в группе текстов 1 находятся в положительной области. Обе иллюстрации повышают оценку текста, мажорная иллюстрация повышает ее более значительно. Трудно сказать, с чем связано повышение оценки при добавлении мажорной иллюстрации: она делает текст более тревожным, возбуждающим, что, возможно, соответствует содержанию текста (экологические проблемы). Такой текст воспринимается как наиболее правдивый. В группе текстов 2 также все оценки положительные, вербальный текст и текст с мажорной иллюстрацией оцениваются одинаково, а текст с минорной иллюстрацией оценивается выше, нежели иной тип текста.

Лживый – правдивый. В обеих группах текстов оценки положительные. Иллюстрирование понижает оценку вербального текста.

Оценка вербального текста по русской шкале выше, чем по немецкой. Действие иллюстрирования по русской и немецкой шкалам разнонаправленное. Оценки КТ с мажорной иллюстрацией в группе 1 по шкалам на двух языках сближаются.

Passiv – aktiv. Оценки положительные. Любая иллюстрация повышает оценку, что объясняется возбуждающим действием изображения в составе креолизованного текста. Иллюстрация в мажорных тонах повышает оценку более значительно, что объясняется воздействием цветовой гаммы.

Пассивный – активный. Оценки в обеих группах текстов положительные. Любое иллюстрирование понижает оценку.

Оценка вербального текста по русской шкале выше, чем по немецкой. Действие креолизации по русской и немецкой шкалам разнонаправленное.

Taurig – fröhlig. Оценки в группе текстов 1 отрицательные, все тексты печальные, что объясняется их проблемным содержанием. Иллюстрации понижают оценку текста. В группе текстов 2 оценки положительные, обе иллюстрации повышают оценку.

Печальный – радостный. Оценки в группе текстов 1 отрицательные. В группе текстов 1 оценки вербального текста и текста с минорной иллюстрацией практически одинаковые, а мажорная иллюстрация повышает оценку текста. В группе текстов 2 оценки положительные, иллюстрирование понижает оценки текста. То есть, в обеих группах текстов иллюстрирование понижает абсолютную оценку текста.

Абсолютное значение оценок по русской шкале выше, чем по немецкой. По немецкой и по русской шкалам действие оценок разнонаправленное.

Fern – nah. Оценки положительные и нулевые, креолизация в первой группе текстов практически не влияет на оценку. Во второй группе текстов оценки при креолизации несколько снижаются (от 0,6 до 0), что, вероятно, объясняется содержанием изображения (айсберги могут восприниматься как далекие от нас).

Далекий – близкий. Оценки положительные и нулевые, за исключением текста с минорной иллюстрацией в группе 2 (креолизация меняет оценку на отрицательную), креолизация снижает оценку.

В группе текстов 1 оценка вербального текста по русской шкале выше, чем по немецкой. В группе текстов 2 выше оценка вербального текста по немецкой шкале. При креолизации в обеих группах текстов разница уменьшается.

Следующая группа шкал использовалась только при оценке группы текстов 1.

Alltäglich – festlich. Оценки отрицательные. Ниже всех оценивается вербальный текст. Креолизация (незначительно) повышает оценки, вероятно, цвет позволяет сделать текст менее будничным.

Будничный – праздничный. Оценки находятся в отрицательной области. Ниже всех оценивается вербальный текст, креолизация незначительно повышает оценки.

По русской шкале вербальный текст оценивается ниже, чем по немецкой. При иллюстрировании разрыв в оценках между немецкими и русскими шкалами значительно не меняется, впрочем, креолизация слабо влияет на оценки по этой шкале.

Niedrig – hoch. Оценки положительные. Креолизация текстов вызывает повышение оценок. Иллюстрация в мажорной гамме повышает оценку несколько сильнее. Трудно сказать, что именно является причиной повышения оценок. Можно предположить, что визуализация предполагает двухмерное восприятие, у изображенных объектов имеется высота (это наиболее заметная характеристика манекенов и айсберга), возможно, высота и приводит к повышению оценки. Или же креолизованный текст воспринимается как более высокий (уровень) по сравнению с печатным вербальным.

Низкий – высокий. Оценки всех текстов лежат в положительной области. Выше всех оценивается вербальный текст. Минорная иллюстрация почти не меняет оценку, мажорная понижает.

Наблюдается разнонаправленная динамика оценок по немецким и по русским шкалам, оценки по русской и немецкой шкале взаимно сближаются в КТ с минорной иллюстрацией. Вербальный текст оценивается значительно выше по русской шкале, а КТ с мажорной иллюстрацией – по немецкой.

Механизм оценивания по этим шкалам нуждается в дальнейшей проверке.

Arm – reich. Бедный – богатый. Оценки слабо положительные, иллюстрация слабо влияет на оценку. Одинаково оцениваются вербальный текст и КТ с мажорной иллюстрацией, КТ с минорной иллюстрацией имеет несколько более низкие оценки. Ощущение богатства связано с цветами мажорной гаммы (по результатам экспериментов [Вашунина, 2007]), минорная цветовая гама, очевидно, воспринимается как более бедная. По русской шкале тексты оцениваются несколько выше, чем по немецкой.

Следующие шкалы использовались только для оценки текстов группы 2.

Kalt – warm. Все тексты теплые. Наименее теплый – текст с минорной иллюстрацией, что объясняется воздействием холодной гаммы, наиболее теплый – текст с мажорной иллюстрацией (теплая цветовая гамма).

Холодный – теплый. Иллюстрирование снижает оценку текстов. Наиболее значительно снижается оценка КТ с минорной иллюстрацией (до 0). Оценки вербального текста и КТ с мажорной иллюстрацией довольно высокие положительные.

По русской шкале оценка вербального текста выше, чем по немецкой, а оценки КТ выше по немецкой шкале.

Dunkel – hell. Оценки в положительной области значений. Любая иллюстрация повышает оценку текста как более светлого. Наиболее светлый – текст с мажорной иллюстрацией.

Темный – светлый. Оценки все положительные. Самая высокая оценка у вербального текста, самая низкая – КТ с минорной иллюстрацией. Иллюстрирование понижает оценки текста.

Оценка вербального текста по русской шкале выше, чем оценка этого текста по немецкой шкале. Иллюстрирование сокращает разрыв в оценках текста по русским и немецким шкалам.

Dumm – klug. Все оценки положительные. Обе иллюстрации повышают читательскую оценку текста. Более значительно воздействует минорная иллюстрация (ранее была обнаружена связь восприятия качества «умный» с цветами синей гаммы) [Вашунина, 2007].

Глупый – умный. Все оценки положительные. Иллюстрирование понижает оценки текста. Трудно объяснить, почему добавление минорной иллюстрации сильно понижает оценку.

По русской шкале вербальный текст оценивается выше, чем по немецкой.

Выводы

Данные эксперимента показывают, что оценка по немецким и русским шкалам практически всегда лежит в одной области значений: или положительной или отрицательной. Это ожидаемый результат, так как значения лексических единиц, являющихся именами шкал в немецком и русском языке, имеют высокую степень совпадения (это переводные единицы). Также очевидно, что в подавляющем большинстве случаев оценки по немецким шкалам отличаются от оценок по русским шкалам.

Для представления общей картины прибегнем к статистическому методу. Каждый текст оценивался по 12 шкалам на русском и немецком языках. Итого 24 немецко-русских шкал. Эта цифра используется для получения статистики, касающейся сопоставления оценок вербальных текстов по русским и немецким шкалам.

В 22 случаях из 24 оценка по русской шкале по абсолютной величине выше, чем по немецкой шкале. Абсолютная величина означает, что если оценка положительная, то при оценке по русской шкале она выше, а если оценка отрицательная, то по русской шкале она ниже, т. е. качества, названные русскими лексическими единицами, оцениваются более интенсивно. По шкале *злой / böse – добрый / gutmütig* оценка немецкого текста выше на 0,1 (возможна погрешность).

Если рассматривать немецкие и русские шкалы отдельно, то получается, что каждый текст оценивался по 24 шкалам (12 русским и 12 немецким). Так как нам важны динамика оценок, мы будем производить сопоставление оценок вербального текста с оценками КТ с минорной иллюстрацией и оценок вербального текста с КТ с мажорной иллюстрацией, то есть предполагаются 2 сопоставления по каждой шкале. Таким образом, для каждого текста мы получаем 24 случая сопоставления оценок по русским шкалам и 24 случая – по немецким шкалам. Случаи оценок по шкалам на одном языке будем рассматривать для двух текстов вместе. Итак, получаем 48 случаев сопоставления оценок по русским шкалам и столько же по немецким шкалам.

При оценке по русским шкалам в 45 случаях из 48 иллюстрирование понижает абсолютную оценку текста, то есть качества, приписываемые тексту, теряют в своей интенсивности.

Оценка по немецким шкалам показывает следующую картину: в 33 случаях иллюстрирование приводит к повышению абсолютной оценки по шкале, в 13 случаях оценка понижается, в двух случаях не меняется.

Как показывают результаты эксперимента, имеет место разнонаправленная динамика оценок по русским и по немецким шкалам при креолизации текста. При этом в ряде случаев (в 19 случаях из 48, это – 40 %) добавление иллюстрации приводит к сближению оценок по русской и немецкой шкалам. Такой эффект обнаружен для всех случаев оценки по шкалам *leichtsinig* – *ernst*, *oberflächlich* – *tief*, *beunruhigend* – *ruhig*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты, помимо подтверждения существования языкового сознания (наличия образов и отвлеченных единиц, стоящих за телами конкретных языковых единиц определенного

языка), позволяют выдвинуть некоторые гипотезы, в первую очередь – гипотезу о возможности «приближения» восприятия текста на иностранном языке к восприятию текста на родном языке путем его креолизации (добавления соответствующей иллюстрации). В пользу этой гипотезы, кроме полученных результатов, говорит единство визуального кода, не зависящего от языка.

Повторим предположение, высказанное в предыдущей статье (ссылка) о меньшей сформированности образов, стоящих за единицами иностранного языка по сравнению с образами единиц родного языка.

Вместе с тем возникает большое количество вопросов, основным из которых является вопрос о степени универсальности сделанных выводов: насколько они действительны для различных языков, различных типов текстов, тестов различного содержания, текстов с различного вида иллюстрациями. Ответы на эти вопросы можно получить только путем экспериментальных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вашунина И. В. Специфика формирования образов сознания в речевой деятельности на немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). С. 32–43.
2. Вашунина И. В. Креолизация иноязычного текста как способ изменения его восприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 25–30.
3. Вашунина И. В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Нижний Новгород: НГПУ, 2007.

REFERENCES

1. Vashunina, I. V. (2021) The specifics of the formation of images of consciousness in speech activity in a foreign language. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 3 (845), 32–43. (In Russ.)
2. Vashunina, I. V. (2022). Creolization of a foreign language text as a way to change its perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 25–30. (In Russ.)
3. Vashunina, I. V. (2007) Vzaimodejstvie vizual'nyh i verbal'nyh sostavljajushhih pri vosprijatii kreolizovannogo teksta = Interaction of visual and verbal components in the perception of creolized text. Nizhnij Novgorod: Publisher NSPU (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вашунина Ирина Владимировна

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка

факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vashunina Irina Vladimirovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Grammar and History of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_49

Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе

И. Д. Генделев

Национальный исследовательский технологический университет МИСИС, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

elijah011@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье на материале страноведческого дискурса анализируется роль гендерного фактора в корреляции просодических характеристик с акцентирующими жестами в речи 14 носителей стандартного американского произношения «General American». Результаты аудитивного, визуального, акустического и сопоставительного видов анализа позволили выявить гендерную специфику исследуемой корреляции. Обнаруженные различия в женском и мужском стилях коммуникативного поведения подчеркивают значимость исследуемой проблемы.

Ключевые слова: просодия, акцентирующие жесты, страноведческий дискурс, межкультурное общение, гендер

Для цитирования: Генделев И. Д. Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 49–55. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_49

Original article

Correlation Between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-Cultural Discourse (Gender Study)

Ilya D. Gendelev

University of Science and Technology MISIS Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

elijah011@mail.ru

Abstract. The article analyses the role of the gender factor in the correlation between prosodic means and accentuating gestures. The research is based on the speech of 14 General American respondents engaged in cross-cultural discourse. The results of auditive, visual, acoustic, and comparative types of analysis reveal gender-specific features of the correlation under study. Singled out differences in the male and female styles of communicative behaviour emphasise the significance of the issue in question.

Keywords: prosody, accentuating gestures, cross-cultural discourse, intercultural communication, gender

For citation: Gendelev, I. D. (2023). Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Discourse (gender study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 49–55. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_49.

ВВЕДЕНИЕ

Как в межличностном, так и межкультурном общении информация передается посредством двух основных каналов: вербального и невербального. При этом особенности взаимодействия говорящих могут существенно различаться в зависимости от их гендерной принадлежности.

Актуальность работы обусловлена необходимостью дальнейшего выявления корреляции просодии и невербалики – одного из востребованных направлений полимодальной лингвистики на современном этапе. Изучение указанного взаимодействия осуществляется в гендерном аспекте, оказывающем существенное влияние на коммуникативное поведение говорящих.

Цель эксперимента состоит в том, чтобы обнаружить и сопоставить отличительные особенности корреляции просодии и невербалики в речи представителей американской культуры в зависимости от гендерного фактора. На просодическом уровне исследуются показатели частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности звукового сигнала (ИЗС) и среднеслоговой длительности (ССД); на невербальном – *жесты руки и головы, телодвижения, смена позы, а также направление взгляда, движение бровей и улыбка*.

В статье ставятся следующие задачи:

- 1) рассмотреть положения гендерной лингвистики об особенностях интонации и невербального поведения в речи мужчин и женщин;
- 2) исследовать гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств общения в контексте страноведческого дискурса;
- 3) определить частотность использования кинесических единиц в соответствии с гендерной принадлежностью говорящего;
- 4) сопоставить особенности вербальной и невербальной коммуникации женщин и мужчин.

Новизна работы заключается в рассмотрении гендерного аспекта коммуникации в рамках мультимодального направления в лингвистике: изучается взаимодействие просодических характеристик и невербальных средств общения в контексте страноведческого дискурса.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Согласно положениям гендерной лингвистики, отличительные особенности речевого поведения женщин и мужчин вызваны не столько биологической принадлежностью к определенному полу, сколько психосоциальной природой взаимодействия людей в рамках определенной культуры.

Центральное понятие – *гендер* – можно определить как «совокупность речевых, поведенческих, личностных особенностей, отличающих мужчин и женщин, подвергающихся влиянию культуры, в духовном плане» [Смирнова, 2005, с. 131]. Словами другого ученого, гендер – есть «социально и культурно нагруженный пол» [Крейдлин, 2003, с. 337]. Исследователь Ю. В. Клюкина, ссылаясь на теорию социального конструирования гендера, подчеркивает ведущую роль социального и культурного компонентов, которые формируются благодаря основным институтам общества и составляют «организованную модель отношений между женщинами и мужчинами» [Клюкина, 2016, с. 418]. Приведенные определения подтверждают, что гендер – есть «социально-культурный конструкт» [Ильина, 2018, с. 88].

Целый ряд исследователей подчеркивает особую роль гендерного фактора в коммуникации [Birdwhistell, 1970; Lacoff, 1973; Argyle, 1975; Bernard, 1981; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Иванцова, URL; Pearson, Nelson, 2000; Cameron, 2007; Гаранович, 2011; Кирилина, 2021]. Для описания гендерных различий мы будем использовать термины женский (фемининный) и мужской (маскулинный) стили коммуникативного поведения. Каждый из них обладает рядом стереотипных признаков, которые влияют на взаимодействие женщин и мужчин.

Так, *фемининный стиль* коммуникативного поведения характеризуется: а) коммуникативной чувствительностью и экспрессивностью; б) внимательностью к мимическому поведению собеседника и знаковым телодвижениям; в) коллективистским коммуникативным настроем; г) меньшей коммуникативной агрессивностью по сравнению с мужчинами; д) эмпатией и лучшей способностью декодировать невербальное поведение собеседника.

Маскулинному стилю присущи следующие черты: а) опора на когнитивные, а не эмоциональные, процессы; б) самоутверждение, нацеленность на выполнение социальных задач; в) индивидуальный коммуникативный настрой, независимость; г) большая коммуникативная агрессивность; д) доминирование [Крейдлин, 2003].

Данные черты влияют как на коммуникативное поведение индивида в целом, так и, в частности, на его невербалику и интонацию, а также на присущее ему восприятие собеседника.

Так, например, просодическое оформление речи женщин характеризуется пониженной громкостью, интонационной вариативностью, более четкой артикуляцией и более высоким тональным уровнем, нежели аналогичные показатели мужской речи, которая отличается сравнительно

низкой тембральной окраской, повышенной громкостью, суженным тональным диапазоном. Также мужчинам в большей степени, нежели женщинам свойственна опора на возможности своего голоса [Hall, 1984; Цибуля, 2020].

Согласно существующим исследованиям, гендерные различия невербального поведения проявляются как в жестах, телодвижениях, позах и мимике, так и в пространственной ориентации.

Для мужчин типичными являются такие позы и жесты как: *стоять, широко раздвинув ноги; чесать затылок; сидеть, развалившись в кресле; поглаживать бороду / подбородок* и др. Фемининными принято считать следующие кинесические сигналы: *сидеть, сомкнув колени; ходить, покачивая бедрами; поправить волосы; слегка наклонить голову* и т. п.

Существуют также определенные различия в позе, наклоне корпуса тела и походке. Так, в позе сидя мужчины чаще отклоняются назад, чем женщины [Klein, 1984]. Посредством позы может также выражаться отношение говорящего к партнеру по общению. Фронтальная ориентация женщин наблюдается при выражении интереса и позитивного отношения к собеседнику; боковая ориентация может передавать неприязнь или безразличие. Согласно А. Мейерабиану, такое положение тела имеет семиотическую значимость и свидетельствует о «напряженности отношений» [Mehrabian, 1968]. Мужчины же предпочитают общаться в положении «под углом» к собеседнику – они более чувствительны к нарушению личного пространства перед ними, а женщины – сбоку.

Таким образом, на просодическом и невербальном уровнях проявляются особенности фемининного и маскулинного стилей коммуникативного поведения, которые конструируются в процессе социального развития человека под влиянием культуры.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Материалом исследования являются фрагменты спонтанной речи 14 респондентов (семь женщин и семь мужчин) – носителей стандартного

американского произношения *General American* – в страноведческом дискурсе. Эксперимент проводился на основе документального телесериала BBC «Stephen Fry in America», который представляет собой межкультурный диалог жителей штатов с носителем стандартного английского произношения *Received Pronunciation*.

В данной статье описываются результаты анализа первых двух эпизодов. Узкий корпус исследования составил 11 минут 4 секунды; широкий корпус – 240 минут.

Исследование осуществлялось с использованием методов аудитивного, визуального, акустического и комплексного сопоставительного анализа.

Цифровая обработка речевого сигнала проводилась с помощью следующих компьютерных программ: Praat, версия 6.2.03; Microsoft Photos (Video Editor), версия 2022.31060.30005.0; Sound Forge, версия 9.0. Для изучения корреляции акцентирующих жестов с просодическими показателями использовалось приложение VLC media player, версия 3.0.8.

ТЕНДЕНЦИИ КОРРЕЛЯЦИИ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Результаты анализа корреляции просодических показателей и невербальных средств общения, представленные на рисунке 1, подтверждают полученные ранее данные [Генделев, Цибуля, 2023]. Взаимодействие нескольких акустических показателей с акцентирующими жестами является более частотным, чем корреляция отдельных параметров просодии с невербаликой. При этом корреляция кинесических средств исключительно с ЧОТ является минимальной.

В результате эксперимента были выявлены существенные гендерные различия в соотношении просодических характеристик с жестами.

Сочетание «ЧОТ + ИЗС» с невербальными средствами преобладает в маскулинном стиле

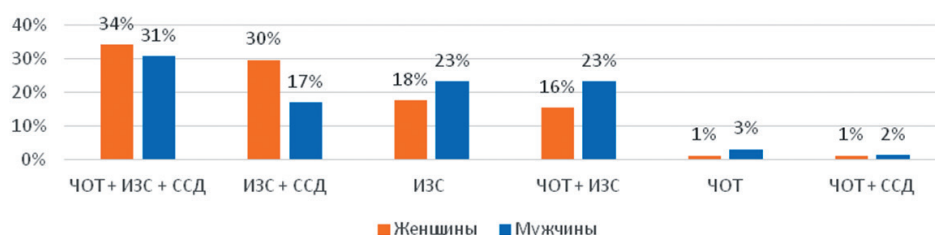

Рис. 1. Корреляция просодических показателей и невербальных средств в гендерном аспекте

коммуникации по сравнению с фемининным (16 % vs. 23 % соответственно). Акцентуация только с помощью ИЗС также наблюдается чаще в мужской речи (23 %), чем в высказываниях женщин (18 %), что подтверждает существующие данные о гендерной вариативности просодии [Hall, 1984; Цибуля, 2020]. Корреляция просодической модели «ИЗС + ССД» с кинесическими средствами, напротив, выше в речи женщин (30 %), чем в речи мужчин (17 %).

Интересным представляется взаимодействие ЧОТ и ИЗС с ССД. Так, частотность корреляции «ИЗС + ССД» с невербальными средствами в речи женщин практически в два раза выше, чем соотношение только ИЗС с жестами (30 % vs. 18 %). При этом для речи мужчин характерно обратное: 23 % (ИЗС) vs. 17 % («ИЗС + ССД»). С другой стороны, модель «ЧОТ + ИЗС + ССД» является значительно более распространенной, чем модель «ЧОТ + ИЗС». Данная тенденция наблюдается как в женской – 16 % («ЧОТ + ИЗС») vs. 34 % («ЧОТ + ИЗС + ССД»), так и в мужской речи – 23 % («ЧОТ + ИЗС») vs. 31 % («ЧОТ + ИЗС + ССД»).

Таким образом, анализ показал, что взаимодействие всех трех просодических параметров усиливает выразительность речи как в фемининном, так и в маскулинном стилях коммуникативного поведения. Данная корреляция является наиболее распространенной вне зависимости от гендерного фактора: было выявлено 34 % случаев в фемининном стиле и 31 % – в маскулинном.

ЧАСТОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИНЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Согласно задачам исследования был проведен анализ невербального поведения женщин и мужчин с целью определения их кинесических профилей. Для рассмотрения были отобраны кинемы, коррелирующие с просодическими параметрами: *жест руки, головы, телодвижение, смена позы,*

направление взгляда на собеседника, движение бровей (подняты / нахмурены), улыбка. Расчет производился в зависимости от акцентуации конкретного слова жестом в процентном отношении к общему количеству просодически и невербально выделенных слов, произнесенных говорящими. Всего было проанализировано 390 слов: 230 из них произнесены женщинами и 160 – мужчинами (в соотношении 58 % и 42 % соответственно). Результаты эксперимента представлены на рисунке 2.

КИНЕСИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

В результате анализа были выявлены кинесические профили представителей американской культуры в соответствии с гендерным фактором.

Женский кинесический профиль характеризуется высоким уровнем использования акцентирующих кивков и телодвижений (81 % и 63 % случаев соответственно), что отражает общую тенденцию невербального общения в американской культуре. Жесты руки оказались менее распространенными – 41 %. Взгляд на собеседника наблюдается в 71 % случаев, что, как показали исследования Э. Холла, не характерно для американской культуры [Hall, 1969]. Тем не менее в исследуемых фрагментах речи женщин длительный визуальный контакт можно интерпретировать как выражение интереса и желания вести диалог.

Наименьшей частотностью обладают мимические средства: поднятые брови наблюдаются в 14 % случаев, улыбка – в 13 %, нахмуренные брови – в 8 %. Низкий показатель использования улыбки отражает сосредоточенность говорящего на серьезном предмете своего рассказа: президентские выборы, научные исследования, воспоминания о гражданской войне в США, т. е. обусловлен прагматической целью высказывания. Поднятые брови являются средством акцентуации слов, в то время

Рис. 2. Гендерные различия в частотности использования кинесических единиц

как нахмуренные брови отражают серьезность и задумчивость респондента.

Смена позы составила 2 % от выявленных случаев и не является характерной чертой невербального поведения американок.

Мужской кинесический профиль: кивок и телодвижение наиболее частотны – наблюдаются в 89 % и 66 % случаев соответственно, отражая культурную норму невербального поведения американцев.

Жесты руки являются менее распространенным кинесическим средством и отмечаются в 28 % выявленных случаев. Предположительно, использование данного невербального сигнала зависит от возраста говорящего. Так, представители младшего поколения (два человека) демонстрируют использование жестов руки лишь в 10 % случаев, в то время как представители старшего поколения (пять человек) – в 48 % случаев.

Направление взгляда на собеседника поддерживается мужчинами в 53 % – половине от выявленных случаев, что соответствует полученным ранее данным о зрительном контакте в американской культуре [Генделев, Цибуля, 2023].

Улыбка наблюдается в 21 % случаев. Ее использование обусловлено темой беседы: респонденты обсуждают дегустацию спиртных напитков, существующие стереотипы относительно штата Кентукки, музыку, различия в названиях стрижек в США и Великобритании, что вызывает у них улыбку.

Наименее частотным оказалось движение бровей: поднятые брови наблюдаются у мужчин в 11 % случаев и выступают в качестве акцентирующего средства, нахмуренные – в 7 %, отражая задумчивость и сосредоточенность респондента.

Смена позы происходит в 9 % случаев, что отражает намерение мужчин изменить коммуникативную дистанцию для демонстрации:

а. положительного отношения: “If they are *successful* racehorses...” (говорящий поворачивается к собеседнику для усиления эмфатического эффекта). В этом случае дистанция сокращается;

б. отрицательного отношения к теме-табу: «Well, I'm *married*, Stephen, so...» (говорящий делает шаг назад, проявляя нежелание продолжать обсуждение). В этом случае собеседник увеличивает коммуникативное расстояние.

Сопоставительный анализ женского и мужского кинесических профилей свидетельствует о превалировании акцентирующих кивков и телодвижений в речи представителей обоих полов (81 % vs. 89 % и 63 % vs. 66 % соответственно). Различия в частотности использования кивка незначительны, однако этот невербальный сигнал более распространен среди представителей мужского пола (81 % vs. 89 %). Движение бровей обладает практически

одинаковой частотностью в высказываниях как женщин (8–13 %), так и мужчин (7–11 %).

Более значительные расхождения отмечают в использовании следующих кинем: направление взгляда на собеседника, жест руки, улыбка, смена позы. Так, более длительный взгляд характерен для женского стиля коммуникативного поведения (71 %) по сравнению с мужским (53 %). Жесты руки также более частотны в фемининном стиле (41 %), чем в маскулинном (28 %). Улыбка наблюдается чаще в речи мужчин (21 %) в сопоставлении с речью женщин (13 %), равно как и смена позы, которая используется мужчинами для акцентуации слов в 9 % случаев, а женщинами – в 2 % случаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий эксперимент позволяет сделать определенные выводы об особенностях корреляции просодических и невербальных средств в женской и мужской речи в контексте межкультурного диалога.

1. Несмотря на принадлежность к одной культуре, фемининный и маскулинный стили коммуникативного поведения обладают различиями во взаимосвязи просодических и невербальных средств общения.

2. Взаимодействие «ЧОТ + ИЗС + жест» наблюдается чаще в маскулинном стиле общения, нежели в феминном (23 % vs. 16 %). Сочетание «ИЗС + жест» также более свойственно высказываниям мужчин, нежели высказываниям женщин (23 % vs. 18 %).

3. Корреляция «ИЗС + ССД + жест» скорее является характерной чертой фемининного, нежели маскулинного стиля коммуникации (30 % vs. 17 %).

4. Модель «ЧОТ + ИЗС + ССД + жест» наиболее распространена как в речи женщин, так и мужчин (34 % vs. 31 %) и служит для усиления экспрессивности высказываний.

5. Для мужского кинесического профиля характерны следующие кинемы: «жест головы», «телодвижение», «направление взгляда на собеседника», «жест руки», «улыбка», «смена позы» (по убыванию частотности).

6. Женский кинесический профиль определяется использованием таких кинем, как «жест головы», «направление взгляда на собеседника», «телодвижение», «жест руки», «поднятые брови», «улыбка» (по убыванию частотности).

7. Таким образом, гендерные различия в кинесическом поведении говорящих заключаются в частотности использования жестов головы и руки, улыбки, смены позы и поддержания зрительного контакта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнова Е. В. Гендерные и социокультурные особенности коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 131–138.
2. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2003», Москва, 11–16 июня 2003 г. М.: Наука, 2003. С. 337–345.
3. Ключкина Ю. В. Гендер как социально-культурный конструкт // Современное общество и власть. 2016. № 3(9). С. 417–436.
4. Ильина Е. В. Гендер как социокультурный конструкт и его роль в науке о языке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2018. № 2 (31). С. 86–91.
5. Birdwhistell R. L. Kinesics and Context. Philadelpia: University of Pennsylvania Press, 1970.
6. Lacoﬀ R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.
7. Argyle M. Bodily Communication. London ; New York: Methuen and Co. Ltd., 1975.
8. Bernard L. C. The Multidimensional Aspects of Masculinity-Femininity // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. № 41. P. 797–802.
9. Земская Е. И., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Академия, 1993.
10. Иванцова М. Гендерные особенности самовыражения в общении // Женщина. Образование. Демократия. 2-я Международная междисциплинарная научно-практическая конференция, Москва, 3–4 декабря 1999 г. URL: <http://envila.iatp.bv/info/courses/conference99>
11. Pearson J. C., Nelson P. E. An Introduction to Human Communication: Understanding and Sharing. 8th ed. Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2000.
12. Cameron D. The Myth of Mars and Venus: Do men and women really speak different languages? New York: Oxford University Press Inc, 2007.
13. Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011.
14. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147.
15. Hall J. A. Nonverbal Sex Differences: Accuracy of Communication and Expressive Style. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1984.
16. Цибуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения: монография. М.: Гнозис, 2020.
17. Klein Z. Sitting postures in male and female // Semiotica. 1984. Vol. 48. № 2. P. 119–131.
18. Mehrabian A. Relationship of attitude to seated posture, orientation, and distance // Journal of personality and social psychology. 1968. Vol. 10. № 1. P. 26–30.
19. Генделев И. Д., Цибуля Н. Б. Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 41–47.
20. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Anchor Books Editions, 1969.

REFERENCES

1. Smirnova, E. V. (2005). Gender, Social and Cultural Peculiarities of Communication. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2, 131–138. (In Russ.)
2. Kreidlin, G. E. (2003). Muzhchiny i zhenshhiny v dialoge I: neverbal'nye gendernye stereotip = Men and Women in Dialogue I: Nonverbal Gender Stereotypes (article). Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2003» (11–16 iyunya 2003 g.) (pp. 337–345). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Klyukina, Yu. V. (2016). Gender kak social'no-kul'turnyj konstrukt = Gender as a Social-Cultural Construct. Sovremennoe obshchestvo i vlast', 3(9), 417–436. (In Russ.)
4. Ilina, E. (2018). Gender kak sociokul'turnyj konstrukt i ego rol' v nauke o jazyke = Gender as Social and Cultural Construct and its Place in Linguistics. Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi, 2(31), 86–91. (In Russ.)
5. Birdwhistell, R. L. (1970). Kinesics and Context. Philadelpia: University of Pennsylvania Press.

6. Lacoff, R. (1973). Language and Woman's Place. *Language in Society*, 2, 45–79.
7. Argyle, M. (1975). *Bodily Communication*. London, New York: Methuen and Co. Ltd.
8. Bernard, L. C. (1981). The Multidimensional Aspects of Masculinity-Femininity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41, 797–802.
9. Zenskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M. A., Rozanova, N. N. (1993) Osobennosti muzhskoi i zhenskoi rechi = Features of male and female speech. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii*. Moscow: Academia. (In Russ.)
10. Ivantsova, M. (1999). Gender peculiarities of interpersonal communication in adolescence. *Zhenshhina. Obrazovanie. Demokratija*. 2-ya mezhdunarodnaya mezhdistsiplinarnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 3–4 dekabrya 1999. <http://envila.iatp.bv/info/courses/conference99> (In Russ.)
11. Pearson, J. C., Nelson, P. E. (2000). *An Introduction to Human Communication: Understanding and Sharing* (eighth edition). Boston: McGraw-Hill Higher Education.
12. Cameron, D. (2007). *The Myth of Mars and Venus: Do men and women really speak different languages?* New York: Oxford University Press Inc.
13. Garanovich, M. V. (2011). Variativnost' gendernykh stereotipov v zavisimosti ot sotsial'nykh parametrov govoryashchikh = The variability of gender stereotypes depending on the social features of the speakers: PhD in Philology. Perm. (In Russ.)
14. Kirilina, A. V. (2021). Gender and Gender Linguistics at the Border of the Third Millennium. *Journal of Psycholinguistics*, 3(49), 109–147. (In Russ.)
15. Hall, J. A. (1984). *Nonverbal Sex Differences: Accuracy of Communication and Expressive Style*. Baltimore ; London: The Johns Hopkins University Press.
16. Cibulya, N. B. (2020). Study of nonverbal means of communication nonverbal means of communication by Russian scholars : Monograph. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
17. Klein, Z. (1984). Sitting postures in male and female. *Semiotica*, 48 (2), 119–131.
18. Mehrabian, A. (1968). Relationship of attitude to seated posture, orientation, and distance. *Journal of personality and social psychology*, 10(1), 26–30.
19. Gendelev, I. D., Tsibulya, N. B. (2023). Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Communication (based on British and American cross-cultural discourse). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(869), 41–47. (In Russ.)
20. Hall, E. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor Books Editions.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Генделев Илья Дмитриевич

ассистент кафедры иностранных языков и коммуникационных технологий
Национального исследовательского технологического университета МИСИС
аспирант кафедры фонетики английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gendelev Ilya Dmitrievich

Assistant at the Department of Foreign Languages and Communication University of Science and Technology MISIS
Postgraduate Student of the Department of English Phonetics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.03.2023
19.04.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'22

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_56

Модель иронии ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ в дискурсе телепрограммы «heute-show» на ZDF

Е. О. Глебова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ekaterinakurilo94@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуется когнитивная модель иронии ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ на материале программы «heute-show» телеканала ZDF, рассматривается применение данной модели в рамках мультимодального текста, посвященного проблемам немецкого железнодорожного транспорта (Deutsche Bahn), и анализируется ее влияние на формирование иронического смысла в тексте. Исследование показало, что данная когнитивная модель является эффективным приемом для создания иронического смысла, а также помогает понять механизмы возникновения иронии в дискурсе.

Ключевые слова: ирония, мультимодальность, когнитивная лингвистика, когнитивные модели иронии, дискурс, немецкие СМИ

Для цитирования: Глебова Е. О. Модель иронии ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ в дискурсе телепрограммы «heute-show» на ZDF // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 56–62. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_56

Original article

Model of Irony OBJECT-EQUATING in the Discourse of TV-Program ZDF «heute-show»

Ekaterina O. Glebova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ekaterinakurilo94@gmail.com*

Abstract. This article is dedicated to investigating the model of irony called OBJECT-EQUATING in the discourse of the TV-program „heute-show” on the ZDF channel. The article explores the application of this model within a multimodal text and analyzes its influence on forming ironic meaning in the text. The article provides a linguistic analysis of a multimodal text (a video excerpt) from „heute-show”, related to the topic of Deutsche Bahn. The analysis reveals the peculiarities of using the model of OBJECT-EQUATING.

Keywords: irony, multimodality, cognitive linguistics, cognitive irony models, discourse, German media

For citation: Glebova, E. O. (2023). Model of Irony OBJECT-EQUATING in the Discourse of TV-Program ZDF «heute-show». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 6(874), 56–62. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_56

ВВЕДЕНИЕ

Феномен иронии исследуется с античных времен: философы, риторы, лингвисты изучают иронию с различных позиций. С течением времени понимание иронии менялось: от негативного *eironeia* («аморальное поведение») Аристотеля до нейтрального *euroneia* Цицерона как фигуры речи, означающей «подмену выражения, которое подразумевает противоположность сказанному» [цит. по: Kurilo, 2017, с. 5].

Ирония близка многим другим стилистическим формам выражения комического и обладает определенными особенностями. Только ирония как способ выражения комического может сообщить, что высказывание является полной противоположностью задуманного. Маркеры иронии существуют на различных уровнях восприятия информации.

Немалую роль в анализе иронии играет непосредственно контекст высказывания, а также фоновые знания реципиента. Разумно использование иронии только тогда, когда говорящий уверен в достаточном объеме фоновых знаний у реципиента, необходимых ему для адекватной интерпретации иронического сигнала, скрытого в высказывании [Lapp, 1997]. Согласно Э. Лаппу, реципиент должен обладать знаниями, релевантными для корректной идентификации иронии: культурные ценности; деловые знания; общие воспоминания; личная информация о говорящем; социальные стереотипы [Lapp, 1997].

ОБ ИРОНИИ КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ФЕНОМЕНЕ

Понятие «мультимодальность», которое возникло как результат смешения латинских терминов *multus* и *modus* [Stöckl, 2010], обозначает в лингвистике способность человека совмещать в процессе познания и коммуникации несколько способов освоения мира и использовать их взаимодействие с целью повлиять на реципиента.

С позиции мультимодального подхода ирония в видеотексте представляет собой многослойный комплекс, имеющий выражение в разных каналах восприятия информации, например: невербальный уровень (жесты, мимика, телодвижения; изображения) будет восприниматься визуальным каналом, а вербальный – аудиальным. Так, можно представить иронию как мультимодальный феномен.

Во избежание коммуникативных неудач ирония в тексте сопровождается особыми сигналами, которые позволяют ее распознать (имплицитную мысль, противоположную эксплицитному высказыванию) на вербальном и когнитивном уровнях [Groebe, Scheele, 1984].

Сигналы иронии встречаются не только на языковых уровнях (лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом). Также они находят свое отражение и на невербальном уровне (например, на уровне изображений, а также мимики и жестов) [Карпенко, Курило, 2017].

Как предмет когнитивной лингвистики ирония базируется на когнитивных процессах: феномен иронии представляется содержанием, скрытым за несовпадающей с ним формой (полностью или частично). Семантический и вербальный элементы иронии объединяются в когнитивную модель; она является основой для формирования механизма иронии и соединительным звеном между ментальным и вербальным уровнями.

Когнитивные модели иронии будут отличаться от нейтральных моделей коммуникации тем, что в основе когнитивной схемы будет находиться девиация логической составляющей от общепринятой нормы. Девиация в логике возникает в отношениях между реальным и идеальным объектами, которые могут быть несовместимыми, противоположными или противоречивыми [Балашов, 2006].

По мнению С. Н. Балашова, который в своей диссертации «Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов)» выделяет 12 когнитивных моделей иронии, базирующихся на нарушении логических связей между объектами [Балашов, 2006].

Конфликт, связанный с работой крупнейшего железнодорожного концерна немецкой железной дороги «Deutsche Bahn», тянется уже довольно долгое время и часто становится объектом критики в СМИ. Но апогея он достиг во второй половине 2022 года, когда Германия поставила рекорд по опозданиям поездов, что подчеркивалось многими СМИ, в том числе и русскоязычными¹.

Одним из средств массовой информации, который освещает конфликт, связанный с концерном Deutsche Bahn, является популярная сатирическая немецкая телепередача «heute-show», выходящая на телеканале ZDF с 2009 года. Ее бессменным модератором с момента основания является популярный немецкий телеведущий Оливер Вельке. В рамках программы концерн Deutsche Bahn часто упоминается в контексте проблем с транспортировкой пассажиров и грузов, задержками и отменами рейсов, а также высокими ценами на билеты.

Данный факт нашел отражение в многочисленных иронических высказываниях модератора Оливера Вельке, а также при создании

¹URL: <https://rg.ru/2022/12/25/ne-smotrite-na-chasy.html>

специальных фиктивных видео, обличающих проблемы концерна. Одним из наиболее часто встречаемых приемов иронии является использование модели ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ. В рамках иронического дискурса для отождествления объектов часто используется когнитивная метафора, в которой нарушены логические связи между реальным и сопоставляемым объектами [Балашов, 2006]. Именно эта когнитивная модель иронии является объектом рассмотрения в данной статье.

АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА (ВИДЕООТРЫВКА)

Для анализа материала был взят выпуск немецкой ТВ-передачи «heute-show» от 16.12.2022.

На примере следующего мультимодального текста мы хотели бы продемонстрировать, каким образом когнитивная модель иронии объективируется в видеотексте, а также как реципиент может адекватно интерпретировать ироническое высказывание:

- 1) при помощи сигналов иронии на различных уровнях восприятия информации;
- 2) при помощи фоновых знаний, необходимых реципиенту для адекватного распознавания иронии.

Далее представлен оригинальный скрипт видеотрывка фиктивной рекламы, которую модератор шоу Оливер Вельке называет «настоящей рекламой» («echte Werbung»), концерна Deutsche Bahn. Мы сопровождаем ее соответствующими стоп-кадрами для адекватного восприятия информации, а также нашим переводом для последующего проведения анализа.

Представленная фиктивная реклама новых проездных билетов основывается на отождествлении объектов *Поезд 2.0* (поезд железной дороги второго поколения) и *Автомобиль*, которые формируют построенную на взаимоисключении (железная дорога ≠ автомобильный транспорт) модель иронии «Поезд второго поколения (современный поезд) – это автомобиль», где общим основанием будет вид транспорта, способный доставлять пассажиров из точки А в точку Б. Как и автомобиль, современный поезд может доставить пассажиров из одного города в другой за короткое время, обеспечивая комфорт и безопасность в пути. Но, согласно основной идее рекламы, поезд концерна Deutsche Bahn не способен выполнить эту основную функцию современного и комфортного транспорта.

Выразить свою ироничную точку зрения и сформировать единую когнитивную модель отождествления объектов позволяют следующие разноуровневые сигналы иронии:

Таблица 1

СКРИПТ ВИДЕОРЕКЛАМЫ «DEUTSCHE BAHN»

Оригинальный текст	Перевод и ссылка на стоп-кадр
Nach der BahnCard 25, 50, 100 kommt jetzt endlich die Bahncard Street.	После выхода годовых льготных железнодорожных билетов Bahncard 25, 50, 100 наконец-то появится в продаже билет Bahncard Street (для поездок по дорогам) (см. рис. 1)
Die Bahn 2.0 – endlich auf der Straße.	Железная дорога второго поколения – наконец-то на улицах (см. рис. 2)
Für alle, die zur Abwechslung auch ankommen wollen; In dem geräumigen Abteil, dass nur nach dir selber riecht;	Для всех, кто для разнообразия хочет также добраться и до пункта назначения; В просторном купе, в котором нет посторонних запахов (см. рис. 3)
Garantierter Sitzplatz, keiner hockt auf dem Boden;	Гарантированное сидячее место, никто не сидит на полу; (см. рис. 4)
Und der Hammer – die Klimaanlage funktioniert!	А самое главное – работает кондиционер! (см. рис. 5)
Die Bahncard Street. Und speziell für Studenten und Azubis ¹ – die Bahncard Feet: immer noch eher am Ziel als die Bahn!	И все это получит счастливый обладатель билета Bahncard Street. И специальное предложение для студентов, а также тех, кто получает профессиональное образование – пеший билет Bahncard Feet: в любом случае, Вы доберетесь до конечного пункта быстрее, чем на поезде! (см. рис. 6).

¹Azubis (сокр. от Auszubildende) – ученики производственного обучения (Langenscheidt Online Wörterbuch).

СТОП-КАДРЫ ИЗ ВИДЕОРЕКЛАМЫ «DEUTSCHE BAHN»

Рис. 1. Стоп-кадр 1 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

Рис. 2. Стоп-кадр 2 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

Рис. 3. Стоп-кадр 4 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

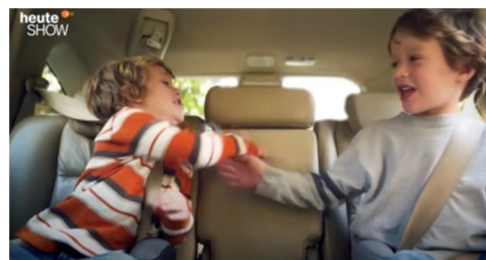

Рис. 4. Стоп-кадр 4 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

Рис. 5. Стоп-кадр 5 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

Рис. 6. Стоп-кадр 6 из рекламы Deutsche Bahn («heute-show», 16.12.22)

Рис. 1–2: взаимодействие вербального сигнала иронии (аллюзия) и невербального сигнала иронии (изображение)

Название билета Bahncard Street (см. рис. 1) является **аллюзией** – лексическим приемом, использующимся в качестве сигнала иронии на лексико-семантическом уровне для передачи культурных ассоциаций, связанных с реально существующими проездными билетами на немецком железнодорожном транспорте (например, Bahncard 25, 50, 100). Англоязычная лексема Street (англ. Улица) употребляется в качестве указания места, где данный билет может быть действителен – на автодорогах. Параллельно с этим возникает невербальный сигнал иронии – **изображение едущего по автобану автомобиля и современного немецкого поезда ICE**. Данный сигнал помогает реципиенту разобраться, к какому виду транспорта применим билет Bahncard Street. Взаимодействие двух сигналов построено на отождествлении взаимоисключающих объектов **СОВРЕМЕННЫЙ ПОЕЗД – ЭТО АВТОМОБИЛЬ**, где основное противоречие заключается в том, что в рекламе железнодорожного транспорта предлагают купить билет для поездки на автомобиле.

Рис. 3–5: использование приема классической иронии в качестве вербального сигнала иронии

Далее в «настоящей» рекламе перечисляются параметры стандартной перевозки пассажиров второго класса поезда Deutsche Bahn, которые должны обеспечиваться на протяжении любой поездки.

Основная цель поездки на транспорте – достижение конечного пункта. Лексема *zur Abwechslung*¹ (ради разнообразия, чтобы прервать рутину), а также союз *auch* (также) выступают в роли вербальных сигналов иронии, привнося значение недостижимости этой базовой цели при использовании обычного поезда (версии 1.0) концерна Deutsche Bahn. Иными словами, обычный поезд Deutsche Bahn не довезет пассажиров до пункта назначения без проблем. «Ради разнообразия» пассажиры используют поезда Deutsche Bahn, чтобы не добраться до цели. Доставка до цели должна быть рутинной для немецкой железной дороги, в то время как на самом деле рутинной являются постоянные опоздания и только в виде исключения можно добраться до конечного пункта назначения. В данном случае мы наблюдаем пример использования приема **классической иронии**, когда подразумевается противоположность сказанному.

Пассажиры Deutsche Bahn, приобретающие недорогой билет на проезд в железнодорожном

транспорте, ожидают получить базовый уровень комфорта – например, купе без посторонних запахов, гарантированное место для сидения, отсутствие расположившихся на полу вагона пассажиров, работающую систему кондиционирования. Используя прием классической иронии, а также эмоционально окрашенную лексему *Hammer* (не-что экстраординарное, из ряда вон выходящее, кульминация всего), редакторы «heute-show» намекают на отсутствие всех вышеуказанных атрибутов комфорта в обычном поезде Deutsche Bahn 1.0 и на наличие этих благ в «современном поезде 2.0» – автомобиле. Различие двух типов комфорта демонстрируется невербальными сигналами иронии – изображениями довольного водителя и его детей, маленьких пассажиров, в просторном, приятно пахнущем салоне автомобиля, где всем предоставлено сидячее место и работает кондиционер, – что иллюстрирует идеальную картину железнодорожного транспорта, но никак не соответствует реальному положению вещей.

Рис. 6: использование вербальных сигналов иронии (аллюзия и гипербола)

В конце фиктивной рекламы редакторы «heute-show» предлагают еще один вид недорогого транспортного билета для людей, которые не могут себе позволить дорогостоящие железнодорожные абонементы, например, для студентов или людей, получающих специальное профессиональное образование (Azubis). Этот билет называется Bahncard Feet (англ. *feet* – *ступни*), т. е. пеший билет. Как и Bahncard Street, Bahncard Feet – аллюзия на реально существующие билеты для проезда в поездах Deutsche Bahn. Лексема Feet указывает, каким образом необходимо передвигаться – пешком. Ирония заключается в том, что даже пешком до конечного пункта можно добраться быстрее, чем на поезде. Стилистический прием преувеличения – гипербола – используется для того, чтобы указать на следующее – скорость пешехода в походе превышает скорость «обычного поезда» Deutsche Bahn 1.0. Данный факт указывает на имеющиеся проблемы в транспортной системе Deutsche Bahn, работающей с постоянными перебоями: например, многочасовыми задержками в железнодорожной системе, которые являются причиной регулярных опозданий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ирония играет одну из ключевых ролей в современном коммуникативном процессе: на примере немецкой сатирической передачи можно наблюдать, как часто прибегают к использованию

¹Unterbrechung des Einerleis – прерывание рутины (Duden online).

иронии, чтобы «приправить» содержание и сделать его более ярким, запоминающимся и оказывающим влияние на слушателя. Но, ввиду отсутствия четкого соотнесения между семантической структурой и вербальными средствами выражения информации, тексты на иностранном языке, содержащие иронию, бывают нередко сложны для адекватного восприятия и понимания реципиентом.

Анализ модели иронии помогает понять, каким образом возникает ирония в видеотексте. Сигналы иронии, проявляющиеся на разных уровнях восприятия информации, позволяют адекватно интерпретировать ироническое высказывание, а их взаимодействие облегчает процесс восприятия и адекватного понимания иронического смысла. Таким образом, осуществляется коммуникация между модератором и аудиторией, которая, в свою

очередь получает возможность точно распознать иронию в высказывании модератора и в полной мере насладиться ироническим высказыванием, которое направлено в конечном итоге на оптимизацию отношений в социуме.

В целом, критика концерна Deutsche Bahn является важной темой для популярной телевизионной передачи «heute-show», которая использует проблемы компании для комментирования различных социальных повесток в Германии. Совокупность приемов иронии позволяет использовать феномен Deutsche Bahn как метафору для других социальных проблем (бюрократия, защита окружающей среды и т.д.) и создавать иронические сегменты, которые помогают привлечь внимание к важным социальным вопросам, касающимся каждого жителя, а значит, являющимся актуальными для современного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kurilo E. O. Ironie als multimodales Phänomen (anhand der ZDF-Sendung „heute-show“). Masterarbeit. Moskau: MSLU, 2017.
2. Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen: Narr, 1997.
3. Stöckl H. Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz. In: Bildlinguistik / H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stöckl (eds.). Berlin: Erich-Schmidt, 2010. S. 43–70.
4. Groeben N., Scheele B. Produktion und Rezeption von Ironie. Tübingen: Narr, 1984.
5. Карпенко Е. И., Курило Е. О. Жест ‘object-adaptor’ как средство конструирования мены коммуникативных ролей в дискурсе (на материале программы „heute-show“ телеканала ZDF) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 168–181.
6. Балашов С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

REFERENCES

1. Kurilo, E. O. (2017) Ironie als multimodales Phänomen (anhand der ZDF-Sendung „heute-show“) / Masterarbeit. Moskau: MSLU.
2. Lapp, E. (1997) Linguistik der Ironie. Tübingen: Narr.
3. Stöckl, H. (2010) Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz. In: Bildlinguistik. H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stöckl (eds.). (pp. 43–70). Berlin: Erich-Schmidt.
4. Groeben, N., Scheele, B. (1984) Produktion und Rezeption von Ironie. Tübingen: Narr.
5. Karpenko, E. I., Kurilo, E. O. Object-adaptor as a turn-signal gesture in the zdf heute-show. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (783), 168–181. (In Russ.)
6. Balashov, S. N. (2006) Kognitivnaja priroda ironii: paradigma modelej v sopostavitel'nom opisanii = The cognitive nature of irony: a paradigm of models in comparative description: abstract of PhD in Philology. Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глебова Екатерина Олеговна

преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glebova Ekaterina Olegovna

Lecturer, Department of Grammar and History of the German language,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.03.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.04.2023	
принята к публикации	20.04.2023	

Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка)

А. И. Горожанов¹, В. А. Шевцова²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, agorozhanov@linguanet.ru

²Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь, schewzowa_w@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается технология определения цветовой характеристики произведения художественной литературы на основе корпусного подхода, предусматривающего применение автоматизированного анализа. В качестве материала исследования привлекаются оригинальные тексты романов Франца Кафки «Замок», «Процесс», «Америка». При их анализе применяется вышеозначенная технология; она дает точное представление об общем «цвете» текста при условии достаточной полноты банка цветowych данных конкретного произведения.

Ключевые слова: цветовая характеристика, корпусная лингвистика, сбалансированный корпус, немецкий язык, художественная литература, Франц Кафка, Python

Для цитирования: Горожанов А. И., Шевцова В. А. Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874), С. 63–68. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63

Original article

Technology for Determining the Colour Characteristics of the Text of a Fiction Work (on the Material of the German Language)

Alexey I. Gorozhanov¹, Valentina A. Shevtsova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, agorozhanov@linguanet.ru,

²Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus, schewzowa_w@mail.ru

Abstract. A technology for determining the colour characteristics of a fiction work based on the corpus approach, which involves the use of automatized analysis, is described. The original texts of Franz Kafka's novels "The Castle", "The Trial" and "America" are used as research material. It is concluded that the shown technology gives an accurate idea of the general "colour" of the text, if the colour data bank for a particular fiction work is sufficiently complete.

Keywords: colour characteristics, corpus linguistics, balanced corpus, German language, fiction, Franz Kafka, Python

For citation: Gorozhanov, A. I., Shevtsova, V. A. (2023). Technology for Determining the Colour Characteristics of the Text of a Fiction Work (on the Material of the German Language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 63–68. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63

ВВЕДЕНИЕ

В природе цвет – это данность, независимая от людей, однако, в разных языках и лингвокультурах представление цвета происходит своеобразно. Наименования красок составляют сложную систему, которая обнаруживает показательные расхождения как на уровне литературного языка, так и на уровне идиостиля писателя. При этом цветообозначения рассматриваются как своеобразный аспект видения «картины мира» писателя, поэта, отраженной в его конкретном произведении через восприятие этого мира автором. Еще в древности Платон и Плутарх использовали представление о цвете для характеристики душевного состояния человека, его голоса и других проявлений внутренних свойств. «Это было своеобразным переводом информации с одного языка в другую семиотическую систему, непонятного через понятное» [Шевцова, 2004, с. 87].

В настоящее время проблема определения цветовой (в некоторых работах – колористической) характеристики текста является многоплановой и изучается с различных позиций. Достаточно широко представлены исследования, в которых проводится сопоставительный анализ восприятия тех или иных цветов в различных лингвокультурах [Дудникова, Медведева, 2022; Ким, Шаповалова, Минеев-Ли, 2022; Левицкий, Никульшина, 2022].

Другим направлением является определение функции цветообозначений в художественных текстах [Божедонова, 2022; Солопова, 2022; Мазевич, Захаров, 2021; Голованова, 2020]. Не менее актуальными являются исследования цветообозначений в текстах литературных произведений методами компьютерной лингвистики. Так, в частности благодаря данной методике стало известно, что достаточно популярным для русских классиков считается черный цвет.

В сфере переводоведения ведутся дискуссии о том, какие переводческие решения подходят для правильной передачи терминов цветообозначения [Тимко, 2020; Егорова, Сизова, 2018]. В этой же связи Я. Е. Матросова выделяет «коэффициент плотности терминов цветообозначения», который определяется с помощью авторской программы для ЭВМ [Матросова, 2021], а также консолидирует усилия исследователей в области морфологической классификации цветообозначений [Матросова, 2016].

Авторы настоящего исследования ставят перед собой двоякую цель. *Во-первых*, получить общую цветовую характеристику художественного текста с наименьшими трудозатратами. *Во-вторых*, рассчитать некую «среднюю» цветовую характеристику, которую можно было бы определить как «цвет художественного произведения». Указанное

выше целеполагание позволит построить технологию определения цветовой характеристики художественного текста как совокупность процессов обработки текстовых данных. Таким образом, в центре нашего исследования стоит технологическая составляющая, тогда как языковой материал используется в иллюстративном качестве.

Для достижения поставленных задач привлекаются программные средства, главным из которых является язык программирования Python совместно с библиотекой `sraCy` [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022]. Какие-либо сторонние программы для ЭВМ нами не используются. Языковой материал исследования представлен аутентичными текстами романов Франца Кафки «Замок», «Процесс» и «Америка».

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И ГЕНЕРАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА

В качестве первого из романов для цветового анализа был выбран «Замок». Начальной стадией анализа указанного романа как аутентичного текста явилась его нормализация, т. е. превращение в такой формат, который был бы удобен для автоматической обработки специализированным программным обеспечением. В нашем случае этот процесс сводится к тому, что содержимое файла в формате TXT освобождается от всех данных, не имеющих прямого отношения к содержанию художественного произведения (иллюстрации, обложка, библиографическое описание, номера страниц и т. п.). Далее извлекаются все заголовки частей, а абзацные переносы заменяются одним пробелом. Все эти трансформации возможно осуществить с минимальным привлечением ручного труда.

Полученный нормализованный файл проходит автоматическую обработку с помощью авторской программы для ЭВМ – *генератора корпуса*, которая написана на Python с применением `sraCy`. В качестве средства построения графического интерфейса пользователя служит библиотека PyQt (рис. 1):

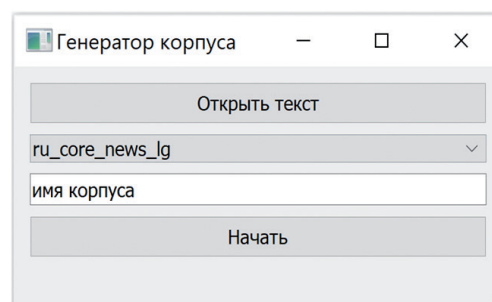

Рис. 1. Графический интерфейс генератора корпуса

Суть этой небольшой программы (ок. 190 строк основного кода и ок. 70 строк графического интерфейса пользователя) состоит в том, что она создает пустую базу данных SQLite и заполняет ее по особым правилам, заданным текстом и метаданными об этом тексте [Горожанов, 2022]. Тем самым создается сбалансированный корпус одного художественного произведения, т. е. такой корпус, который дает представление не о языке в целом, а о его частичной реализации – о романе.

Текст хранится в базе данных в виде пронумерованных предложений (для таблицы предложений) и пронумерованных токенов (для таблицы токенов). Метаданными о тексте являются:

- начальная / инфинитивная форма токена (лемма);
- часть речи, к которой принадлежит токен;
- морфологические признаки токена (свой набор для каждой части речи);
- соотношенность токена с его предложением (с идентификатором в таблице предложений).

Перед генерацией корпуса пользователь выбирает исходный файл, наименование файла корпуса и язык текста (на данный момент предусмотрены русский, английский и немецкий языки).

Примечательно, что не только токенизация (разбиение на токены) и разбиение на предложения, но также и получение всех метаданных происходит в полностью автоматическом режиме, благодаря возможностям библиотеки spaCy.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦВЕТОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РОМАНОВ

На предыдущем этапе мы получили лингвистический корпус романа «Замок», который насчитывает 5404 предложения и 131943 токена. Далее программными средствами нами был получен частотный список лемм прилагательных, имеющих в романе, а из него вручную выбраны цветообозначения.

Оптимизации времени поиска послужило то, что необходимо было сделать ручную выборку не из всего объема словоупотреблений (131943)

и не из общего списка лемм (7666), а только из лемм-прилагательных (1190). Таким образом, объем поиска был сокращен более чем в 110 раз.

В результате был получен следующий список, который был сразу расширен некоторыми распространенными, но пока не зафиксированными в исследуемых текстах прилагательными: schwarz, blau, hellblau, dunkelblau, braun, hellbraun, dunkelbraun, grün, hellgrün, dunkelgrün, orange, lila, rot, hellrot, dunkelrot, rosa, gelb, hellgelb, dunkelgelb, grau, hellgrau, dunkelgrau, gold, silbern, golden, beige, weiß, cremefarben, goldfarbig, gelblich.

Этот список был взят за основу как некий *банк цветowych данных*, с помощью которого должен был быть осуществлен поиск эксплицитных цветowych характеристик в тексте.

Список был использован для поиска по леммам-прилагательным, который позволил посчитать количество употреблений всех возможных словоформ (например, «grau», «grauen», «grauem» для «grau»), а также для компонентного поиска по формулам «*lemma» и «lemma*», который позволил выявить сложные слова с участием компонентов из списка (например, «blauäugig» или «grauschmutzig»).

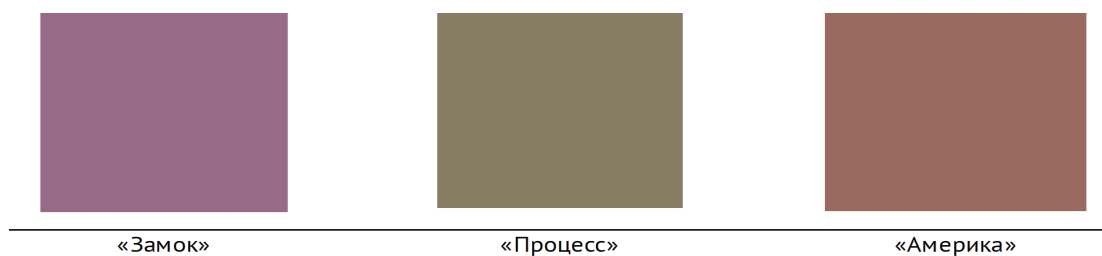
В результате в романе были выявлены 36 эксплицитных словоупотреблений цветowych характеристик (превалировали *серый* и *голубой*), каждая из которых была представлена в виде трехкомпонентной записи по правилам палитры RGB. Простым подсчетом среднего арифметического по каждому из трех компонентов был определен «средний» или «общий» цвет романа: (156, 107, 130), что примерно соответствует цвету под кодовым наименованием «Penelope Pink».

Сходным образом были получены цветowych характеристики романа «Процесс». Самым часто употребляемым цветом оказался черный, а «общим» (142, 128, 93) – цвет, наиболее близкий к цвету под кодовым наименованием «Wood Chi».

При анализе романа «Америка» на лидирующих позициях выступили белый и черный цвета, а «средним» результатом оказался (162, 108, 93), или «Honey Maple» (табл. 1):

Таблица 1

ОБРАЗЦЫ ПОЛУЧЕННЫХ ЦВЕТОВ

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сопоставим полученные результаты с «мысленной» интерпретацией романов. В «Замке» действие происходит зимой, следовательно, может показаться, что главным цветом должен быть белый или серый, что не сочетается с полученным «Penelope Pink», который можно трактовать как темно-розовый или грязно-розовый.

Однако такой цвет очень часто используется для колеровки оштукатуренных каменных зданий, например, строений, которые могут составлять комплекс замка. В этой связи «общий» цвет приобретает вполне понятный смысл – инстинктивно главный герой стремится в замок, постоянно представляет его себе как цель.

Цвет «Процесса» близок к грязно-зеленовато-коричневому. Если читатель романа представит себе исторический центр Праги, который незначительно изменился со времен Ф. Кафки, то такой цвет будет доминировать как очень близкий к цвету камня мостовых и ограждений набережной, некоторых зданий – особенно в пасмурную погоду и в сумерки.

Цвет «Америки» можно трактовать как близкий к коричневому; как и в предыдущем случае, он настраивает на атмосферу города, «каменных джунглей» мегаполисов Америки времени повествования. Превалирующий черный дает ассоциацию с многочисленными автомобилями.

В смысловых параметрах приведенной выше интерпретации цвета у Кафки невозможно не упомянуть и о некоторых ограничениях, которые накладываются на полученный результат. Прежде всего, мы провели анализ только эксплицитных цветовых характеристик, тогда как на восприятие читателя могут оказывать влияние и имплицитные. Например, лемма «Schnee» (снег), которая употребляется в романе «Замок» 35 раз, может приводить «средний» цвет произведения к более светлому тону, равно как и лексические единицы с семой «деревянный» внесут скорее серые и коричневые оттенки.

Далее для использования предлагаемой технологии на материале других литературных текстов необходимо значительно расширить банк цветовых данных, в который могут войти, например, фитонимы (белочник, белóшка, белужник, белуха, белúшка и т. д.) [Кузнецова, 2020] или цвета пищевых продуктов (абрикосовый, апельсиновый, арбузный, баклажанный, брусничный и т. д.) [Юрина, Боровкова, 2014].

При генерации корпуса и распределении токенов по частям речи, spaCy может допускать небольшую погрешность, которая, впрочем, редко превышает несколько процентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами была предложена и апробирована технология определения цветовых характеристик художественного текста, которая заключается в последовательности автоматизированных процессов за счет применения специализированного программного обеспечения, разработанного в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета.

Практическая ценность работы заключается в том, что предложенная технология может быть использована, например, при оформлении художественных произведений, а также при их экранизации, например, выбора цвета фасадов зданий, одежды персонажей, мебели, светофильтров и пр.

Обозначим два направления дальнейшего исследования.

Во-первых, совершенствование банка цветовых данных, а также его расширение на другие языки. *Во-вторых*, использование получаемых цветовых характеристик для более глубокой интерпретации художественного произведения с привлечением методов и знаний смежных с лингвистикой научных дисциплин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевцова В. А. Символика цвета в русской фразеологии // Русский язык и литература. 2004. № 6 (57). С. 87–93.
2. Дудникова Л. В., Медведева М. С. К вопросу о системе цветообозначений в русском, английском и французском языках (на материале национального корпуса русского языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 56–61. DOI 10.18522/2070-1403-2022-90-1-56-61.
3. Ким А. А., Шаповалова Ю. Ю., Минеев-Ли В. Е. Лингвокультурологические особенности символики некоторых цветообозначений у британцев и славян // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (221). С. 34–45. DOI 10.23951/1609-624X-2022-3-34-45.
4. Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Чёрный в русском и английском сказочных дискурсах (проблемы семантики и лингвокультурологии) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 699–704.
5. Божедонова А. Е. Функциональная характеристика цветообозначения мастей лошади в эпических текстах в сравнительном аспекте // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2022. № 1. С. 230–244. DOI 10.31857/S086919080016064-7.

6. Солопова А. А. Художественные функции цвета при описании превращений в «Метаморфозах» Овидия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26–2. С. 1098–1111. DOI 10.30842/ielcp230690152671.
7. Масевич А. Ц., Захаров В. П. Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 4. С. 5–35. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-5-35.
8. Голованова Н. Ю. Репрезентанты цветовой палитры в повести Л. Н. Андреева «В тумане» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 101–107. DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.014.
9. Тимко Н. В. Специфика перевода цветообозначений в политическом тексте (на материале заголовков статей медиаресурса BBC) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (144). С. 225–229.
10. Егорова О. А., Сизова В. В. Цветовая полифония в поэзии В. Высоцкого (в сравнении с переводами на английский язык) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 2. С. 220–224.
11. Матросова Я. Е. Каждый охотник желает автоматизировать вычисление коэффициента плотности терминов цветообозначения в тексте // Мосты. 2021. № 3 (71). С. 21–29.
12. Матросова Я. Е. Морфологические классификации русских цветообозначений, представленных в языке художественной литературы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. № 36. С. 61–74.
13. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // Вопросы прикладной лингвистики. 2022. № 45. С. 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03.
14. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563.
15. Кузнецова Е. Л. Закономерности отражения колористической характеристики во внутренней форме русских диалектных номинаций лекарственных трав // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020. № 3. С. 50–57.
16. Юрина Е. А., Боровкова А. В. Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов в «Словаре русской кулинарной метафоры» // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 106–121.

REFERENCES

1. Shevtsova, V. A. (2004). Simvolika tsveta v russkoi frazeologii = Symbolism of colour in Russian phraseology. *Russkij jazyk i literatura*, 6(57), 87–93. (In Russ.)
2. Dudnikova, L. V., Medvedeva, M. S. (2020). To the question about the system of colour terms in Russian, English and French (on the material of the Russian national corpus). *The Humanities and Social sciences*, 90(1), 56–61. DOI 10.18522/2070-1403-2022-90-1-56-61. (In Russ.)
3. Kim, A. A., Shapovalova, Yu. Yu., Mineev-Li, V. E. (2022). Linguocultural features of the symbolism of some color designations among the British and Slavs. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(221), 34–45. DOI 10.23951/1609-624X-2022-3-34-45. (In Russ.)
4. Levitskiy, A. E., Nikulshina, T. N. (2022). Black in Russian and English fairy tale discourse: semantic and linguocultural perspectives. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, 2(49), 699–704. (In Russ.)
5. Bozhedonova, A. E. (2022). Functional characteristic of the designation of the equine coat color in epic texts in a comparative aspect. *Vostok (Oriens) societies: history and modernity*, 1, 230–244. DOI 10.31857/S086919080016064-7. (In Russ.)
6. Solopova, A. A. (2022). Hudozhestvennye funktsii cveta pri opisani prevrashhenij v «Metamorfozah» Ovidija = Functions of colour terms in Ovid's Metamorphoseon. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 26(2), 1098–1111. DOI 10.30842/ielcp230690152671. (In Russ.)
7. Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. (2021). Diahronicheskie izmeneniya chastotnosti cvetooboznachenij v russkikh poeticheskikh tekstah = Diachronic changes in the frequency of colour designation in Russian poetic texts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 19(4), 5–35. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-5-35. (In Russ.)
8. Golovanova, N. Yu. (2020). Reprezentanty cvetovoj palitry v povesti L. N. Andreeva «V tumane» = The representatives of colour palette in the novel "In the fog" by L. N. Andreev. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 4(39), 101–107. DOI 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.014. (In Russ.)
9. Timko, N. V. (2020). Specifika perevoda cvetooboznachenij v politicheskom tekste (na materiale zagolovkov statej mediareursa BBC) = The specifics of the translation of color names in political texts (based on the articles' headlines of the media resource BBC). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1(144), 225–229. (In Russ.)

10. Egorova, O.A., Sizova, V.V. (2018). Cvetovaja polifonija v poezii V. Vysockogo (v sravnenii s perevodami na anglijskij jazyk) = Color polyphony in poetry of V. Vysotsky and its translations into English. Vestnik TvGU serija Filologija, 2, 220–224. (In Russ.)
11. Matrosova, Ya. E. (2021). Kazhdyi okhotnik zhelaet avtomatizirovat' vychislenie koeffitsienta plotnosti terminov tsветоoboznacheniya v tekste = Every hunter wants to automate the calculation of the density coefficient of colour terms in the text. Mosty. Zhurnal perevodchikov, 3(71), 21–29. (In Russ.)
12. Matrosova, Ya. E. (2016). Morphological Classifications of Colour Terms in Russian Literature. Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin, 36, 61–74. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Instrumentarij avtomatizirovannogo analiza perevoda hudozhestvennogo proizvedeniya = Tools for automated analysis of fiction work translation. Issues of applied linguistics, 45, 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I. (2022). Eksperimental'noe modelirovanie bazy dannykh sbalansirovannogo lingvisticheskogo korpusa = Experimental database modelling of a balanced linguistic corpus. Philology. Theory&Practice, 15(10), 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. (In Russ.)
15. Kuznetsova, E. L. (2020). Regularities of reflecting color characteristic in an inner form of Russian dialectal nominations of medicinal herbs. Journal of the Belarusian State University. Philology, 3, 50–57. (In Russ.)
16. Yurina, E. A., Borovkova, A. V. (2014). The ways of interpreting figurative color terms motivated by food names in the dictionary of Russian culinary metaphors. Russian journal of lexicography, 2(6), 106–121. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горожанов Алексей Иванович

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
 факультета немецкого языка
 Московского государственного лингвистического университета

Шевцова Валентина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
 декан факультета немецкого языка
 Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorozhanov Alexey Ivanovich

Doctor of Philology, Associate Professor
 Professor in the Department of German Language Grammar and History
 Faculty for German Language
 Moscow State Linguistic University

Shevtsova Valentina Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor
 Dean of the Faculty for German Language
 Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	14.03.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	18.03.2023	
	20.04.2023	

Научная статья

УДК 81`374.7

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_69

Принципы презентации сочетаемости в русско-немецких и немецко-русских словарях комбинаторного типа в сопоставительном аспекте

В. В. Епифанова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

valentyana4@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществляется обзор принципов демонстрации сочетаемости в русско-немецких и немецко-русских сочетаемостных словарях и имеющихся проспектах аналогичных словарей XX–XXI веков. Выявляются особенности организации словарных статей, прогнозируются наиболее и наименее успешные способы подачи лексикографического материала с позиции пользователя, указываются отсутствующие способы демонстрации сочетаемости в анализируемых словарях, предлагаются варианты фрагментов данных типов словарей.

Ключевые слова: сочетаемость, комбинаторная лексикография, русский язык, немецкий язык

Для цитирования: Епифанова В. В. Принципы презентации сочетаемости в русско-немецких и немецко-русских словарях комбинаторного типа в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 69–78. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_69

Original article

Presentation Principles of Compatibility in Russian-German and German-Russian Combinatorial-Type Dictionaries in Comparative Aspect

Valentina V. Epifanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

valentyana4@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the principles of demonstrating lexical compatibility in Russian-German and German-Russian combinatorial dictionaries and the available prospectuses of similar dictionaries of the 20th and 21st centuries. The features of the organization of dictionary entries are revealed, the most and least successful ways of organizing of the lexicographic material from the perspective of users are predicted, missing ways of demonstrating compatibility in the analyzed dictionaries are indicated, variants of fragments of missing types of dictionaries are proposed.

Keywords: compatibility, combinatorial lexicography, the Russian language, the German language

For citation: Epifanova, V. V. (2023). Presentation principles of Compatibility in Russian-German and German-Russian combinatorial-type dictionaries in comparative aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 69–78. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_69

ВВЕДЕНИЕ

Общетеоретические вопросы двуязычной лексикографии впервые затрагивались и активно разрабатывались в середине XX века. Среди исследователей, развивающих теорию двуязычной лексикографии, выделяются Л. В. Щерба, В. П. Берков, В. В. Дубичинский, И. Г. Ольшанский, В. В. Морковкин, П. Н. Денисов, Й. Влчек, Ю. Г. Татишвили, И. И. Убин, Д. О. Добровольский, А. Н. Баранов, А. В. Шарандин и др. На современном этапе количество работ, посвященных двуязычной лексикографии, продолжает увеличиваться и включает в себя изучение таких аспектов вышеозначенной темы, как:

- система методических и технических приемов редактирования двуязычных словарей [Кондакова, Морозова, 2017];
- новые тенденции в двуязычной лексикографии, включая создание так называемых частично двуязычных словарей [Влавацкая, 2008];
- создание учебных двуязычных словарей на основе контрастивного описания лексики и фразеологии [Контрастивная лексикология... 2006];
- компенсация смысловых потерь при передаче фразеологических соответствий в двуязычных словарях [Баранов, Добровольский, 2008];
- отражение необходимых типов информации в двуязычных словарях [Карпов, Добровольский, Нуриев, 2019];
- сопоставление лексикографического материала сочетаемостных словарей, созданного на основе ручной выборки, и сочетаний, представленных в современных корпусах русского языка [Хохлова, 2021] и др.

В статье проводится сопоставление русско-немецких и немецко-русских сочетаемостных словарей XX–XXI веков с учетом следующих критериев:

- 1) **адресная направленность словаря**;
- 2) **тип сочетаемости**, представленной в словаре (синтаксическая, лексическая, семантическая, фразеологическая);
- 3) **принципы демонстрации сочетаний** (перечни сочетаний с ключевым словом, цельнооформленные предложения, лексико-грамматические конструкции с заголовочным словом);
- 4) **способы упорядочения сочетаний** (алфавитный, синтаксический (на основе структурных типов сочетаний), семантический (на основе семантической группировки сочетаний), случайный);
- 5) **источники иллюстративного материала** (политические и медийные тексты, художественная литература, живая речь современных русских / немцев, самостоятельные примеры авторов словарей).

В первой части исследования по указанным критериям были проанализированы двенадцать

русско-немецких и немецко-русских словарей XX и XXI веков: Deutsch-Russisches Satzlexikon¹, Wörterbuch verbaler Wendungen. Deutsch-Russisch², Русско-немецкий словарь глагольных сочетаний для переводчиков³, Словарь предложных словосочетаний и устойчивых выражений. Русско-немецкий. Немецко-русский⁴, Немецко-русский словарь устойчивых словосочетаний и выражений⁵, Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с глаголами⁶, Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с предлогами⁷, Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с прилагательными и причастиями⁸, Русско-немецкий и немецко-русский словарь наречий, адverbiallyных словосочетаний и эквивалентов слов⁹, включая три проспекта соответствующих словарей Проспект русско-немецкого словаря для русского читателя [Татишвили, 1961], Проспект русско-немецкого словаря сочетаемости слов [Ольшанский, 1977], Проспект русско-немецкого учебного словаря сочетаемости лексем типа «прилагательное + абстрактное существительное» [Евдокимов, 1981].

В исследовательскую часть работы в качестве примеров включались также фрагменты англо-русских сочетаемостных словарей, одноязычных русских и немецких сочетаемостных словарей и авторитетных немецко-русских толковых словарей для демонстрации отсутствующих типов описания сочетаемости в анализируемых словарях.

На втором этапе исследования автор моделирует фрагменты отсутствующих на данный момент

¹Paffen K. A. Deutsch-Russisches Satzlexikon. Bd. 1–3. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1966.

²Günther, Erika. Wörterbuch verbaler Wendungen Deutsch-Russisch: e. Sammlung verbal-nominaler Fügungen. 1. Aufl. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.

³Эйвадис Р. С. Русско-немецкий словарь глагольных сочетаний для переводчиков. СПб.: Каро, 2009.

⁴Карнаухова В. Я., Карпец А. П. Wörterbuch der präpositionalen Wortfügungen und Wendungen. Russisch-Deutsch. Deutsch-Russisch. Словарь предложных словосочетаний и устойчивых выражений. Русско-немецкий. Немецко-русский. СПб.: Антология, 2009.

⁵Тогунов Б. М. Немецко-русский словарь устойчивых словосочетаний и выражений. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2010.

⁶Юдина Е. В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с глаголами (Wörterbuch verbaler Wendungen). СПб.: Каро, 2017.

⁷Юдина Е. В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с предлогами (Wörterbuch für präpositionale Wortverbindungen). СПб.: Каро, 2017.

⁸Юдина Е. В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с прилагательными и причастиями (Wörterbuch für Wortverbindungen mit Adjektiven und Partizipien). СПб.: Каро, 2017.

⁹Юдина Е. В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь наречий, адverbiallyных словосочетаний и эквивалентов слов (Wörterbuch für Adverbien, adverbiale Wortverbindungen und Wortäquivalente). СПб.: Каро, 2017.

типов словарей. Далее согласно результатам проделанной аналитической работы следуют выводы.

Основная цель проводимого исследования – выявление основных способов представления материала в русско-немецких и немецко-русских сочетаемостных словарях, их сопоставление, уточнение отсутствующих типов словарей, моделирование фрагментов данных типов словарей.

Полученные результаты позволяют выявить наиболее полную картину того, какие принципы описания сочетаемости преобладают в русско-немецкой и немецко-русской сочетаемостной лексикографии, какие достоинства и преимущества с точки зрения пользовательского запроса они имеют, каким образом могли бы выглядеть словари с отсутствующими на данный момент принципами описания сочетаемости.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в возможности расширения теории и практики двуязычной сочетаемостной лексикографии, в развитии теории словосочетаний, а также сопоставительного языкознания в аспекте изучения сочетаемости в родственных и неродственных языках.

ОБЗОР ПРИНЦИПОВ ОПИСАНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ И НЕМЕЦКО-РУССКИХ СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СЛОВАРЯХ XX ВЕКА

Адресная направленность **Deutsch-Russisches Satzlexikon** (Paffen, 1966) – немецкие студенты, изучающие русский язык как иностранный (средний и продвинутый уровни владения языком). Типы описываемой сочетаемости – лексическая, синтаксическая. Принцип демонстрации сочетаемости – цельнооформленные предложения. Способ упорядочения сочетаний – в соответствии с лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) заголовочной лексики, внутри каждого ЛСВ отмечается случайность ранжирования сочетаний. Иллюстративный материал совпадает с основным принципом подачи материала и представляет собой предложения, созданные автором словаря: ср.

ANHALTEN v/i

1. Halt machen

Der Zug (das Auto) hält an (pt). Поезд (машина) останавливается (остановился, -илась)... (Здесь и далее перевод на русский язык сделан автором словаря).

Warum halten Sie an? Почему Вы остановились?

Wir wollen hier anhalten. Мы здесь остановимся.

2. Dauern, andauern

Das gute Wetter (der Frost) hält an. Стоит хорошая погода (мороз).

Der Regen (der Sturm, die Kälte) hielt lange an. Дождь (шторм, холод) продолжался долго...

3. Um j-n

Er hat um die Hand m-r Schwester angehalten. Он просил руки моей сестры (Paffen, 1966)

К преимуществам данного словаря с позиции пользователя можно отнести демонстрацию сочетаний в их реальном употреблении. К недостаткам словаря можно отнести отсутствие уточнений семантической сочетаемости заголовочных слов. Так, в приведенном примере остается невыясненным, ограничивается ли сочетаемость глагола *anhalten* (ЛСВ *dauern, andauern*) сочетаниями с лексемами, описывающими погодные явления, или она может включать в себя иные лексемы, например, *der Preis* (цена), *die Inflationsrate* (уровень инфляции), *die Wachstumsrate* (уровень экономического роста) и др., возможны ли устойчивые сочетания типа *einen Atem anhalten* (задерживать дыхание) и др.

В **Wörterbuch verbaler Wendungen** (Günther, 1987) в качестве заголовочного слова выступает немецкий глагол. Адресная направленность словаря – изучающие русский язык как иностранный (продвинутый уровень владения языком). Тип сочетаемости – лексическая, синтаксическая, частично фразеологическая. Принцип демонстрации сочетаемости – перечень наиболее употребительных словосочетаний и их переводные эквиваленты в русском языке. Способ ранжирования сочетаний – алфавитный. Иллюстративный материал отсутствует:

halten

Abrechnung mit jmdm. ~ расплачиваться / расплатиться с кем-н. *übertr*

Abstand ~ соблюдать *ipf* дистанцию

eine Ansprache an jmdn. ~ обращаться / обратиться к кому-н. с речью...

jmdn./etw. in Ehren ~ относиться / отнестись к кому-н./к чему-н. с уважением

mit jmdm. Freundschaft ~ поддерживать *ipf* дружеские [дружественные] отношения к кому-н. и т. д. (Günther, 1987, с. 86).

К достоинствам словаря с позиции пользователей можно отнести уточнение грамматических особенностей сочетаний как в русском, так и в немецком языке. Среди недостатков словаря стоит упомянуть отсутствие иллюстративного материала, а также излишнее включение сочетаний, которые

возможно объединить на основе семантической сочетаемости: ср.

abbringen

jmdn. von seinem Entschluss ~ + *Inf* заставлять / заставить кого-н. изменить своё решение + *Inf*

jmdn. von seinem Vorhaben ~ отговаривать / отговорить кого-г. от намерения (Günther, 1987, с. 11).

Проспект русско-немецкого словаря для русского читателя (Татишвили, 1961) имеет в качестве адресата носителей русского языка, владеющих немецким языком на продвинутом уровне. Словарь призван обеспечить читателей готовыми лексико-грамматическими конструкциями для составления самостоятельных, правильных с формальной и смысловой точек зрения предложений.

Данный проспект является единственным словарем из анализируемых в исследовании, демонстрирующим также семантическую сочетаемость русских и немецких слов: ср. **кончиться** 1. {краска; мука} (вся) кончилась [вышла; закончилась, израсходована; окончилась, пришла к концу] - {die Farbe, das Mehl} ist [war] zu Ende [ist alle; ist aus; war aus]. 2. {беседа; радиопередача} кончилась [закончилась; окончилась; прекратилась; пришла к концу] - {die Unterhaltung; die Sendung} ist [war] zu Ende [ist alle; ist aus; war aus]. 3. гроза кончилась {закончилась; окончилась; прекратилась; пришла к концу; прошла}. Das Gewitter ist [war] aus [ist vorüber; war vorüber]... (Татишвили, 1961, с. 429).

При работе со словарем пользователь может сделать самостоятельные выводы о том, что в первой лексико-грамматической конструкции подлежащим может выступать название какого-либо

полезного вещества, во второй – название действий, связанных с говорением, в третьей – название стихийных явлений природы и т. д.

Принцип демонстрации сочетаний – посредством лексико-грамматических конструкций. Способ упорядочения сочетаний – случайный. Источники иллюстративного материала – целенаправленно оформленные предложения в виде лексико-грамматических конструкций, составленных автором. К достоинствам данного словаря, как уже отмечалось, можно отнести учет семантической сочетаемости и представление сочетаний в виде готовых к использованию конструкций. К возможным недостаткам словаря можно отнести случайный способ ранжирования сочетаний внутри словарной статьи.

Предполагаемый адресат **Проспекта русско-немецкого словаря сочетаемости слов** (Ольшанский, 1977) – носители русского языка, изучающие немецкий язык на продвинутом этапе или совершенствующие свои знания и разговорные навыки. Словарь является переводно-синонимическим, способствующим развитию идиоматичности речи учащихся, способным «подсказать возможный вариант перевода» [Ольшанский, 1977, с. 135].

Тип представленной в Проспекте сочетаемости – лексическая, фразеологическая. Принцип демонстрации сочетаний – перечень исходных и переводных сочетаний, включая переводные синонимичные сочетания разных структурных типов. Способ упорядочения сочетаний – синтаксический, в качестве определяющего фактора ранжирования выступает структура исходного словосочетания. Иллюстративный материал представлен в минимальном количестве, что, вероятно, объяснимо

ВРАЧ	ARZT m, DOKTOR m (umg., als Anrede)
хороший, плохой,	ein guter, schlechter,
молодой, новый, старый,	junger, neuer, alter,
начинающий, неопытный...	angehender, unerfahrener...
детский / по детским болезням; терапевт/;	Kinder-, Internist/ Facharzt für innere Krankheiten...
по внутренним болезням ... вызвать врача /на дом/...	den A. holen, rufen (lassen), [ins Haus/ nach Hause] kommen lassen;
послать (кого-л.) за врачом, сходить за врачом; записаться /на прием/ к врачу; обратиться к врачу	sich einem A. vorstellen/ zum A. gehen; (j-n) nach dem A. schicken/ den A. rufen lassen; den A. holen; sich beim A. [zur/ für die Sprechstunde] anmelden/ vormerken lassen (seltener); sich an einen/ den A. wenden, zum A. gehen ...
Он записался к врачу	Er ist zum Arzt bestellt.
Вызов врача на дом (объявление в поликлинике)	Hausbesuche, Hausbesuchsdienst

стремлением автора включить наиболее полный перечень сочетаний в ограниченные рамки словарных статей, ср.:

К преимуществам данного проспекта относится включение страноведческих понятий и устойчивых оборотов, типичных для немецкой лингвокультуры, а также перечисление синонимичных конструкций перевода, не совпадающих с исходным языком по структуре. К недостаткам словаря стоит отнести сложность нахождения нужного переводного соответствия в немецком языке в связи со случайным способом ранжирования сочетаний.

В **Проспекте русско-немецкого учебного словаря сочетаемости лексем типа «прилагательное + абстрактное существительное» для русского читателя** (Евдокимов, 1981) в качестве опорного слова выступает имя прилагательное. Адресная направленность словаря – носители русского языка, владеющие немецким языком на продвинутом уровне. Тип представленной сочетаемости – лексическая. Принцип демонстрации сочетаемости – перечень сочетаний с разной степенью межъязыковой идиоматичности. Форма иллюстративного материала – цитирование русской художественной литературы и немецкие транслаты ее фрагментов, выполненные квалифицированными переводчиками:

насмешливый

насмешливый взгляд 4 ~ spöttischer Blick, -e 2 • Он часто чувствовал за своей спиной насмешливые взгляды (*К. Паустовский*) – Oft fühlte er hinter seinem Rücken spöttische Blicke.

~ ironischer ~ 6 • Снова надо было пройти через зал сквозь строй насмешливых ... взглядов (*Б. Полевой*) – Sie sollte wieder durch den Saal gehen, verfolgt von ironischen Blicken.

~ verächtlicher ~ 6 • Даша посмотрела на Феденьку долгим, насмешливым взглядом (*В. Шишков*) – Dascha sah Fedenka mit einem langen, verächtlichen Blick an (*Евдокимов, 1981*).

ОБЗОР ПРИНЦИПОВ ОПИСАНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ И НЕМЕЦКО-РУССКИХ СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СЛОВАРЯХ XXI ВЕКА

В **Русско-немецком словаре глагольных сочетаний для переводчиков** (Эйвадис, 2009) за основу взяты глаголы, входящие в устойчивые глагольные сочетания. Адресная направленность словаря – носители языка, специализирующие в филологических областях; описываемый тип сочетаемости – лексическая; принцип демонстрации сочетаемости – исходное сочетание и его аналог в немецком языке. В качестве

иллюстративного материала используются предложения из современной немецкой прессы (без указания первоисточника):

аннулировать договор – einen Vertrag aufheben

Nachdem die Revolution gesiegt hatte, wurde alle außenpolitischen Verträge der alten Regierung aufgehoben...

вести чрезвычайное положение – den Ausnahmezustand verhängen

Angesichts des eskalierenden Streits um das Ergebnis der Präsidentenwahlen haben die Behörden des Landes den Ausnahmezustand verhängt (Эйвадис, 2009).

В **Словаре предложных словосочетаний и устойчивых выражений. Русско-немецкий. Немецко-русский** (Карнаухов, Карпец, 2009) представлены наиболее употребительные сочетания русского и немецкого языков с предлогами, взятые из публицистической, официальной и обиходно-бытовой сфер. Тип представленной в словаре сочетаемости – лексическая. Принцип демонстрации сочетаемости – перечень переводных сочетаний. Иллюстративный материал представлен частично (не в каждой словарной статье) в виде предложений, созданных автором:

без аварий

ohne Unfall, unfallfrei, ohne Havarie, schadensfrei, störungssicher

без аварий на дорогах

ohne Pannen, ohne Autounfälle, ohne Havarien (österr.) ...

без видимой патологии (= без особенностей) (Med.) unauffällig; *сердце и лёгкие без видимой патологии* / *без особенностей* Cor und Pulmo unauffällig (Карнаухов, Карпец, 2009, с. 33).

В **немецко-русском словаре устойчивых словосочетаний и выражений** (Тогунов, 2009) представлены словосочетания, используемые в научно-технической и научно-популярной литературе. Словарь предназначен для специалистов, переводчиков, преподавателей и студентов высших учебных заведений, занимающихся изучением немецкого языка. Важно отметить, что в Предисловии к данному словарю автор дает методические рекомендации по переводу устойчивых глагольных словосочетаний на русский язык, служащих несомненным достоинством словаря. Тип сочетаемости в словаре – лексическая. Способ демонстрации лексической сочетаемости – исходные

и переводные сочетания с заголовочным словом. Иллюстративный материал отсутствует, что можно отнести к недостаткам словаря с позиции пользователя:

Abkommen abschließen – заключать соглашение, договор

Abkommen auflösen – расторгнуть соглашение

ein Abkommen einhalten – соблюдать соглашение

zum Abkommen gelangen – прийти к соглашению ...

Abkommen verletzen – нарушить договор, соглашение

ein Abkommen vermitteln – посредничать [быть посредником] при заключении соглашения (*Тогунов, 2009*).

В Немецко-русском и русско-немецком словаре словосочетаний с глаголами (Юдина, 2017а) ключевым словом выступает глагол, входящий в немецкое устойчивое глагольное сочетание. Словарь создан для преподавателей, переводчиков и экскурсоводов. Тип представленной в словаре сочетаемости – лексическая и фразеологическая. Принцип демонстрации сочетаемости осуществляется посредством исходных и переводных сочетаний, частично посредством цельнооформленных предложений, составленных автором словаря. Важным преимуществом словаря является то, что для многих словосочетаний «предлагаются синонимичные (переводные. – В. Е.) эквиваленты с различной стилистической окраской» (Юдина 2017 а, аннотация):

arbeiten

ehrenamtlich ~ работать на общественных началах, работать без оплаты

hauptberuflich / hauptamtlich ~ работать на постоянной основе / постоянно, быть в штате, быть штатным сотрудником

mit roten Zahlen ~ работать нерентабельно / убыточно ...

Seine Beziehungen ~ lassen пускать в ход / использовать свои связи

überlaufen

Der Park ist überlaufen. В этом парке очень людно. / В этом парке слишком много народу. / Парк переполнен людьми.

Dieser Beruf ist überlaufen. В этой области избыток специалистов.

Ein Frosteln überlief mich. Холодная дрожь пробежала / прошла по моему телу. / Меня охватил озноб.

Mich überlief es kalt. У меня мурашки по телу побежали. / У меня мороз по коже пошёл. / Меня бросило в холод (*Юдина, 2017а*).

К недостаткам словаря можно отнести отсутствие дифференцирования идиоматической и лексической сочетаемости, которая, в свою очередь, вызвана игнорированием структурно-семантических особенностей глаголов. В этом смысле показательное построение словарных статей в Большом немецко-русском словаре¹ под общ. рук. О. И. Москальской и в Новом большом немецко-русском словаре² под ред. Д. О. Добровольского, где последовательно представлены лексико-семантические варианты ключевого слова, непосредственно влияющие на перевод сочетаний с ним и определяющие разную степень идиоматичности данных сочетаний: ср.

arbeiten I vi **1.** работать, трудиться; заниматься; действовать; функционировать; *hart* ~ напряжённо работать, трудиться вовсю; *für zwei* ~ разг. работать за двоих; ~ *wie ein Pferd* разг., ~ *wie ein Vieh* груб. работать как лошадь, «ишачить»; *sich (D) Schwielen an die Hände* ~ работать до мозолей на руках; **2.** *Most [Bier] arbeitet* сусло [пиво] бродит; *Teig arbeitet* тесто поднимается... II. vt **1.** сработать, сделать, сшить; ...*der Mantel ist auf Pelz gearbeitet* пальто сделано на меху; **2.** дрессировать, обучать (собаку, лошадь); **3.** *уст.* обрабатывать, возделывать (землю) ... (Большой немецко-русский словарь, 2006)

arbeiten I vi **1.** работать, трудиться; заниматься; *körperlich* ~ трудиться физически; *geistig* ~ заниматься умственным трудом; *ehrenamtlich* ~ работать на общественных началах; *an etw. (D)* ~ работать, трудиться над чем-л.; **2.** (*für A*) работать, трудиться (ради какой-л. цели); *für eine bessere Zukunft* ~ работать на лучшее будущее [ради лучшего будущего]; *gegen (A)* ~ работать против (чего-л.); **3.** функционировать, действовать; *das Herz des Patienten arbeitet regelmäßig* сердце пациента работает ритмично; *das Holz arbeitet* дерево коробится; *der Wein arbeitet* вино бродит; **4.** воздействовать (на кого-л.), оставить свой след; *die Kränkung arbeitete in ihm* обида жила в нём; **5.** спорт. тренироваться *mit den Hanteln* ~ работать [тренироваться] с гантелями II vt работать, сделать *Welcher Schneider hat diesen Anzug gearbeitet?* какой портной пошил этот костюм? III *sich* ~ **1.** пробираться с трудом; ...*sich in die Höhe [nach oben]* ~ пробиваться вверх (в экономическом, социальном плане) (Новый большой немецко-русский словарь, 2010).

¹Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. И. Филичева, М. Я. Цвиллинг и др. ; под общ. рук. О. И. Москальской. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., Медиа, 2006.

²Новый большой немецко-русский словарь: около 500 000 лексических единиц / под ред. Д. О. Добровольского: в 3 т., М.: АСТ, 2010.

Сообразные указанному выше словарю (Юдина 2017а) принципы описания и ранжирования сочетаемости, характер расположения ключевых слов и адресная направленность представлены в Немецко-русском и русско-немецком словаре словосочетаний с предлогами (Юдина 2017б), Немецко-русском и русско-немецком словаре словосочетаний с прилагательными и причастиями и Немецко-русском и русско-немецком словаре наречий, адвербиальных словосочетаний и эквивалентов слов (Юдина 2017в, 2017г)

из

из бюджетных средств aus Haushaltsmitteln

из глубины веков aus grauer Vorzeit, aus Vorzeiten...

из государственного бюджета, из госбюджета aus Haushaltsmitteln, aus den Mitteln des Staatshaushaltes...

из достоверных источников aus sicheren Quellen, aus verlässlicher Quelle... (Юдина, 2017б, с. 57).

К неудобствам пользования данными словарями с позиции продуктивных речевых действий можно отнести отсутствие иллюстративного материала, а также опущение целого ряда весьма употребительных сочетаний: ср. отсутствие сочетаний *активно помогать, активно сотрудничать* и др. в следующей словарной статье:

активно aktiv, tatkräftig, engagiert, eifrig; **активно интересоваться** aktives / reges Interesse zeigen; **активно переписываться** einen regen Briefwechsel führen; **активно участвовать** sich aktiv beteiligen, sich engagieren (Юдина 2017г, с. 14).

В отношении сочетаемости наречий очень содержательным представляется Русско-немецкий и немецко-русский словарь переводческих трудностей (Wörterbuch der Übersetzungsschwierigkeiten)¹, где предлагается наиболее широкий спектр переводческих контекстуальных эквивалентов, снабженных исчерпывающим иллюстративным материалом:

абсолютно

vollkommen, total, ganz, komplett, gänzlich, durch und durch, überhaupt (nicht immer «absolut»)

Я абсолютно не знаю, что делать. Ich weiß überhaupt nicht (mehr), was ich tun soll.

Она абсолютно уверена в себе. Sie ist durch und durch selbstbewusst.

С ними абсолютно не о чем разговаривать. Es gibt gar keine gemeinsame Themen, die man mit ihnen besprechen könnte.

¹URL: <https://woerterbuchnetz.de/#1>

Студенты абсолютно ничего не помнят после летних каникул. Die Studenten haben in den Sommerferien alles gänzlich / komplett vergessen; Die Studenten wissen so gut wie nichts mehr nach den Ferien / absolut nichts mehr nach den Ferien и т. д.

При сопоставительном анализе сочетаемостных словарей XX и XXI века необходимо учитывать, что возможности современных лексикографов по обработке эмпирического материала существенно отличаются от возможностей лексикографии XX века. К преимуществам современного лексикографирования можно отнести возможность применения корпусных данных обоих языков, а также использование накопленного опыта теоретической и практической двуязычной лексикографии. Однако проведенный анализ показывает, что в словарях XX века представлено больше иллюстративного материала, в частности, из текстов художественной литературы, тогда как составители сочетаемостных словарей XXI века часто пренебрегают данным типом иллюстрирования сочетаемости.

ОТСУТСТВУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ И НЕМЕЦКО-РУССКИХ СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СЛОВАРЯХ XX И XXI ВЕКОВ

Среди принципов описания сочетаемости, которые не представлены в имеющихся русско-немецких и немецко-русских словарях, можно назвать **семантический принцип** описания сочетаемости с упорядочением сочетаний по семантическим типам, он может осуществляться посредством формульной записи или посредством рубрикации ономаσιологического характера.

Первый способ упорядочения сочетаний (на основе лексических функций-параметров И. А. Мельчука и А. К. Жолковского) реализован в **Проспекте англо-русского учебного комбинаторного словаря** [Влавацкая, 2013]. Представим возможный фрагмент аналогичного немецко-русского учебного сочетаемостного словаря (на примере леммы **FREUND1**):

FREUND, der; 1. -[e]s, -e: männliche Person, die einer anderen in FREUNDSCHAFTI.1. (1a) verbunden ist, ihr nahesteht (FREUNDSCHAFTI.1. – auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander, das sich durch Sympathie und Vertrauen auszeichnet)

Adjektiv + Substantiv

Magn: ein guter ~ < der beste ~ < der allerbeste ~, ein großer ~; *umgangssp. salopp* ein dicker ~ < der dickste ~ *Sie waren allerbeste Freunde* **большой, хороший** ~

Magn_[„доверие“]: ein bewährter, erprobter, loyaler, verlässlicher, vertrauter, vertrauenswürdiger, zuverlässiger ~ *Es ist schwierig, so einen verlässlichen Freund zu finden* **надёжный, проверенный** ~

Ver: wirklich: ein aufrichtiger, echter, ehrlicher, reiner, wahrer, wirklicher *In schwierigen Zeiten kristallisiert sich heraus, wer ein wirklicher Freund ist* **истинный, настоящий** ~

NonMagn^{temp} (мало времени к фиксированному моменту от прошлого): ein neu gewonnener ~ *In diesen Tagen ist ihm ein neu gewonnener Freund eine große Hilfe* **новый** ~, *разг. ирон. новоиспечённый* ~ и др.

Verb + Substantiv

PerfIncepOper₁: einen / S_{GEN} ~ [von S_{DAT}] werden, [mit S_{DAT}] (gut) ~/e werden *Er wäre ihr ein guter Freund geworden* **стать ~ом**

хотеть Oper₂: S_{AKK} sich [Dativ] zum ~ wünschen / wollen *Sobald Sie ihn kennengelernt haben, werden Sie ihn sich zum Freunde wünschen* **хотеть кого-л. себе в друзья**

полагать, что Oper₂: [S_{AKK} als einen (guten) ~] betrachten; [S_{AKK} für einen (guten) ~] halten; [S_{AKK} zu (seinen) ~en] rechnen, zählen *Er rechnete Kathrin unter seine Freunde* **считать (своим) ~ом** и др.

Пример семантического ранжирования сочетаний на примере русского языка приводит И. Г. Ольшанский в [Ольшанский, 1969]:

РУБАШКА, и, ж.

принадлежность: Мужская, детская

назначение: Нижняя, ночная (женская или детская)

цвет, рисунок: Белая, синяя, красная... светлая, темная;

клетчатая, полосатая (рубашка в клетку, в полоску)

материал: Шерстяная, шелковая, нейлоновая...

(рубашка из шерсти, из шелка, из нейлона...) [там же].

Исследователь подчеркивает, что принцип рубрикации ономазиологического характера «реализуется наиболее последовательно при анализе существительного как универсального носителя предметности» [там же, с. 67].

Представим возможный фрагмент немецко-русского сочетаемостного словаря, основанного на семантической рубрикации (на примере лексемы BAU1) (частично использован материал из [Lemnitzer, Geyken, 2015]):

BAU, der; -e[s], -ten **1.** [größeres] Bauwerk, Gebäude **здание, строение, сооружение, корпус**

Form: eingeschossiger, einstöckiger ~ **одноэтажное** ~; einshiffiger ~ **с одним пролетом**; zweigeschossiger ~ **двухэтажное** ~; geschlossener ~ **закрытой конструкции**, quaderförmiger ~ **квадратной формы**; kubischer, würfelförmiger ~ **кубической формы**; langgestreckter ~ **линейно-протяжённое сооружение**, lichtdurchfluteter ~ **светлое** ~, luftiger ~ **лёгкая постройка**...

Große: gewaltiger, gigantischer, massiver, riesiger ~ **огромное, массивное** ~

Urheber: städtischer ~ **городская постройка**, kommunaler ~ **муниципальное** ~

Status: denkmalgeschützter ~ **памятник архитектуры**

Funktion: öffentlicher **общественное** ~, sakraler **сакральное (религиозное)** ~; einstweiliger ~ **временное сооружение**; beherbergt [jmdn., etw.] **вмещает в себя** [кого-л., что-л.], zieht [Besucher] an **притягивает [посетителей]** и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

1) в анализируемых русско-немецких и немецко-русских сочетаемостных словарях представлены все виды адресной направленности (и для изучающих русский и немецкий языки как иностранные, и для носителей языков, работающих в филологических и иных областях);

2) наиболее часто представленные типы сочетаемости – лексико-фразеологическая, реже – синтаксическая, в единичном случае – семантическая;

3) принципы демонстрации сочетаний включают в себя перечни словосочетаний и целно-оформленные предложения, в единичном случае – лексико-грамматические конструкции;

4) преобладающими способами упорядочения сочетаний внутри словарных статей являются алфавитный и синтаксический; отсутствует семантический принцип ранжирования сочетаний;

5) в качестве источников иллюстративного материала выступают политические и медийные тексты, художественная литература, живая речь современных русских / немцев, самостоятельные примеры авторов словарей, однако в большинстве сочетаемостных словарей иллюстративный материал отсутствует, что затрудняет пользователям получение полноценной картины употребления представленных в словарях сочетаний. Одним из путей восполнения данного пробела, на наш взгляд, могут выступать более активное обращение к актуальным разработкам в области лексикографии, а также использование имеющихся корпусных данных русского и немецкого языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондакова Е. А., Морозова Е. В. На пути к академическому немецко-русскому словарю: в поисках инструментов преодоления словарной инертности // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Издат. дом ЯСК, 2017. Т. 14. С. 221–237.
2. Влавацкая М. В. Новые направления и тенденции в двуязычной лексикографии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 1. С. 61–65.
3. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / Стернин И. А. и др. Воронеж: Истоки, 2006.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
5. Карпов В. И., Добровольский Д. О., Нуриев В. А. К вопросу о типах информации в двуязычном словаре // Вопросы лексикографии. 2019. Вып. 6. С. 38–58.
6. Хохлова М. В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов // Вопросы лексикографии. 2021. Вып. 21. С. 34–68.
7. Татишвили Ю. Г. Переводные словари и проблема словосочетания в лингвистике (по материалам русско-немецких словарей) // Вопросы германской и романской филологии. Пятигорск, 1961. С. 407–473.
8. Ольшанский И. Г. О русско-немецком словаре сочетаемости слов // Проблемы учебной лексикографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. № 1. С. 134–142.
9. Евдокимов А. П. Лексическая сочетаемость и проблемы переводной лексикографии (на материале немецких соответствий сочетаниям лексем типа «прилагательное + абстрактное существительное» русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981.
10. Влавацкая М. В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2013.
11. Ольшанский И. Г. Сочетаемость слов как проблема лексикологии и лексикографии // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 53–71.
12. Lemnitzer L., Geyken A. Semantic modelling of collocations for lexicographic purposes // Journal of Cognitive Science. Vol. 16. № 3. 2015. P. 200–223.

REFERENCES

1. Kondakova, E. A., Morozova, E. V. (2017). On the Way to the Academic German-Russian Dictionary: in search of tools to overcome dictionary inertness. Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Germanists, 14, 221–237. Moscow: Publishing House Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
2. Vlavatskaya, M. V. (2008). Novye napravleniya i tendencii v dvujazychnoj leksikografii = New directions and trends in bilingual lexicography. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2, 1, 61–65. (In Russ.)
3. Sternin, I. et al. (2006). Kontrastivnaja leksikologija i leksikografija = Contrastive lexicology and lexicography: Monography. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
4. Baranov, A. N., Dobrovolskij, D. O. (2008). Aspekty teorii frazeologii = Aspects of the theory of phraseology. Moscow: Znak (In Russ.)
5. Karpov, V. I., Dobrovolsky, D. O., Nuriev, V. A. (2019). On information types in a bilingual dictionary // Russian journal of lexicography, 6, 38–58.
6. Khokhlova, M. V. (2021). Attributive collocations in the gold standard of the Russian language and their representation in dictionaries and text corpora. Russian journal of lexicography, 21, 34–68. (In Russ.)
7. Tatishvili, Ju. G. (1961). Perevodnye slovari i problema slovosochetaniya v lingvistike (po materialam rusko-nemeckih slovaroj) = Transliterated dictionaries and the word combination problem in linguistics (from Russian-German dictionaries). Voprosy germanskoj i romanskoj filologii (pp. 407–473). Pjatigorsk. (In Russ.)
8. Ol'shanskij I. G. (1977). O rusko-nemeckom slovare sochetaemosti slov = About the Russian-German dictionary of word combinations. Problemy uchebnoj leksikografii, 1, 134–142. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.)
9. Evdokimov A. P. (1981). Leksicheskaja sochetaemost' i problemy perevodnoj leksikografii (na materiale nemeckih sootvetstvij sochetanijam leksem tipa «prilagatel'noe + abstraktnoe sushhestvitel'noe» russkogo jazyka) = Lexical compatibility and problems of translation lexicography (on the material of German correspondences to combinations of Russian adjective + abstract nouns): PhD in Philology. Alma-Ata.
10. Vlavatskaya, M. V. (2013). Teoreticheskie osnovy kombinatornoj lingvistiki: leksikologicheskij i leksikograficheskij aspekty (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Theoretical foundations of combinatorial linguistics:

lexicological and lexicographic aspects (based on the material of the Russian and English languages): Senior Doctoral thesis in Philology. Novosibirsk. (In Russ.)

11. Olshansky, I. G. (1969). Sochetaemost' slov kak problema leksikologii i leksikografii =Word compatibility as a problem of lexicology and lexicography. Voprosy uchebnoj leksikografii (pp. 53–71). (In Russ.)
12. Lemnitzer, L., Geyken, A. (2015). Semantic modeling of collocations for lexicographic purposes. Journal of Cognitive Science, 16(3), 200–223.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Валентина Валерьевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Epifanova Valentina Valerievna

PhD (Philology)

Senior Lecturer at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2023

17.03.2023

20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О расхождениях и сходствах переносных значений некоторых образных номинаций в разговорном сегменте немецкого и русского языков

О. С. Ефимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
jefimija3@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется метафоризация немецких и русских существительных в разговорном сегменте, имеющих идентичный образ. Выявляются случаи с идентичным переносным значением в обоих языках, с разными переносными значениями, а также случаи отсутствия метафорического значения в русском языке и наличия его в немецком. Подчеркивается роль ассоциаций, возникающих в номинациях такого рода.

Ключевые слова: разговорная лексика, образность, метафора, переосмысление, ассоциация

Для цитирования: Ефимова О.С. О расхождениях переносных значений некоторых образных номинаций в разговорном сегменте немецкого и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 79–87. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_79

Original article

Differences and the Similarity of Metaphorical Meanings of Some Nouns in Spoken Modern German and Russian

Olga S. Efimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
jefimija3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of metaphorisation of some nouns in spoken modern German and their parities in spoken modern Russian, which are based on the identical image. In the article are shown the cases of identical figurative meaning, of different figurative meaning in both languages, while retaining of identical image, the cases of the absence of figurative meaning in Russian and of the presence of this meaning in German. The importance of the associations while building of this kind of nouns is under consideration.

Keywords: colloquial vocabulary, figurativeness, metaphor, re-comprehension, association

For citation: Efimova, O. S. (2023). Differences and the Similarity of Metaphorical Meanings of some Nouns in Spoken Modern German and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 79–87. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_79

ВВЕДЕНИЕ

Разговорная речь (просторечие) является одной из форм национального языка. Она составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации. Разговорная речь занимает промежуточную позицию между литературным языком и диалектами. «С одной стороны, разговорная речь, применяемая в повседневном обиходе, противопоставляется языку подчеркнуто литературному, книжному, научному, публицистическому, официально-деловому. С другой стороны, разговорная речь противостоит диалекту» [Девкин, 1965, с. 6].

В повседневной жизни человек использует прежде всего нейтральную лексику. Специальная лексика, встречающаяся в научном, деловом и других стилях, лишь дополняет его лексикон. В повседневном обиходе говорящий может «обходиться» нейтральными словами, только разговорный сегмент включает коллоквиализмы, экспрессивные синонимы, которые имеют нейтральные, «индифферентные» соответствия. «Чисто разговорный слой, имеющийся только в бытовой речи и нигде больше, в основе своей состоит из экспрессивных синонимов, заменяющихся (с разной степенью легкости) стилистически нейтральными словами» [там же, с. 219].

Метафоризация является одним из главных источников пополнения разговорного сегмента языка. В этой связи мы полагаем, что анализ механизма создания образных лексем актуален в лингвистике. При анализе использованных в статье коллоквиализмов применялись как общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения языковых выразительных средств в немецком и русском языках, так и методы анализа лексико-семантических вариантов значения разговорных лексем. Выявлялись особенности механизма метафоризации немецких и русских лексем, опирающихся на идентичные образы.

Лексикографическим источником исследования послужил «Немецко-русский словарь разговорной лексики» В. Д. Девкина. Для анализа и обобщения практического материала использовались следующие источники: «Особенности немецкой разговорной речи» (Девкин, 1965); «Лингвистический энциклопедический словарь» (под ред. В. Н. Ярцевой, 2002); «Das Wunder der Sprache» (ст. В. Порцига из Хрестоматии по лексикологии А. М. Искоз, А. Ф. Ленковой, 1985); «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2003).

РОЛЬ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЛЕКСЕМ

В разговорной речи важен субъективный фактор, связанный с оценочностью. Природа человека

такова, что он постоянно сознательно или автоматически видит достоинства и недостатки объектов окружающей среды. «Оценивание присутствует во всех сферах жизни. На основе оценок формируется отношение к себе и к внешнему миру, выстраиваются взаимоотношения между людьми, принимаются многие решения, возникают уверенность или сомнения в собственной правоте при выборе предпочитаемых объектов» [Батурин, Выбойщик, 2008, с. 35].

СУБЪЕКТИВНО ОКРАШЕННЫЕ ЛЕКСЕМЫ – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В. Д. Девкин указывает на то, что разговорные слова очень часто обозначают явления, свойства, предметы, для которых характерна определенная деструкция, несоответствие норме. Эти наименования могут относиться к сфере вещей, душевного, физического, эмоционального состояния человека, могут характеризовать поведение человека, его отношения с людьми и т. д. Всё это затрагивает интересы человека и приводит к образованию субъективно окрашенных лексем. Часто лексем подобного рода имеют негативную окраску [Девкин, 1994].

Субъективный фактор в разговорной речи играет большую роль. В конкретной коммуникативной ситуации предмет разговора не может не трогать говорящих, их заинтересованность и переживание проявляются в оформлении высказываний, в выборе языковых средств и, не в последнюю очередь, оценок. ... В разговорных оценочных словах чаще встречается отрицательная оценка, причём зачастую переосмысленная. Наблюдается положение, когда оценка сопровождается какой-либо „соназванный“ объективный предмет (*Flitter* дешевые украшения, *Muckefuck* плохой кофе, *Schmiere* захудалый театришко) [там же, с. 18].

Это явление (соединение денотативной и оценочной функций в одном слове) можно наблюдать и в русском языке: «Многие слова не только называют понятия, но и отражают отношение к ним говорящего. <...> Эмоциональная окраска слова может выразить и отрицательную оценку называемого понятия» [Голуб, 1999, с. 59].

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ»

Большинству разговорных лексем свойственна выразительность, яркость. Основным источником создания выразительности служит использование иносказательного, образного наименования.

Слово «образный» имеет синонимы *яркий, выразительный, иносказательный, выпуклый* и связано с понятием «образ». В «Литературной энциклопедии» образ толкуется как «...всеобщая категория художественного творчества; присущая творчеству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 669]. Присвоение словам новых выразительных, ярких значений также является особой формой творческой деятельности.

ПЕРВИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ

Причем языковые образы первичны, а художественные образы базируются на языковых. Швейцарский лингвист Ш. Балли в своей книге «Французская стилистика» рассматривает образность живой разговорной речи и противопоставляет языковые образы художественным: «Образы, наблюдаемые в риторике и литературе, обладают двумя ярко выраженными свойствами: во-первых, они представляют собой результат индивидуального творчества и возникают, чтобы произвести то или иное эстетическое воздействие на читателя или слушателя; во-вторых, эти образы никогда не являются целиком оригинальными; как правило, они представляют собой переработанные и обновленные образы разговорной речи. Следовательно, литературные образы объясняются разговорными, а не наоборот» [цит. по: Шенделева, 2000, с. 75].

МЕТАФОРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК СОЗДАНИЯ ОБРАЗНЫХ РАЗГОВОРНЫХ ЛЕКСЕМ

В основе создания различных образов и образных значений лежат два основных «механизма»: метафора и метонимия. В представленной работе анализируются только особенности процесса метафоризации.

Метафора и метонимия представляют собой семантические трансформации, т. е. такие изменения в семантической структуре слова или словосочетания, при которых на первый план выступают не прямые, а переносные значения. «Метафора – семантическое преобразование, при котором образ сформированный относительно одного класса объектов, прилагается к другому классу или представителю класса» [Стилистика и литературное редактирование, 2005, с. 414].

Немецкий лингвист В. Порциг подчеркивал, что в метафоре остается «отзвук» прямого значения слова, это делает метафору выразительной, яркой:

Sie (die Metapher) setzt voraus, dass jedes Wort in einen Bereich gehört, wo es eigentlich verwendet wird. Außerhalb dieses Bereichs steht es „übertragen“, aber es bringt dabei gewissermaßen die Luft seiner eigentlichen Umgebung mit, und darauf eben beruht seine anschauliche und eindringliche Wirkung [цит. по: Искоз, Ленкова, 1985, с. 72].

ОТСУТСТВИЕ МЕТАФОРИЗАЦИИ У НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЛЕКСЕМ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ У СООТВЕТСТВУЮЩИХ НЕМЕЦКИХ ЛЕКСЕМ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Рассмотрим механизмы метафоризации определенных существительных в немецком и русском языках. Метафоризация охватывает различные сферы нашей жизни. Далее приводятся примеры существительных, имеющих одинаковые прямые значения в немецком и русском языках. При этом русские лексемы лишены метафорического значения.

У некоторых немецких существительных прослеживается четкая связь вторичного наименования с визуальными особенностями исходного денотата:

Waschbrett (стиральная доска) – 1) лицо в морщинах, 2) неровное полотно железной дороги;
Deckel (крышка) – головной убор;
Kartoffel (картофелина) – 1) большая дыра в чулке, 2) спустившийся мяч;
Bandwurm (ленточный червь) – нечто страшно длинное, нескончаемое;
Viele deutsche Wörter sind richtige Bandwürmer – многие немецкие существительные настоящие страшилища;
Birne (груша) – 1) голова, 2) прозвище толстощекого человека;
Gurke (огурец) – нос;
Erker (эркер, выступ) – нос;
Erbse (горошина) – голова;
Fahrgestell (шасси) – ноги;
Spazierhölzer – ноги;
Kulisse (кулиса) – маскировка;
Kürbis (тыква) – голова;
Kutsche (карга, экипаж) – «таранас», старая машина;
Rüssel (хобот) – 1) нос, 2) рот;
Doppeldecker (двухэтажный автобус, гараж) – 1) две рюмки водки или коньяка, 2) бутерброд с двумя кусками хлеба или колбасы.

Последний пример *Doppeldecker* демонстрирует не только называние на основе визуального сходства. Два других переносных значения этой лексемы совместитель и бисексуал показывают, что номинация базируется на более «отдаленных»

ассоциациях. Лексема *ботаника* обозначает в русском языке науку о растениях, в немецком *Botanik* обозначает в просторечии природу, растительность. В данном примере наряду с метафорой присутствует метонимический перенос. Его наличие свидетельствует о том, что метафору иногда сложно отличить от метонимии.

Существительное *Kröte* (жаба) имеет переносное значение: непривлекательная женщина или жадность (во фразеологизме жаба душит). В немецком разговорном слое с жабой связываются совсем другие представления. Им соответствуют следующие слова и выражения:

Kröte – крошка, кроха (о ребенке);
faule Kröte – лентяйка;
giftige Kröte – сварливая женщина, злюка;
kleine Kröte – наглая девчонка;
eine Kröte schlucken – проглотить горькую пилюлю.

Лексема *Brauereigeschwür* (пивной живот) образована в результате соединения метафорически переосмысленного названия болезни с существительным из области, далекой от медицины, что вызывает комический эффект.

В немецком разговорном сегменте образные лексемы часто служат для обозначения людей и их негативных или положительных характеристик:

Braut (невеста) – 1) возлюбленная (фам.),
 2) молодая женщина;
Affe (обезьяна), *ein dummer (blöder) Affe* (фам.) – болван;
Karton (картонная коробка) – голова, башка (шутл.),
Der hat was im Karton! – Он соображает (у него котелок варит);
Würstchen (сосиска) – жалкий, несчастный человек;
Kratzbürste (крацовочная щётка) – ворчливая, сварливая женщина, «пила».

Т. О. Лечкина в своей работе описывает определенные зоонимы-пейоративы, которые активно используются в общении супругов с целью оскорбления, к ним, в частности, относятся лексемы: *Gans* (гусь), *Ziege* (коза), *Hammel* (баран), *Affe* (обезьяна), *Schaf* (овца): «Семантический признак “глупый” объединяет зоонимы-пейоративы *Gans*, *Ziege*, *Hammel*, *Schaf*, *Affe*, которые часто используются в супружеском дискурсе с целью оскорбления собеседника:

Du dumme Gans! // *So eine blöde Gans!* // *Dumme, blöde Ziege!* – Дурища! // *Du bist ein Hammel!* – Идиот!» [Лечкина, 2012, с. 3].

К человеку также применяются названия растений: *Tulpe* (странный), *Klette* (прилипала).

К антропологической сфере относятся также следующие образные лексемы и выражения:

Zigarre (сигара) – нагоняй;
Abstellgleis (запасной путь): *j-n auf Abstellgleis schieben* – отстранить кого-л.;
Betriebsunfall (несчастный случай на производстве) – 1) нежелательная беременность, 2) внебрачный ребенок, 3) промашка (шутл.).

Лексема *Betriebsunfall*, перешедшая из сферы производства, реализует несколько переносных значений. К лексемам подобного рода относятся коллоквиализмы:

Hirsch – молодой человек, велосипед, мотоцикл, рога носец;
Banane – вертолет (с двумя пропеллерами), нос, граната, кривые ноги;
schräg – пьяный, беспутный, нечестный, поверхностный.

АКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЗООНИМОВ В РАЗГОВОРНОМ НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При помощи метафорического переноса зоонимов образованы глаголы:

büffeln, oxsen – зубрить,
mausen – красть,
hamstern – запасать,
affen – обезьянничать,
kälbern – дурачиться,
fuchsen – злить, надувать кого-л.,
bocken – капризничать,
luchsen – глядеть,
ferkeln – грязнить,
spinnen – врать,
unken – ныть, жаловаться,
es wurmt mich – меня гложет... (берет досада).

В русском разговорном сегменте также присутствуют зооморфные глаголы: набычиться, ершиться, ишачить, обезьянничать, окрыситься / крысятничать, свинячить, собачиться, схомячить, петушиться, попугайничать, прищучить, проворонить, раздраконить, осовет, змеиться, приголубить.

Как видно из приведенных примеров, в обоих языках активно функционирует модель метафорического переноса, связанного с использованием зоонимов. При этом новые лексемы уже относятся к антропологической сфере и имеют оценочную коннотацию. Данная закономерность еще раз наглядно подтверждает высказывание Е. М. Вольф

об оценочной функции зооморфных метафор: «Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное – человек. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат» [цит. по: Голодов, 2005, с. 126].

НАЛИЧИЕ ОДИНАКОВЫХ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ОТДЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ПРИ СОХРАНЕНИИ ИДЕНТИЧНОГО ОБРАЗА

В русском и немецком языках встречаются выражения, в основе которых лежит один и тот же образ, притом они имеют одинаковые значения:

j-n dreschen – измолотить (отколотить кого-л.);
Kartoffelnase – нос картошкой;
Kartoffelferien – «картошка», уборка картофеля во время осенних каникул (ГДР);
die gleiche Wellenlänge haben – быть на одной волне, быть единомышленниками;
Weiberfeind – женоненавистник;
Weißglut, j-n zur Weißglut reizen – довести кого-л. до белого каления;
Wasserstoffblondine – крашеная (химическая) блондинка;
Waschlappen – «тряпка», слабовольный человек;
Dampfross – «стальной конь» (о паровозе);
vor leeren Bänken predigen – выступать перед пустым залом;
schnell wie Feuerwehr sein – нестись как на пожар;
mir kribbelt in den Fingerspitzen – у меня руки чешутся;
du machst mir aber Freude! – ну и обрадовал ты меня!
voller Saft – в полном соку;
aus j-m Frikkasse machen – сделать из кого-л. котлету;
Froschkonzert – «лягушачий концерт»;
frisieren – что-л. «причесать», приукрасить, пригладить;
j-m kommt die Galle hoch – изливать желчь на кого-л.;
Gehirnwäsche – промывка мозгов;
Gerippe – скелет, «кащей»;
Gerüchteküche – источник слухов;
Gewitter – буча, «гроза»;
Krüppel, Du elender Krüppel! – Урод несчастный!
Krücken – «костыли» (ноги);
Grützkasten – «котелок», башка.

Можно наблюдать некоторое расхождение в элементах устойчивых словосочетаний с идентичным образом в русском и немецком языках:

Schiedsrichter ans Telefon! – Судью на мыло!

j-m etwas in den Schlund werfen – заткнуть глотку кому-л.;
dreikantig rausfliegen (rauswerfen) – выбросить (вылететь) в два счета;
Bärengesundheit – богатырское здоровье.

ВЫРАЖЕНИЕ ОДИНАКОВОГО ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАЗНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Иногда в основе выразительного наименования лежат разные образы, но они обозначают одно и то же:

Fettklumpen – «туша», «боров» (о чел.);
Gehirnschmalz – «серое вещество»;
Schimpfkanonade – поток брани;
auf dem Zahnfleisch gehen – тащиться на полусогнутых;
mit dem Schinken nach der Wurst werfen – менять шило на мыло;
das haut den stärksten Eskimo vom Schlitten – как обухом по голове;
bei mir ist damit Feierabend – мое терпение иссякло;
Jacke wie Hose – что в лоб, что по лбу;
Die Arbeit ist kein Frosch, sie hüpf uns nicht davon – Работа не волк, в лес не убежит;
Wo sich Fuchs und Hase gute Nacht sagen – куда Макар телят не гонял;
aussehen wie die Gans, wenn es donnert – иметь глупый вид, смотреть как баран на новые ворота;
sich wie ein Wurm winden – извиваться ужом;
dreikäsehoch – от горшка два вершка;
j-n in die Wüste schicken – отправить кого-л. в глухомань;
Warum ist die Banane krumm? – Почему? – Да потому;
Warum nimmst du mich nicht mit? – Warum, warum ist die Banane krumm? *j-n zu Brei schlagen* – побить кого-л., сделать котлету из кого-л.

АБСУРДНАЯ И ГРОТЕСКНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Процесс метафоризации иногда заостряется, усиливается, доводится до абсурда. Образ, лежащий в основе абсурдных метафор, не связан с реальностью, он нелепый, смешной. Конструкции подобного рода обладают комическим эффектом.

Некоторым немецким образным гротескным выражениям можно найти образные соответствия в русском, но иногда это сделать невозможно:

die Beine unter die Arme nehmen – бежать со всех ног;
zwei linke Hände haben – быть неловким;
auf den Ohren sitzen – быть невнимательным;

j-m ein Loch in den Bauch reden – кого-л. замучить разговорами;

j-m auf der Nase herumtanzen – садиться на шею кому-л.;

auf dem Zahnfleisch gehen – совсем обессилеть;

es zieht wie Hechtsuppe – страшный сквозняк;

ich glaub, mich knutscht ein Elch – обалдеть можно.

В русском языке тоже есть выражения подобного рода. В них утеряна связь с этимологией, и кажется, что они объединяют несовместимые понятия: телячий восторг, плакали наши денежки, профессор кислых щей, подложить свинью, отставной козы бабарабанщик, свистнуть чемодан, его ушли (уволители).

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ

В разговорной речи распространено обозначение абстрактных понятий именами конкретных предметов, например:

blauer Dunst – враки;

platt wie eine Flunder sein – очень удивиться чему-л.;

Ohrwurm – часто исполняемая мелодия, которая легко запоминается;

Schokoladenseite – внешняя, гляцевая сторона;

Wolkenkuckucksheim – пребывание в мире фантазий;

die Fußballschuhe an den Nagel hängen – оставить футбол (*перестать играть*).

Для обозначения абстрактных понятий в разговорном сегменте языка, как правило, используются выразительные слова и сочетания. Разговорный язык «обходится» собственным потенциалом, не используя лексемы нейтрального языка. На это указывает Н. М. Киселева и другие авторы: «Для наименования абстрактных, “высоких” понятий разговорный язык очень редко обращается к нейтральной абстрактной лексике в силу преимущественно “приземленного” характера повседневного общения. Чаще он метафорически использует имена конкретных предметов, через призму которых дается более точная наглядная характеристика абстракции, выражающих отношение к предмету вторичной номинации, например, его оценку» [Киселева и др., 2022].

ОСНОВНЫЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ, ИСПОЛЗУЮЩИЕ КОНКРЕТНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Н. В. Киселева и ее соавторы выделяют три актуальные в повседневной жизни человека нематериальные сферы: 1) бессмыслица, 2) неудача, неприятность 3) нагоняй [там же]. Далее рассмотрим

некоторые разговорные лексемы, представляющие эти сферы.

Для обозначения чепухи, бессмысленности используется лексема *Käse*. Без сыра нельзя представить повседневную жизнь немцев. Сыроварение в Германии имеет давние традиции, Германия производит несколько сотен сортов сыра, поэтому неудивительно, что лексема *Käse* – сыр в силу своей употребительности подверглась метафоризации. В выражении *Der Käse ist gegessen* (что-то ясно, решение принято) можно соотнести переносное значение с прямым (действие закончено, продукт съеден), однако в других выражениях *Käse* обозначает нечто глупое, пустое, никчемное: *Käse* (вздор, чепуха); *Das ist alles Käse!* – Всё это вздор! *großer Käse* (несусветная чушь); *billiger Käse* (что-то плохое, бездарное); *Die Veranstaltung war ein billiger Käse* – представление было плохим. Совокупность приведенных примеров немецкого словоупотребления свидетельствует о том, что название традиционного немецкого продукта в метафорическом значении утрачивает конкретность и обозначает явление из абстрактной сферы, при этом оно получает негативную окраску.

Отглагольное существительное *Quatsch* (ерунда) связано с *quatschen* (болтать, сплетничать). Оно также дает отрицательную характеристику предмета:

Die Einladung war Quatsch.

Wir waren umsonst dort.

Das war ein toller Film! – Quatsch mit Soße!

Hab mich noch selten so gelangweilt!

Эта лексема иногда употребляется для более сильного воздействия на слушателя с существительными *Soße* (соус), *Quadrat* (квадрат):

Quatsch mit Soße, Quatsch im Quadrat! – Ерунда на постном масле!

Другое существительное также из тематической группы «Продукты» *Quark* (творог) в результате метафорического переноса обозначает что-то мелкое, незначительное, пустое:

So ein Quark! – Такая ерунда!

Rede nicht solchen Quark! – Не говори такую ерунду!

Das geht dich einen Quark an! – Это тебя вообще не касается!

Jmd. versteht einen Quark davon – Кто-то ничего в этом не смыслит;

Sich in jeden Quark einmischen – совать повсюду свой нос;

Das interessiert mich einen Quark! – Это меня абсолютно не интересует!

Существительное *Zeug* (прост. плохие вещи), но в результате метафоризации получает значение «ерунда», «вздор», «чепуха»:

Red nicht so blöses Zeug! – Не говори глупости!
Du erzählst tolles Zeug. – Ты говоришь глупости.
Nichts davon ist wahr. – Здесь нет ни слова правды.

Лексема *Zimt* (корица) имеет в просторечии вещественное значение, но в результате метафорического переноса переходит в абстрактную сферу и обозначает *чушь, ерунду*:

Lass mich doch mit dem ganzen Zimt in Ruhe! Mach keinen Zimt! – Не дури!

Существительное *Schnickschack* (дребедень, некачественные вещи, безделушки), другое его значение связано уже с невещественной сферой – *ерунда, галиматья*:

allerlei Schnickschnack erzählen, Schnickschnack reden – говорить глупости, нести чушь.

Для обозначения неприятности, неудачи, ошибки (эти явления взаимосвязаны) также используются существительные, прямые значения которых связаны с предметной сферой. Лексема *Soße* (соус) обозначает в разговорном языке «грязь», его переносное значение – *неприятность, «сюрприз»*; существительное *Suppe* (суп) переходит из кулинарии в абстрактную область и является частью устойчивых выражений, имеющих часто негативные оценочные коннотации:

j-m (sich) eine Suppe einbrocken – заварить кашу, натворить дел;
j-m die Suppe versalzen – насолить кому-л.; испортить удовольствие;
j-m in die Suppe spucken – напакостить кому-л.; подложить свинью;
in eine böse Suppe kommen – нарваться на неприятность.

Существительное *Brocken* (большой кусок, ломоть чего-л.) также метафоризируется и используется в выражениях, связанных с общением, знаниями:

ein paar Brocken Deutsch können – знать несколько немецких фраз;
mit gelehrten (lateinischen) Brocken um sich werfen – кичиться своей ученостью.

Существительное *Pech* (смола) употребляется в выражении *Pech haben* – потерпеть неудачу.

Существительное из технической сферы *Fehlzündung* (отказ зажигания) в разговорном сегменте обозначает ошибку, недоразумение:

Anscheinend hatte er eine Fehlzündung. – Он, явно, совершил ошибку.
Er konnte und konnte nicht begreifen, was wir von ihm wollten. – Он никак не мог понять, чего мы ждем от него.

Другая лексема из той же сферы *Panne* (авария) переосмысливается и получает значение неудача, прокол, срыв:

Er hatte beim Examen eine Panne. – Он не сдал экзамен;
Mir ist die Panne passiert. Ich habe die Milch anbrennen lassen. – У меня неприятность, подгорело молоко.

С неприятностями часто связан и процесс наказания, для его обозначения в немецком разговорном языке используются лексемы из предметной сферы, но уже в метафорическом значении:

Zunder (трут) – трепка, побои: *i-m Zunder geben* – дать нагоняй кому-л.;
Zunder bekommen – получить взбучку;
Diesem Faulenzer gab ich heute ordentlich Zunder. – Я устроил сегодня хорошую взбучку этому бездельнику;
Du siehst aus, als ob du Zunder gekriegt hättest. – Ты выглядишь так, словно получил нагоняй;
eine Zigarre bekommen – получить нагоняй;
eine Zigarre verpassen – отругать кого-л.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. РОЛЬ АССОЦИАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ НОМИНАЦИИ

Лексическое значение слова может интерпретироваться с разных позиций, на это указывает Н. Н. Щербакова, она подчеркивает, что «...понятие значение определяется как психологический феномен, либо как феномен, отражающий прежде всего знаковую природу языка. В случае, когда рассматривается метафора, первый из отмеченных подходов представляется наиболее продуктивным. <...> Именно ассоциативный потенциал слова становится производящей базой при образовании нового слова посредством метафоры» [Щербакова, 2004, с. 122].

Как известно, ассоциация представляет собой связь между психическими явлениями. При этом одно из явлений актуализируется, т. е. воспринимается и одновременно вызывает появление другого.

Однако один и тот же образ может вызывать у русского и немца совершенно разные ассоциации, в результате чего возникает проблема ложного толкования как отдельных лексем, так и фразеологизмов. *Käfer* говорят о привлекательной девушке, в русском языке *жук* в переносном значении обозначает пройдоху, человека себе на уме, русское *клоп* обозначает маленького ребенка и не имеет негативной коннотации, немецкое *Wanze* обозначает портативный аппарат для прослушивания, *faule Wanze* (лентяй) имеет отрицательную окраску.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИКИ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»

Можно наблюдать, как сходные по звучанию и происхождению слова обозначают совершенно разные понятия в немецком и русском языках, возникает проблема «ложных друзей переводчика»:

Bude – магазин, лавка;
Kolben – голова;
eine Idee – немножко, чуточку;
eine Idee Salz – чуточку соли;
Havarie – неудача, несчастье;
Karrete – старая плохая повозка;
elegant – ловко;
sich um etw. elegant drücken – ловко увернуться от чего-л.;
phantasieren – молоть вздор.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, БАЗИРУЮЩИЕСЯ НА ИДЕНТИЧНЫХ ОБРАЗАХ, НО ИМЕЮЩИЕ РАЗНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Одинаковый образ, лежащий в основе фразеологизмов, также может привести к ложному соотношению немецких и русских фразеологизмов (или перевести как свободное словосочетание):

ein Horn bekommen – набить шишку (речь не о рогах);
aus der Haut fahren – разозлиться, в русском языке – лезть из кожи вон;
j-m etwas aufs Butterbrot schmieren – упрекнуть кого-либо в чем-либо (а не « намазать бутерброд »);
einen Pudel schießen – допустить оплошность;
ein großer Hund – большая шишка, по-русски *собакой* называют негодяя; *etwas zum Besten geben* – угостить, поставить (бутылку вина), ср. рус. выдавать за хорошее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафоризация остается важнейшим источником пополнения словарного состава языка. Новые значения, появляющиеся в результате метафорического переноса в разных языках и имеющие сходные базовые образы, могут совпадать или отсылать к разным денотатам. Разные ассоциативные ряды, которые сопровождают процесс метафоризации, обусловлены разными языковыми картинами мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М.: Международные отношения, 1965.
2. Батурин Н. А., Выбойщик И. В. Оценочный стиль и его место в структуре индивидуальности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 2. С. 35–48.
3. Девкин В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994. С. 12–29.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Ральф, 1999.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003.
6. Шенделева Е. А. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Спецвыпуск). 2000. Вып. 3 (19). С. 73–79.
7. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В. И. Максимова. М.: Гардарики, 2005.
8. Искоз А. М., Ленкова А. Ф. Хрестоматия по лексикологии немецкого языка. М.: Просвещение, 1985.
9. Лечкина Т. О. Зоонизмы-пейоративы в системе ценностей немецкого супружеского дискурса // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3. С. 36–43.
10. Голодов А. Г. Зооморфные метафоры в разговорно окрашенной специальной лексике и проблемы их перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 126–132.

11. Киселева Н. Н. [и др.] Ономазиологический аспект отражения абстракций в немецкой и русской разговорной метафорике / Н. М. Киселева, Я. Л. Горшенина, С. Ю. Полуйкова, Н. Н. Чичерина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 87–92.
12. Щербак Н. Н. Метафора и метафорическая мотивация как способы образования просторечных существительных в русском языке XVIII века // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 122–125.

REFERENCES

1. Devkin, V. D. (1965). Osobennosti nemetskoj razgovornoj rechi = Special features of the German spoken language. International Relations Publisher. (In Russ.)
2. Baturin, N. A. Vyboishchik, I. V. (2008). Style assessment and its place in the structure of personality. Theoretical and experimental psychology, 1(2), 35–48. (In Russ.)
3. Devkin, V. D. (1994). Spetsifika slovarya razgovornoj leksiki = Specifics of the dictionary of colloquial vocabulary. In V. D. Devkin, Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki: Svyshe 12000 slov (pp. 12–29). Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
4. Golub, I. B. (1999). Stilistika russkogo yazyka = Stylistics of Russian. Moscow: Ralf. (In Russ.)
5. Nikolyukin, A. N. (ed.) (2003). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyati = Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak. (In Russ.)
6. Shendeleva, E. A. (2000). Category of figurativeness: Problems to lexical interpretation and prospects of research. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 3(19). P. 73–79.
7. Maksimov, V. I. et. al. (2005). Stilistika i literaturnoe redaktirovanie = Stylistics and text editing. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
8. Iskoz A. M., Lenkova A. F. (1985). Reading book on german lexicology. Moscow: Prosveshchenie. (In Germ.)
9. Lechkina, T. O. (2012). Zoonyms – pejoratives in the system of values of the german spousal discourse. Vestnik volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 3(10), 36–43. (In Russ.)
10. Golodov, A. G. (2005). Zoomorphic metaphors in the spoken german football language and problems of their translation. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 2, 126–132. (In Russ.)
11. Kiseleva, N. M., Kiseleva, H. M., Gorshenina, Ya. L., Polukova, S. Y., Chicherina, N. N. (2022). Onomasiological aspect of reflection of abstractions in German and Russian colloquial metaphors. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 1(34), 87–92. (In Russ.)
12. Shcherbakova, N. N. (2004). Metafora i metaforicheskaya motivatsiya kak sposoby obrazovaniya prostorechnykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke XVIII veka = Metaphor and metaphorical motivation as a way of the building of colloquial nouns in Russian in the 18th century. Vestnik Omskogo universiteta, 4, 122–125. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимова Ольга Станиславовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Efimova Olga Stanislavovna

PhD (Philology)
Associate Professor in the Department of German Grammar and History
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2023
19.04.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11.-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_88

Дискурсивно обусловленные характеристики текстов коммуникативно-речевой формы «Описание» в энциклопедическом и художественном дискурсах

Ю. М. Казанцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
julia.kasanz_eva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу текстовых структур коммуникативно-речевой формы «Описание» в двух видах дискурсов в зависимости от таких параметров коммуникации как условия и каналы взаимодействия и прагматическая направленность порождаемого текста. Материалом исследования являются немецкоязычное описание полотна Питера Брейгеля Старшего «Пейзаж с падением Икара» в каталоге Королевского музея изящных искусств в Брюсселе и в художественном эссе немецкого автора Вольфа Бирманна.

Ключевые слова: энциклопедический дискурс, художественный дискурс, композиционно-речевая форма «Описание», компрессия информации, темпоральная, локальная, персональная, референтная, модальная, структуры текста

Для цитирования: Казанцева Ю. М. Дискурсивно обусловленные характеристики текстов коммуникативно-речевой формы «Описание» в энциклопедическом и художественном дискурсах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 88–93. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_88

Original article

Discourse-Sensitiv Properties of “Description” in Encyclopedic and Fictional Discourses

Julia M. Kasanzeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia.kasanzeva@gmail.com

Abstract. The article presents a comparative analysis of text structures of the discursive-and-communicative form “Description” in two discourse types, text presentation parameterized by conditions and interaction channels as well as pragmatic orientation of communication. The materials under scrutiny are: Peter Bruegel the Elder’s ‘Landscape with the Fall of Icarus’ as described in the German language in the Brussels Royal Fine-Arts Museum catalogue and in a fictional essay by the German author Wolf Biermann.

Keywords: encyclopedic discourse, fictional discourse, discursive-and-communicative form “Description”, compression of information, temporal, local, personal, reference, modal text structures

For citation: Kasanzeva, J. M. (2023). Discourse-sensitiv Properties of “Description” in Encyclopedic and Fictional Discourses. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 88–93. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_88

ВВЕДЕНИЕ

В русле комплексной междисциплинарной парадигмы, основанной на преемственности подходов к описанию системы языка как исторически сложившегося функционального образования, находятся, в частности, исследования, посвященные коммуникативному и лингвопрагматическому аспектам коммуникации в применении к общей теории и частным видам дискурсов, при этом грамматика дискурса выступает как продолжение грамматики текста.

Основы рассмотрения текста как целого речевого произведения заложены О. И. Москальской в работе «Грамматика текста» [Москальская, 1981]. Приоритетным аспектом данного направления является исследование текста как вербального компонента дискурса, порождение и интерпретация которого связаны с его дискурсивным окружением: с условиями взаимодействия, с системой социальных и межличностных отношений, со взаимодействием языкового и неязыкового знания. В традициях, заложенных О. И. Москальской, текст понимается как интенциональное, информативное целое, как основная единица социального взаимодействия в составе дискурса, непосредственно доступная для анализа и интерпретации.

Обращение к дискурсивным параметрам коммуникации (условия и каналы взаимодействия) приводит к включению в сугубо грамматическую проблематику более широкого круга явлений, связанных с передачей и восприятием информации. При этом особый исследовательский интерес представляют тексты различных дискурсов с сопоставимой прагматической направленностью.

В данной статье предлагается проследить в сопоставлении особенности вербализации темпоральной, локальной, персональной, референтной и модальной структур текстов, относящихся к композиционно-речевой форме (КРФ) «Описание», на примере энциклопедического и художественного дискурсов. Как отмечает М. П. Брандес, КРФ «Описание» предназначена для изображения предметов, явлений и их характеристик, представленных в один из моментов их существования [Брандес, Провоторов, 1999]. Данная КРФ объединяет в себе в качестве подвидов статическое и динамическое описание. Статическое описание передает сам факт сосуществования предметов и их признаков в одно и то же время [Брандес, 1988].

Динамическое описание – это «описание в движении». В основе этого описания лежат действия, происходящие одновременно или с небольшими интервалами во времени в ограниченном автором пространстве, а также как эти действия протекают и в какой последовательности [там же].

Таким образом, описание – это коммуникативный способ передачи информации о пространстве, расположенных в нем предметах и лицах, их отношении между собой, их качественных характеристиках и действиях, происходящих в этом пространстве. В качестве одной из характеристик данной КРФ часто указывают на ее объективность, автор как бы отступает на второй план, избегает интерпретации описываемых действий или высказывания собственного мнения [Богатырева, Ноздрин, 2008]. В то же время можно обнаружить и тексты, включающие себя в той или иной мере авторское видение описываемой ситуации, что в нашем случае наблюдается в обоих исследуемых текстах энциклопедического и художественного дискурсов.

КОМПРЕССИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК СТРУКТУРНЫЙ ПРИЗНАК КРФ «ОПИСАНИЕ»

К текстам энциклопедического дискурса можно отнести речевые произведения типа хронологических таблиц, статей в энциклопедических словарях, краткие биографические описания, описания художественных произведений в музейных каталогах и др., объединенные единой прагматической установкой – информирование адресата о фактах, событиях, явлениях внешнего мира в сжатой форме. Названные тексты имеют общие структурные признаки и типизированные средства передачи текстовых структур. Наиболее важным признаком означенных текстов является, по нашему мнению, явление компрессии информации, что выражается в употреблении как именных словосочетаний, так и отдельных полных предложений, представляющих собой разную степень «развернутости» предикации (свернутая и полная предикация) [Казанцева, 2021].

Выявленные ранее структурные особенности целесообразно показать на примере такого жанра энциклопедического дискурса, как музейный каталог. Предметом анализа послужило немецкоязычное описание полотна Питера Брейгеля Старшего «Пейзаж с падением Икара» (Landschaft mit dem Sturz des Ikaros) в каталоге Королевского музея изящных искусств в Брюсселе (Royal Fine Art Museum). В развитие темы для более полного выявления структурных особенностей вербализации информации в тексте музейного каталога проводится также анализ текста, представляющего собой описание этого же произведения в художественном дискурсе – в эссе-размышлении Вольфа Бирманна «Падение Дедала» (Der Sturz des Dädalus). Выбор указанных текстов для дискурсивного анализа обусловлен отнесенностью

обоих текстов к композиционно-речевой форме «описание».

Оба текста содержат не только описание изображенного, но и интерпретацию известного мифа о Дедале, прародителе всех художников и строителей, создавшего для себя и своего сына Икара крылья из воска и перьев, чтобы выбраться из построенного им же лабиринта и улететь с о. Крит на Сицилию, об Икаре, который слишком близко приблизился к солнцу и упал в море вблизи о. Самос.

Автор музейного комментария интерпретирует сюжет, перенесенный художником в современную ему Фландрию, как выражение безразличия природы и человека перед лицом изображенной трагедии – падения рвущегося ввысь героя:

Wie einer der besten Bruegelkenner, Charles de Tolnay feststellte, eine Darstellung des Sprichwortes, dass kein Pflug für einen toten Menschen stehen bliebe (*G. van Camp. Landschaft mit dem Sturz des Ikaros*).

Данная характеристика атмосферы картины с помощью пословицы – дословно: никакой плуг не остановится ради мертвого человека – мотивирована тем, что никто не замечает мертвеца, лежащего под кустом, да и художник изобразил не падение, очевидно эффектное, но только ноги героя, скрывающегося в воде у кромки картины.

У В. Бирманна, также приводящего процитированную пословицу, – это попытка осмысления вопроса о незаслуженной посмертной славе Икара:

Wie ist es gekommen, dass nicht Daidalos, der geflügelte Vater, ein geflügeltes Wort geworden ist, wohl aber Ikarus, sein entflügelter Sohn? (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

А само название произведения – «Падение Дедала», с изменением ключевого имени, которое не сразу замечается читателем, позволяет В. Бирманну ввести в описание картины и «непрославленного» изобретателя чудесных крыльев, отца безрассудного героя Икара – Дедала:

Ihn hat Pieter Brueghel noch weiter als den Sohn, über den Rand des Bildes hinaus, beiseite gedrängt. Er ist schon weitergeflogen, auf und davon (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

К структурным особенностям текста музейного каталога относятся в первую очередь, развернутая предикация, осложненная рядом элементарных пропозиций, выраженных распространенным определением, придаточными определительными,

сочинительными союзами. Всё это дает возможность насытить высказывание информацией об авторе, самом произведении на относительно небольшом пространстве текста:

Hier hat der stets durch das Drama des Menschen obsedierte Meister die Erzählung des Ovid im Zeichen der von ihm als allgemein angesehenen menschlichen Gleichgültigkeit interpretiert (*G. van Camp. Landschaft mit dem Sturz des Ikaros*).

При анализе смысловой структуры фрагмента очевидно, что в ней сопряжено несколько элементарных пропозиций, при этом использование синтаксической фигуры «распространенное определение» выступает как средство компрессии текста. К средствам компрессии относится также неоднократное использование придаточных определительных предложений (*Unweit eines Toten, der unter einem Strauch liegt...*), сочинительных союзов (*Die Farbtöne der Luft zwischen Gelb und Rosa und violetter Rosa, sowie das tiefe Smaragdgrün...*).

В тексте анализируемого художественного произведения тон повествования преимущественно эмоционален, однако и в нем можно проследить компрессию информации, основанную на использовании назывных предложений (свернутая предикация), на парцеллировании информации – автор как бы присматривается к пейзажу:

Eine renaissanceweite Welt ist zu sehn. Überschwängliche Perspektive. Der See. Die See. Im Hintergrund eine unwirklich geweihte Felsenlandschaft, die ins offene Meer übergeht. Auf großer Fahrt, schwerfällige Eleganz, ein Segelschiff, bauchig, eine niederländische Kogge (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

Таким образом, имеются основания утверждать, что одним из структурных признаков КРФ «Описание» как в энциклопедическом, так и художественном дискурсе является компрессия информации, при этом можно наблюдать как бы «уплотнение», так и «разреживание» информации, основанное на сочетании развернутой и свернутой предикации.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР КРФ «ОПИСАНИЕ» В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

Различный художественный мотив – описание особых признаков картины в музейном каталоге vs. размышление о незаслуженной славе Икара

у В. Бирманна – определяет, на наш взгляд, и другие особенности структурных характеристик анализируемых текстов.

Интерпретацию текстовых структур обоих текстов предполагается начать с анализа референтной структуры, составляющей композиционный каркас любого текста.

Анализ особенностей референтной структуры данных текстов опирается на классическое определение референции, данное Н. Д. Арутюновой: «Референция – это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова, 1985, с. 6] и на понятие референтной структуры текста у О. И. Москальской.

В русле исследований О. И. Москальской референтная структура текста рассматривается как отражение в тексте всей совокупности явлений, связанных с отнесенностью высказывания к действительности, включая референцию имен и категорию предикативности [Москальская, 1981, с. 102]. В настоящее время в центре понятия «референтная структура текста» стоит, прежде всего, референция имен и средства выражения категории определенности / неопределенности существительного в связи со смысловой и коммуникативной связностью текста.

Традиционно выделяются генерализирующая и индивидуализирующая референция, в рамках последней принято различать неопределенную (неидентифицирующую) и определенную (идентифицирующую) референцию. Универсальным способом выражения данной категории являются артикли и артиклевые слова.

Значимым понятием для интерпретации референтной структуры текста является также различение иерархии, рангов «имен», представленных в рассматриваемой коммуникативной ситуации. В частности, О. И. Москальская вводит понятие «текстовый референт» как имя, наиболее тесно связанное со смысловой темой текста, многократно упоминаемое на протяжении текста; в то же время связанные с ним референты, представленные в отдельных фрагментах текста, О. И. Москальская относит ко второстепенным [там же].

Как показывает опыт, наиболее важным представляется фактор тесной связи текстового референта со смысловой темой текста, поскольку центральное имя (топик) может присутствовать не обязательно в начале текста, оно может быть представлено в заголовке, или появляться в одном из срединных фрагментов текста.

Непосредственное описание авторами изображенного Брейгелем мифологического сюжета

позволяет выявить ряд отличий, зависящих от таких дискурсивных параметров, как назначение текста, предполагаемый адресат, интенция автора.

Текст каталога представляет собой прежде всего краткое, преимущественно статическое описание изображенного. Картина находится в поле зрения адресата – посетителя музея или читателя каталога. Вероятно, этим можно объяснить преобладание в тексте идентифицирующей референции. При этом можно проследить иерархию описываемых деталей изображения. Так, информация, относящаяся непосредственно к описанию ядра сюжета (краски, действующие лица – крестьянин и сам герой) вводится с помощью определенного артикля, в то время как окружение, фон основного действия, или его трактовка – с помощью неопределенного (*unweit eines Toten, unter einem Strauch*) или нулевого артикля во множественном числе:

Die Farbtöne der Luft zwischen Gelb und Rosa und violetter Rosa, sowie **das tiefe Smaragdgrün** des Meeres wecken den Eindruck eines ewigen Morgenrotes: jeden Tag geht **die Sonne über der Eitelkeit der Hoffnung** auf, Träume und Sinnestäuschungen führt sie zur Schwelle des Alltags zurück. Unweit eines Toten, der unter einem Strauch liegt, arbeitet **der Bauer** weiter, während hinter ihm **der Held** in die Wellen stürzt (*G. van Camp. Landschaft mit dem Sturz des Ikaros*).

Текст В. Бирманна существует отдельно от произведения. Можно предположить, что читателю известен как сам миф, так и картина П. Брейгеля, однако описание строится как самостоятельный текст, что определяет в конечном итоге и его референтную структуру. В ней соседствуют неопределенная и определенная референция, причем в начальном фрагменте текста каждое новое предложение содержит новый второстепенный референт, вводимый через неопределенный артикль. Его наличие, с одной стороны, указывает на соположение нескольких лиц и предметов в данный момент времени и места, а с другой – придает тексту известный динамизм, происходит как бы смена ракурсов рассмотрения:

Eine renaissanceweite Welt ist zu sehn. Überschwängliche Perspektive. Der See. Die See. Im Hintergrund eine unwirklich geweißte Felsenlandschaft, die ins offene Meer übergeht. Auf großer Fahrt, schwerfällige Eleganz, ein Segelschiff, bauchig, eine niederländische Kogge (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

Срединный фрагмент описания вводится по типу линейной прогрессии (*ein Bauer*),

переходящей в тема-рематическую цепочку со сквозной темой (*der Mann, der Pflüger*), что, вероятно, объясняется смысловой нагрузкой данного образа, по существу также второстепенного референта. Массивная фигура крестьянина занимает практически весь передний план. Он идет за плугом по своей борозде, не замечая согласно пословице падения античного героя:

Und vorn, auf einer Anhöhe, großfarbig hingemalt **ein Bauer. Der Mann** pflügt brav seine ebenmäßigen Furchen in den Acker. Als ob der Maler **den Pflüger** mit dem Pinsel nachhäft: Die Erdschollenwülste sind hin gehandwerkelt mit manierierter Makellosigkeit - genau wie seines Rockes Falten (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

Продолжение описания картины содержит ряд новых второстепенных референтов, вводимых с помощью неопределенного артикля:

Dann noch breitärschig **ein Angler**, wie er seine Rute übers Wasser hält. Alles treu, wie Ovid es im VIII. Buch seiner Metamorphosen schildert. Im hinteren Vordergrund **ein Hirte**, steht da auf seinen Stock gestützt im Gewimmel der Schafherde – eine Idylle friedlicher Arbeit (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

Примечательно, что дальнейшая информация, касающаяся стержня сюжета, самого падения Икара, главного героя – текстового референта – построена на основе идентифицирующей референции:

Die katastrophale Hauptsache aber – die Attraktion! – Der stürzende Ikarus, avanciert beim älteren Brueghel zur nichtigsten Nebensache. Und eben diese Frechheit des Malers entzückt uns und macht uns das Bild so berühmt. Kein Mensch beachtet hier **den Sturz des Ikarus**. Auch der Betrachter des Bildes entdeckt erst beim zweiten Hinsehen rechts unten am Bildrand **die nackten Beine...** ja, das isser! Ikarus, grad wie er versinkt (*W. Biermann. Der Sturz des Dädalus*).

На основе проведенного анализа целесообразно отметить всё то, что совпадает в обоих текстах: авторы прибегают к средствам идентифицирующей референции при описании информации, имеющей непосредственное отношение к текстовому референту; он, в свою очередь, соотносится со смысловым ядром текста.

Временная и локальная структуры текста ограничены рамками описываемого сюжета, они опираются на «здесь и сейчас» повествования, что выражается временными формами (преобладание вневременного презенса, в тексте В. Бирманна – единичное употребление результативного перфекта, с помощью которого передается отсутствие на

картине – по мнению писателя – главного героя – Дедала). В то же время можно отметить ряд нетипичных языковых средств выражения времени и пространства: совмещение темпоральной и локальной характеристик описываемого пейзажа (*eine renaissanceweite Welt*), использование грамматического рода существительного (*Der See. – Озеро. Die See. – Море.*) у В. Бирманна, которое, как бы направляя взгляд зрителя, расширяет пространство полотна. Описание цветовой гаммы пейзажа в музейном каталоге (*Die Farbtöne zwischen Gelb und Rosa und violetter Rosa*) рисует картину предрасветного неба, вечной утренней зари (*eines ewigen Morgenrotes*).

Модальная структура текстов, относящихся к КРФ «Описание» не обнаруживает каких-либо особенностей (модальность действительности) и представлена эксплицитно.

В заключение сопоставления описания картины П. Брейгеля в музейном каталоге и в произведении В. Бирманна необходимо обратиться к анализу таких параметров рассматриваемых текстов, как их назначение, предполагаемый адресат, интенция автора. Представляется, что назначение текста (описание-комментарий vs. описание-эссе), т. е. интенция автора скорее определяют стиль изложения информации, возможно, ее полноту.

Более существенным фактором является, на наш взгляд, тип адресата. Непосредственный зритель – посетитель музея, читатель каталога, рассматривает произведение в статике, находящееся одновременно в «поле его зрения», что, вероятно, объясняет преобладание идентифицирующей референции.

В то же время, читатель, возможно, не являющийся знатоком творчества Брейгеля Старшего, получает информацию «поэтапно», в динамике. Она находит отражение в обоих типах референции, при этом автор может выделять отдельные повествовательные детали, например, символическую фигуру крестьянина, олицетворяющего основной пафос произведения – равнодушие человека не только к трагедии главного героя, но и к мертвецу под кустом, и к изобретателю волшебных крыльев. Однако оба текста объединяет следующая особенность: информация, относящаяся непосредственно к текстовому референту, маркируется определенным артиклем, а относящаяся ко второстепенным референтам – показателями неопределенности (неопределенным или нулевым артиклями).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что текстовые структуры в КРФ «Описание» разворачиваются

по определенным правилам, общим как для статического, так и для динамического описания. Основная структурная черта КРФ «Описание» – компрессия информации, позволяющая наиболее емко отобразить компоненты описываемой ситуации. В связи с референтной и идентичной ей персональной структурой текста речь идет, прежде всего, об иерархизации информации,

а именно – о ее принадлежности к текстовому референту – и к смысловому центру текста, и к второстепенным референтам, обрамляющим основную информацию. Локальная, темпоральная и модальная структуры текста также заданы основными свойствами КРФ «Описание»: соположением объектов описания во времени и пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Москальская О. И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1981.
2. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. Курск: РОСИБ, 1999.
3. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1988.
4. Богатырева Н. А., Ноздрин Л. А. Стилистика современного немецкого языка. М.: Академия, 2008.
5. Казанцева Ю. М. Языковые средства компрессии текстовых структур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 70–82.
6. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. Проблемы референции. 1985. Вып. 13. С. 5–40.

REFERECES

1. Moskalskaj, O. I. (1981). Grammatika teksta: posobie po grammatike nemeckogo jazyka dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov = Text Grammar: german grammar manual for institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaja Shkola. (In Russ.)
2. Brandes, M. P., Provotorov, V. I. (1999). Predperevodcheskij analiz teksta = Pre-Translation Text Analyses. Kursk: ROSIB. (In Russ.)
3. Brandes, M. P. (1988). Stil i perevod = Style and Translation. Moscow: Vysshaja Shkola. (In Russ.)
4. Bogatyreva, N. A., Nosdrina, L. A. (2008). Stilistika sovremennogo nemeckogo yasika = Stylistics of Modern German. Moscow: Akademia. (In Russ.)
5. Kasanzeva, Ju. M. (2021). Language Means of Compressing Text Structures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(845), 70–82. (In Russ.)
6. Arutyunova N. D. (1985). Lingvisticheskie problemy referencii. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Logika i lingvistika. Problemy referencii = Linguistic Problems of Reference. Recent Research in Foreign Linguistics. Logic and Linguistics, 13, 5–40. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казанцева Юлия Михайловна

кандидат филологических наук, профессор
заведующая кафедрой грамматики и истории немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasanzeva Julia Mikhailovna

PHD (Philology), Professor
Head of the Department of Grammar and History of German, Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.03.2023
17.03.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81-139

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_94

Проявление когнитивной нагрузки при синхронном переводе с использованием жестов-адаптеров (на материале немецкого языка)

А. В. Леонтьева^{1,2}, О. В. Агафонова¹

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

lentevanja27@gmail.com

olga.agafonova92@gmail.com

Аннотация. В работе на материале немецкого и русского языков исследуется возрастная когнитивная нагрузка на вербальном и невербальном уровнях речи во время синхронного перевода. Результаты показали, что о повышении когнитивной нагрузки свидетельствуют речевые затруднения и продление звуков, замедление речи, а также учащение использования жестов-адаптеров.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, синхронный перевод, жесты, полимодальность

Дополнительные сведения: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00357.

Для цитирования: Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Проявление когнитивной нагрузки при синхронном переводе с использованием жестов-адаптеров (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 94–100. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_94

Original article

Manifestation of Cognitive Load in Simultaneous Interpreting Using Adapters (based on the German language)

Anna V. Leonteva¹, Olga V. Agafonova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

lentevanja27@gmail.com

olga.agafonova92@gmail.com

Abstract. The current research studies the increase in cognitive load and its manifestations on the verbal and non-verbal levels of speech during simultaneous interpreting from / into the native language. The results showed that an increase in cognitive load is manifested in speech difficulties, especially those associated with sound lengthening and slowing down the tempo, as well as in increased use of adapters.

Keywords: cognitive load, simultaneous interpreting, gestures, multimodality

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, Project 19-18-00357 “Verbal and co-verbal behavior under cognitive load: analyses of speech, gesture, and eye gaze” at Moscow State Linguistic University.

For citations: Leonteva, A. V., Agafonova, O. V. (2023). Manifestation of Cognitive Load in Simultaneous Interpreting Using Adapters (based on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 94–100. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_94

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к когнитивной нагрузке и ее проявлению в различных сферах человеческой деятельности появился в науке еще в прошлом столетии. Данный феномен в основном рассматривается в рамках психологического подхода [Sweller, 2016]. Когнитивная нагрузка измерялась при выполнении заданий, включающих в себя аудио- и визуальные задания, выполняемые говорящими в контролируемой обстановке.

Процесс синхронного перевода рассматривается как чрезвычайно сложное лингвистическое задание, выполнение которого требует большого контроля со стороны говорящего [Seeber, 2013]. Сложность процесса обуславливается одновременным использованием слуха, понимания речи (кодирования и декодирования исходного текста), воспроизведением речи и т. д. [Lederer, 1981]. Такая одновременность оказывает влияние на когнитивные возможности переводчика, повышая нагрузку во время работы. Переводчик находится в состоянии стресса, которое может выражаться на вербальном и невербальном уровне в процессе осуществления синхронного перевода.

На вербальном уровне у говорящих возникают трудности, которые указывают на повышение когнитивной нагрузки. В данной работе рассматриваются семь видов таких трудностей: увеличение длительности звука (*вымирааание*), замедление общего темпа речи, долгие паузы, заполнители пауз (*ээээ, ммм*), повторы слов (*десять-десять, сказал-сказал*), неразборчивая речь / бормотание, прерывание высказывания (*дождевые леса постепенно сокращ... сокращаются за последние годы*).

Полимодальное поведение человека находит свое отражение в движениях рук, которые сопровождают речь на семантическом и прагматическом уровнях [Kendon, 2004; McNeill, 1985]. В исследованиях полимодальности на сегодняшний день существуют различные классификации жестового поведения рук. В нашем исследовании мы исходим из типологизации, предложенной О. К. Ирисхановой, А. Ченки, К. Мюллер, Я. Брессем и И. Миттельберг, которая включает в себя разделение типов жестов на прагматические, репрезентирующие, дейктические и жесты-адаптеры [Iriskhanova, Cienki, 2018; Müller, 2009; Cienki, Mittelberg, 2013; Bressem, 2012]. Прагматические жесты используются для акцентирования отдельных элементов дискурса, а также для иллюстрации позиции или отношения говорящего к обсуждаемой теме [Cienki, 2017; Arbona et al., 2023]. В данную категорию жестов входят жесты, не имеющие репрезентирующей или референтной

функций (рис. 1). Репрезентирующие (также именуемые в литературе иконическими) жесты, напрямую связаны с семантикой произносимого слова или фразы, они имеют функцию акцентирования описываемой идеи [Mittelberg, Evola, 2014]. Такие жесты могут нести функцию фасилитации описываемой идеи, говорящий использует жесты рук для описания или проецирования описываемого концепта в пространстве. На рисунке 2 продемонстрирован репрезентирующий жест удержания, используемый переводчиком во время перевода числительного. В данном случае говорящий вручную «удерживает» искомый концепт, формулируя мысль о количестве исчезающих видов.

Рис. 1. Пример использования прагматического жеста „Von diesen- von dieser Zahl...“ («Из это- из этого числа»)

Рис. 2. Пример использования репрезентирующего жеста „(haben wir)... vierzehn Prozent beschrieben“ («(мы)... описали четырнадцать процентов»)

Дейктические жесты, используемые при описании концепта, имеют способность выстраивать вектор в пространстве, т. е. имеют определенное направление, которое может быть абстрактным или конкретным, и имеют модусы указания и касания [Clark, 1996]. Данный тип жеста может сопровождать речь в случаях, когда говорящий указывает на что-то реальное (например, на

объект, который расположен где-то в поле зрения говорящего), так и на что-то абстрактное, находящееся за пределами видимости спикера (рис. 3).

Жесты-адаптеры являются единственным типом жестов, который не имеет семантического значения и направлен «на спикера», как, например, потирание рук, почесывание, поправление элементов одежды и т. д. (самоадаптеры) или на окружающие объекты – в случае, если говорящий осуществляет манипуляции с ними, например, крутит в руках шариковую ручку (объектные адаптеры) (рис. 4). Стоит отметить, что категория адаптеров в связи с отсутствием семантики часто упускается из поля зрения исследователей, и изучена недостаточно [Cienki, 2022]. Но жесты-адаптеры имеют одну важную функцию – поддержание самоконтроля в процессе продуцирования речи.

АНАЛИЗ И МАТЕРИАЛ

Для получения результатов исследования был проведен анализ речи для выявления трудностей, а также визуальный и формально-семантический анализ жестов. Данная процедура проводилась в специальной программе для аннотирования речи и жестов ELAN (<https://archive.mpi.nl/tla/elan>). Для реализации целей анализа в программе были созданы необходимые слои, в которых было проведено аннотирование трудностей и жестов (рис. 5).

Всего было проанализировано 20 видео: 10 видео перевода с немецкого языка на русский и 10 с русского языка на немецкий. В каждом видео было размечено по 2 минуты перевода. Таким образом, общее количество проанализированного материала составляет 40 минут (по 20 минут для каждого направления перевода).

Для увеличения точности анализа жестов запись перевода осуществлялась с двух камер, одна из которых располагалась сзади участника на штативе,

Рис. 4. Пример использования жеста-самоадаптера
„...und nur wenn wir das alles beschreiben...“
(«...и только когда мы все это опишем...»)

а вторая, маленькая камера, ставилась на стол непосредственно перед говорящим (Рис. 5). Такие ракурсы впоследствии позволяли проводить наиболее детальный анализ движений рук говорящих.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проведенного исследования показали, что при переводе с немецкого языка на русский говорящие в основном используют жесты-адаптеры и прагматические жесты, со значительным перевесом в сторону адаптеров. При этом во время осуществления перевода с русского языка на немецкий говорящие использовали примерно одинаковое количество указанных двух типов жестов. Такое различие может указывать на то, что переводчики испытывали более высокую когнитивную нагрузку во время перевода на родной язык, поэтому они прибегали к невербальным способам снижения стресса.

Распределение использования жестов во время перевода в целом не показало разницы в количестве употребления жестов при смене направления перевода.

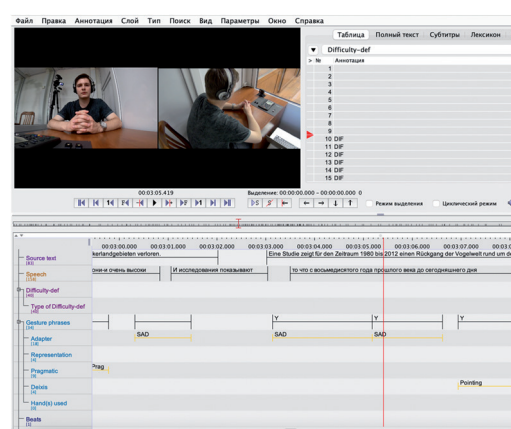

Рис. 5. Пример аннотирования в программе ELAN

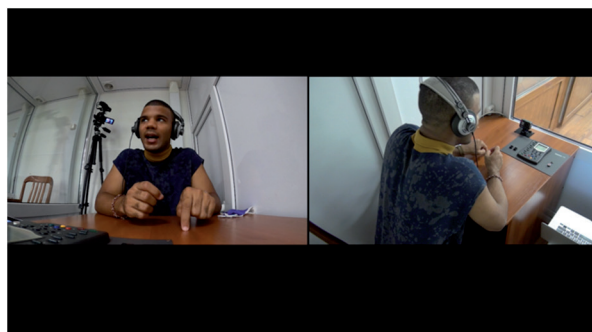

Рис. 3. Пример использования дейктического жеста
„Und nur dann...“
(«И только тогда...»)

Таблица 1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

тип жеста	немецкий-русский	русский-немецкий
адаптеры	316	268
прагматические	165	244
репрезентирующие	38	36
дейктические	11	19
ВСЕГО	530	567

График 1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

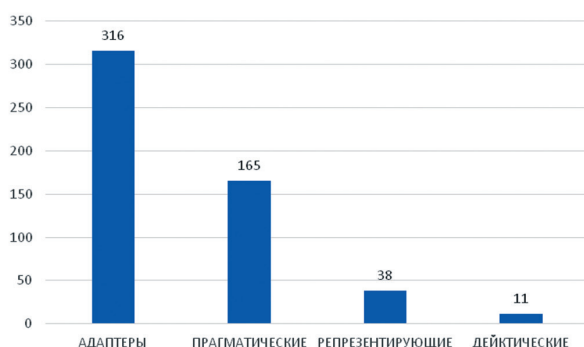
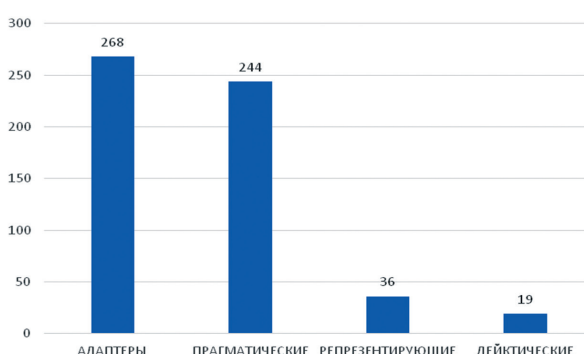

График 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

Анализ жестового поведения синхронных переводчиков показал превалирование жестов-адаптеров при переводе с немецкого языка на русский, оно может указывать на стремление переводчиков к поддержанию самоконтроля и редуцированию стресса за счет невербального поведения. На вербальном уровне в данном направлении перевода наблюдается увеличения количества речевых трудностей (увеличение длительности звука, заполнители пауз). Вербальная и невербальная составляющие свидетельствуют в пользу предположения, что в данном направлении перевода синхронисты испытывали повышенную когнитивную нагрузку. Она может быть связана, например, с особенностями немецкого синтаксиса. В связи с тем, что исходный текст был посвящен научно-популярной тематике, в нем встречалось большое количество сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Принимая во внимание, что при построении, например, сложносочиненного предложения в немецком языке глагол как одна из основных семантических конструкций занимает конечную позицию, это может влиять на возможность прогнозирования, который имеет существенное значение в синхронном переводе. Данное утверждение также подкрепляется различиями в частотности случаев увеличения длительности звука, заполнителей пауз и наличии долгих пауз. В некоторых случаях такое растягивание может использоваться переводчиками как тактика перевода, поскольку данный фонетический процесс помогает «растянуть время», прослушать больше материала исходного текста и улучшить качество перевода за счет более длительной обработки поступающей информации и затем ее перевода.

Представляется интересным увеличение количества прагматических жестов при переводе с русского языка на немецкий. При количественном превалировании жестов-адаптеров, свидетельствующих о повышенной когнитивной нагрузке, наличие повышенного количества прагматических жестов может указывать на повышенную потребность переводчиков в использовании невербального поведения для концептуализации и поиска нужного варианта перевода (поиск слова). При этом прагматические жесты имеют важную

Таблица 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ-АДАПТЕРОВ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

типы трудностей	немецкий-русский	русский-немецкий
увеличение длительности звука	20	2
замедление общего темпа речи	8	4
долгие паузы	5	0

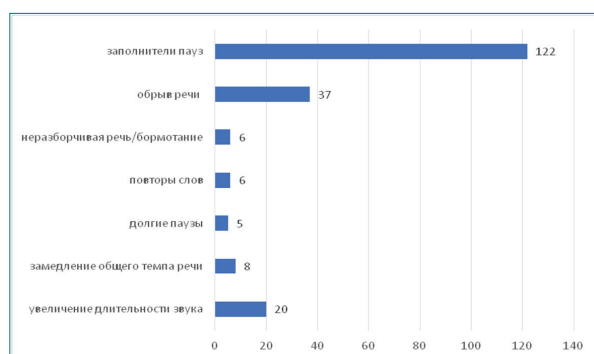
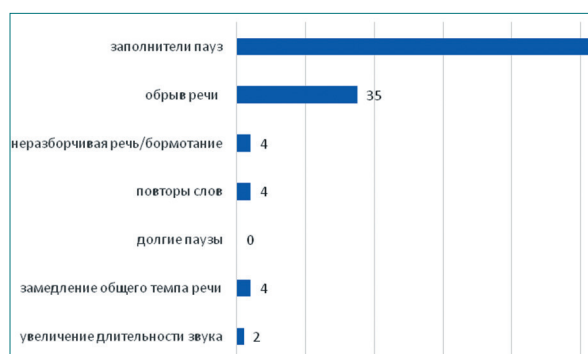
Продолжение таблицы 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ-АДАПТЕРОВ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

типы трудностей	немецкий-русский	русский-немецкий
повторы слов	6	4
неразборчивая речь/бормотание	6	4
прерывание высказывания	37	35
заполнители пауз	122	103
без трудности	111	116
ВСЕГО	315	268

График 3

График 4

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

функцию – построение дискурса, когда движения рук фактически способствуют фасилитации продуцирования речи [Kendon, 2017]. В исследованиях синхронного перевода на настоящий момент нет однозначного вывода о том, какое направление перевода является более ресурсно- и энергозатратным, однако исследования показывают, что именно перевод с родного языка на иностранный является более когнитивно затратным [de la Iglesia, Opdenhoff 2014; Gumul 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ синхронного перевода с немецкого языка на русский и с русского языка на немецкий

показывает весомую роль полимодального поведения при осуществлении данного вида деятельности. Количественный перевес в использовании жестов-адаптеров сигнализирует о повышенной когнитивной нагрузке, испытываемой переводчиками-синхронистами в обоих направлениях перевода. Адаптеры в данном случае способствуют мануальному редуцированию стресса, сохранению самоконтроля и позволяют справиться с ситуацией. Также была выявлена существенная роль прагматических жестов в обоих направлениях перевода, так как воспроизведение переводчиком данного типа жестов на невербальном уровне способствует фасилитации речевого поведения говорящего (происходит построение дискурса и / или поиск нужного концепта).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sweller J. Cognitive load theory, evolutionary educational psychology, and instructional design // Evolutionary perspectives on child development and education. 2016. P. 291–306.
2. Seeber K. G. Cognitive load in simultaneous interpreting: Measures and methods // Target. International Journal of Translation Studies. 2013. V. 25. №. 1. P. 18–32.

3. Lederer M. La traduction simultanée: expérience et théorie. 1981.
4. Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge University Press, 2004.
5. McNeill D. So you think gestures are nonverbal? // *Psychological review*. 1985. V. 92. № 3. P. 350.
6. Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contributions and challenges // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 4. P. 25–36.
7. Müller C. *Metaphors dead and alive, sleeping and waking: A dynamic view*. University of Chicago Press, 2009.
8. Cienki A., Mittelberg I. Creativity in the forms and functions of spontaneous gestures with speech // *Creativity and the Agile Mind*. 2013. P. 231–252.
9. Bressem J. *Repetitions in gesture: Structures, functions, and cognitive aspects*: PhD. dissertation, Faculty of Social and Cultural Sciences, European University Viadrina, Frankfurt (Oder), 2012.
10. Cienki A. *Ten lectures on spoken language and gesture from the perspective of cognitive linguistics: Issues of dynamicity and multimodality*. Brill, 2017.
11. Arbona E., Seeber K. G., Gullberg M. Semantically related gestures facilitate language comprehension during simultaneous interpreting // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2023. V. 26. №. 2. P. 425–439.
12. Mittelberg I., Evola V. Iconic and representational gestures // *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft = Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK)* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem. Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 38 (2). P. 1732–1746.
13. Clark H. H. *Using language*. Cambridge University Press, 1996.
14. Cienki A. The study of gesture in cognitive linguistics: How it could inform and inspire other research in cognitive science // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2022. V. 13. № 6. P. 1623.
15. Kendon A. Pragmatic functions of gestures: Some observations on the history of their study and their nature // *Gesture*. 2017. V. 16. № 2. P. 157–175.
16. de la Iglesia M. B., Opdenhoff J. H. Retour interpreting revisited: Tuning competences in interpreter education // *Editorial Review Board. Journal of Consumer Research*. 2014. Vol. 41. No. 4. P. i-ii.
17. Gumul E. Explicitation and directionality in simultaneous interpreting // *Linguistica Silesiana*. 2017. V. 38. P. 311–329.

REFERENCES

1. Sweller, J. (2016). Cognitive load theory, evolutionary educational psychology, and instructional design. *Evolutionary perspectives on child development and education* (pp. 291–306).
2. Seeber, K. G. (2013). Cognitive load in simultaneous interpreting: Measures and methods. *Target. International Journal of Translation Studies*, 25(1), 18–32.
3. Lederer, M. (1981). *La traduction simultanée – expérience et théorie*. Paris, France: Minard.
4. Kendon, A. (2004). *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge University Press.
5. McNeill, D. (1985). So you think gestures are nonverbal? *Psychological review*, 92(3), 350.
6. Iriskhanova O. K., Cienki A. (2018). The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 25–36.
7. Müller, C. (2009). *Metaphors dead and alive, sleeping and waking: A dynamic view*. University of Chicago Press.
8. Cienki, A., Mittelberg, I. (2013). Creativity in the forms and functions of spontaneous gestures with speech. *Creativity and the Agile Mind*, 231–252.
9. Bressem, J. (2012). *Repetitions in gesture: Structures, functions, and cognitive aspects*. Faculty of Social and Cultural Sciences: European University Viadrina, Frankfurt (Oder). PhD Thesis.
10. Cienki, A. (2017). *Ten lectures on Spoken language and Gesture from Perspective of Cognitive Linguistics. Issues of Dynamicity and Multimodality*. Leiden, Boston: Brill.
11. Arbona, E., Seeber, K. G., Gullberg, M. (2023). Semantically related gestures facilitate language comprehension during simultaneous interpreting. *Bilingualism: Language and Cognition*, 26(2), 425–439.
12. Mittelberg, I., Evola, V. (2014). Iconic and representational gestures. In Müller, C., Cienki, A., Fricke, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. (eds.), *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft = Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK)*, 38(2), 1732–1746. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.
13. Clark, H. H. (1996). *Using language*. Cambridge University Press.
14. Cienki, A. (2022). The study of gesture in cognitive linguistics: How it could inform and inspire other research in cognitive science. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 13(6), 1623.
15. Kendon, A. (2017). Pragmatic functions of gestures: Some observations on the history of their study and their nature, *Gesture*, 16(2), 157–175.

16. de la Iglesia, M. B., Opdenhoff, J. H. (2014). Retour interpreting revisited: Tuning competences in interpreter education. *Journal of Consumer Research*, 41(4), i-ii.
17. Gumul, E. (2017). Explicitation and directionality in simultaneous interpreting. *Linguistica Silesiana*, 38, 311–329.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонтьева Анна Васильевна

научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис)
старший преподаватель кафедры фонетики факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации
Института языкознания РАН, Москва, Россия.

Агафонова Ольга Владимировна

младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис)
старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonteva Anna Vasiliyevna

Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies (SCoDis)
Senior Lecturer at the Department of English Phonetics Faculty
of Moscow State Linguistic University
Junior Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

Agafonova Olga Vladimirovna

Junior Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies (SCoDis)
Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media
Technologies Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении

Е. Д. Малёнова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

malenovae@mail.ru

Аннотация. Статья содержит обзор современного состояния теории аудиовизуального перевода в России и за рубежом. Автор рассматривает различные парадигмы научного исследования аудиовизуального перевода, выделяя следующие подходы: текстоцентрический лингвистический, функционально-семиотический, функционально-дидактический, коммуникативно-семиотический и коммуникативно-функциональный. Автор очерчивает круг проблем, представляющих интерес для дальнейшего изучения с использованием методологического аппарата современных исследований в области перевода.

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, коммуникация, функциональный подход, семиотический подход, коммуникативно-функциональный подход

Для цитирования: Малёнова Е. Д. Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 101–107. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_101

Original article

Audiovisual Translation as the Object of Research in the Field of Modern Translation Studies

Evgeniya D. Malenova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

malenovae@mail.ru

Abstract. The article aims at reviewing the current state of audiovisual translation theory in Russia and abroad. The author focuses on various research paradigms in audiovisual translation studies and identifies the following types of research approaches: text-centered linguistic approach, functional-semiotic approach, functional-didactic approach, communicative-semiotic approach and communicative-functional approach. In conclusion, the author outlines a range of problems for further study using the methodological apparatus of modern translation studies.

Keywords: translation, audiovisual translation, communication, functional approach, semiotic approach, communicative-functional approach

For citation: Malenova, E. D. (2023). Audiovisual Translation as the Object of Research in the Field of Modern Translation Studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 101–107. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_101

ВВЕДЕНИЕ

Развитие межкультурного диалога и внешнеэкономических связей России в области кинематографии, продолжающееся независимо от сложной геополитической обстановки, ставит перед теоретиками и практиками перевода новую задачу: изучение аудиовизуального перевода как особого вида переводческой деятельности. Данный вид перевода, оставаясь переводом в принципе и подчиняясь основным законам переводческой деятельности в самом широком смысле этого слова, обладает характерными специфическими чертами, что обуславливает необходимость формулирования особого подхода к его изучению в рамках традиционного переводоведения. Исследования аудиовизуального перевода активно развиваются в Европе, США и Китае. В России же теоретическое осмысление этого вида переводческого искусства находится лишь в начальной стадии. Отсутствие общепринятого терминологического аппарата, разработанной методологии исследования аудиовизуального текста, апробированной методики обучения аудиовизуальному переводу в рамках традиции отечественного переводоведения, а также четко сформулированных критериев качества данного вида перевода являются неоспоримыми факторами для активизации проведения теоретических исследований в области перевода аудиовизуальных произведений.

Несмотря на вековую историю изучения кино текста как особого семиотического конструкта (работы Ю. Н. Тынянова, С. М. Эйзенштейна, Ю. М. Лотмана, Ю. Г. Цивьяна и других), всплеск интереса к проблемам аудиовизуального перевода приходится на конец 1990-х – середину 2000-х годов. Именно тогда в переводоведении произошел так называемый аудиовизуальный поворот [Remael, 2010], что способствовало появлению большого количества работ, посвященных данному виду перевода, как в России, так и за ее пределами. Естественно предположить, что постепенно сформировались отдельные научные парадигмы в исследовании аудиовизуального перевода, в рамках которых коллеги выявляют закономерности передачи средствами языка перевода значений, порождаемыми вербальными знаками, но и рассматривают аудиовизуальный текст как полимодальное единство, а переводчика – как участника производственной цепочки по созданию аудиовизуального произведения и обеспечению его адекватного восприятия зрителем.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Цель данной статьи – изучение основополагающих работ российских и зарубежных лингвистов об аудиовизуальном переводе в целом и о его различных аспектах. Методами анализа и синтеза рассматривались сущностные характеристики концепций, лежащих в основе указанных работ, формулировались основные подходы к изучению аудиовизуального перевода, затем существующие исследования классифицировались по концептуальным признакам. Было выявлено три исследовательские парадигмы, условно обозначенные как «перевод – текст», «перевод – функция» и «перевод – коммуникация». Ниже рассмотрим каждую из исследовательских парадигм более подробно.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА «ПЕРЕВОД – ТЕКСТ»

Несмотря на понимание аудиовизуального текста как семиотически гетерогенной единицы коммуникации, включающей в себя семиотические модусы и субмодусы различной (не только языковой) природы, в равной степени участвующие в порождении значений аудиовизуального перевода достаточно долго оставалась (и, порой, остается) мономодальной дисциплиной. В. Е. Горшкова придерживается *текстоцентрического подхода* к аудиовизуальному переводу. Она концентрирует внимание на лингвистической, семиотической и лингвокультурной специфике перевода кинодиалога, который видится конечной единицей аудиального перевода. Поэтому он должен рассматриваться в процессоориентированных текстоцентрических рамках [Горшкова, 2006]. С аналогичной точки зрения перевод кинодиалога рассматривается М. С. Снетковой, изучающей лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов [Снеткова, 2009], и многими другими коллегами. К. Кайндл критикует подобный мономодальный подход к исследованию аудиовизуального перевода и, опираясь на теорию полимодальной коммуникации, говорит о необходимости расширить и обновить объект переводоведческих исследований, не концентрируясь исключительно на вербальном модусе текстов аудиовизуальной

природы [Kaindl, 2013]. Тем не менее даже поверхностный анализ студенческих выпускных квалификационных работ и результатов научных изысканий, посвященных данному виду перевода, доказывает, что в отечественном переводоведении текстоцентрический лингвистический подход всё еще остается основным в изучении перевода аудиовизуальных текстов, которые рассматриваются как мономодальные вербальные единства, т. е. в отрыве от остальных модусов полимодального аудиовизуального текста.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА «ПЕРЕВОД – ФУНКЦИЯ»

В западном переводоведении изучение аудиовизуального перевода получило несколько иную «точку входа». Коллеги, в первую очередь, обратили внимание на полимодальную структуру аудиовизуального текста, сосредоточились на модусах, функционирующих в аудиовизуальном тексте и являющихся, по мнению исследователей, существенными ограничивающими факторами для переводчиков. Одной из первых работ, выполненных в русле **функционально-семиотического** подхода, стала работа И. Фодора, посвященная проблемам кинодубляжа, в которой автор разработал концепцию визуальной фонетики, а в ее рамках рассмотрел специфику синхронизации текста с работой речевого аппарата актеров при переводе под полный дубляж [Fodor, 1976]. В рамках аналогичного подхода аудиовизуальный перевод (в частности субтитрирование) рассматривал и К. Титфорд. Он вводит в научный обиход термин «ограниченный перевод» (constrained translation), а семиотическую медиальную среду, в которой происходит передача информации, рассматривает как существенное ограничение переводческой свободы [Díaz Cintas, 2004]. Концепцию ограниченного перевода развивают в своих работах Р. Майораль, Д. Келли и Н. Галлардо. Объективными факторами, ограничивающими аудиовизуального переводчика, они называют наличие нескольких систем коммуникации, включая вербальную систему, с которой непосредственно работает переводчик, и необходимость синхронизации этих коммуникативных систем. Сбои в синхронизации становятся источниками «шума», который может повлечь за собой проблемы декодирования значений или привести к коммуникативной неудаче [Mayoral, Kelly, Gallardo, 1988]. П. Сабальбеаскоа также рассматривает аудиовизуальный перевод через призму ограничений, подразделяя их на две группы: внутренние ограничения и внешние

ограничения. Внутренние ограничения объясняются индивидуальными особенностями переводчика как интерпретатора, а внешние – любыми факторами, ограничивающими возможность осуществления коммуникации (социальные, технические, финансовые ограничения) [Zabalbeascoa, 2010].

В рамках схожего, но уже **функционально-дидактического** подхода к изучению аудиовизуального перевода выполнены работы Р. А. Матасова [Матасов, 2009] и А. В. Козуляева [Козуляев, 2019]. Коллеги, с одной стороны, уделяют внимание истории развития теории и практики аудиовизуального перевода в России и за ее пределами, обращают внимание на функциональные ограничения, которые накладывает на переводчика каждый из видов аудиовизуального перевода. С другой стороны, авторы формулируют методические принципы и технологии обучения аудиовизуальному переводу, описывают структуру соответствующего курса, разрабатывают задания для студентов. Таким образом, в рамках функциональной парадигмы возникает необходимость формулирования различных подходов к исследованию и обучению различным видам перевода аудиовизуальных материалов: субтитрированию, переводу под закадровое озвучивание и под дубляж, созданию аудиодескрипции и т. п., обусловленным техническими ограничениями и специфической организацией полимодального аудиовизуального произведения.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА «ПЕРЕВОД – КОММУНИКАЦИЯ»

Функциональный подход к изучению аудиовизуального перевода, с одной стороны, оправдан наличием большого количества факторов, прямо или косвенно влияющих на процесс и результат перевода. С другой стороны, на большую часть ограничений семиотической природы можно посмотреть с точки зрения их коммуникативной ценности. Что если различные коммуникативные системы, о которых писали Р. Майораль и коллеги, это факторы, которые наоборот дают бóльшую свободу переводчику в плане выбора коммуникативных стратегий. В таком случае, их необходимо рассматривать не как ограничения, а как дополнительные ресурсы порождения смыслов, которые дают возможность расширить репертуар переводческих стратегий, тактик и решений в целях достижения оптимального коммуникативно-прагматического эффекта, оказываемого аудиовизуальным произведением на реципиента, т. е. зрителя. Из этого положения исходят коллеги, изучающие аудиовизуальный

перевод с точки зрения **коммуникативно-семиотического подхода**, в котором аудиовизуальный текст рассматривается как синкретическое полимодальное единство, а учет всех семиотических ресурсов при выполнении перевода является основным требованием к переводчику.

Переводоведы придерживаются различных точек зрения на семиотическую структуру аудиовизуального текста и ее коммуникативный потенциал, который необходимо раскрыть в процессе перевода. Например, Д. Делабастита выделил десять основных кодов, которые комбинируются в различных сочетаниях и создают семиотическое пространство фильма как «макро-знака»: вербальный, литературный, театральный, проксемический, кинесический, вестиментарный, моральный, код грима, коды вежливости, кинематографический код [Delabastita, 1989]. Указанные коды актуализируются посредством четырех каналов: визуального-1 (вербальные знаки), визуального-2 (невербальные знаки), аудиального-1 (вербальные знаки) и аудиального-2 (невербальные знаки). И. Гамбье выделяет 14 семиотических кодов, транслируемых посредством аудиального и визуального каналов: четыре вербальных кода (лингвистический, вербально-паралингвистический, художественнотеатральный, графический) и 10 невербальных (шумо-звуковой, невербально-паралингвистический, музыкальный, иконографический, фотографический, сценографический, фильмический, кинесический, проксемический, костюмный) [Gambier, 2019]. Г. Штёкль пользуется аналогичной логикой выделения семиотических ресурсов, порождающих значение в аудиовизуальном тексте, выстраивая их в несколько иную иерархию: через перцептивные каналы актуализируются ключевые модусы (изображение, музыка, звук и лингвистический модус), каждый из которых имеет вариант материальной репрезентации (например, для лингвистического модуса – статичная или анимированная письменная речь). Каждый из вариантов материальной репрезентации представлен отдельными субмодусами, обладающими специфическими характеристиками [Stöckl, 2004].

Какой бы ни представала перед переводчиком семиотическая структура аудиовизуального текста, ее ключевым свойством становится полимодальность (в англоязычной терминологии – *multimodality*), т. е. «коммуникативные артефакты и процессы, в которых соединяются разные знаковые системы (модусы) и при производстве и восприятии которых коммуникантам необходимо распознать семантическую и формальную взаимосвязь всех знаков, входящих в используемый

семиотический репертуар»¹ [Stöckl, 2004]. В результате коммуникативный потенциал такого рода текстов выходит на первый план, а семиотический репертуар, используемый для порождения значений, представляет собой уникальный ресурс, позволяющий переводчику в максимальной степени передать значения, функционирующие в тексте аудиовизуального произведения, и произвести необходимый коммуникативный эффект на зрителя.

Необходимо отметить, что в последние годы переводоведы начинают все больше внимания обращать на коммуникативную ситуацию, в которой осуществляется аудиовизуальный перевод. Всё чаще исследователи аудиовизуального перевода, особенно специализирующиеся в области медиадоступности – адаптации аудиовизуальных произведений для аудиторий с особыми когнитивными потребностями, – говорят о наличии «*maker – user gap*», т. е. разрыва между производителями контента и его получателями, находящимися в противоположных частях спектра создания и производства аудиовизуального контента [Gresco, 2018]. П. Ромеро-Фреско также обращает внимание на следующий факт: те, кто создают аудиовизуальное произведение, и те, кто его переводят, никак не связаны между собой. Производители контента не контролируют результат перевода и, соответственно, не владеют информацией о том, как результаты их труда воспринимаются иностранными аудиториями и аудиториями с особыми когнитивными потребностями (нарушениями зрения и слуха) [Romero-Fresco, 2019]. С другой стороны, коллеги отмечают необходимость ориентироваться при переводе не столько на лингвистические особенности оригинального аудиовизуального произведения, сколько на воздействие, которое результирующий перевод оказывает на зрителей [Díaz-Cintas, 2020]. В результате целью современных исследований в области аудиовизуального перевода должно стать «возведение мостов» на месте разрывов «коллективный автор (производитель контента) – переводчик – реципиент (зритель)». Такого рода задачу можно решить посредством применения **коммуникативно-функционального подхода**, суть которого «предполагает рассмотрение переводческой деятельности в рамках определенной (хотя часто и предполагаемой) коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2015, с. 9]. Априори рассматривая аудиовизуальный перевод как работу с синкретическим полимодальным коммуникативным образованием, И. Гамбье

¹Перевод наш. – Е. М.

и Х. Готтлиб выражают уверенность, что процесс перевода не заканчивается текстом, он заканчивается доставкой текста конечному получателю [Gambier, Gottlieb, 2001]. Данный метод обуславливает необходимость принимать во внимание не только аудиальный и визуальный перцептивные, но также ольфакторный и кинестетический каналы. Возможности работать со всеми перечисленными каналами способствует также вектор развития современного кинематографа, направленный на применение дальнейших достижений в области виртуальной и дополненной реальности. Эти достижения актуализируются благодаря технологии 4DX™. Она служит для создания иммерсивной среды, для достижения эффекта полного присутствия зрителя в контексте аудиовизуального произведения

Коммуникативная ситуация «доставки» перевода зрителю обязывает переводчика учитывать дополнительные семиотические модусы (запах, тактильные ощущения) в процессе отбора оптимальных переводческих решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшие перспективы теоретического осмысления объекта связаны именно

с коммуникативно-функциональным подходом к исследованию аудиовизуального перевода. Следовательно, возникает необходимость осмысления процесса аудиовизуального перевода в новой парадигме: «коллективный автор – переводчик – реципиент». Требуется разработка отдельного методологического аппарата, отличного от того, который традиционно использовался в рамках мономодального подхода к переводу. Необходимо выявлять и классифицировать стратегии и тактики аудиовизуального перевода с учетом коммуникативной ситуации. Она, в свою очередь, связана со спецификой выполнения отдельных видов аудиовизуального перевода. Поэтому нужно изучать особенности порождения значений посредством включения различных семиотических модусов и субмодусов и особенности восприятия результата перевода зрителем. Подобного рода исследования в области аудиовизуального перевода будут способствовать не только углублению понимания закономерностей перевода аудиовизуальных полимодальных текстов, но также внесут неоценимый вклад в изучение практики аудиовизуального перевода и в процесс разработки критериев качества перевода аудиовизуальной продукции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Remael A. Audiovisual Translation // Y. Gambier & L. van Doorslaer (eds.). Handbook of Translation Studies. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2010. P. 12–17.
2. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006.
3. Снеткова М. С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
4. Kaindl K. Multimodality and translation / C. Millán-Varela and F. Bartrina (eds) // The Routledge Handbook of Translation Studies. London: Routledge, 2013. P. 257–269.
5. Fodor I. Film Dubbing – Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects. Buske, 1976.
6. Díaz Cintas J. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement // JoSTrans: The Journal of Specialized Translation. 2004. Issue 1. P. 50–70. URL: http://www.jostrans.org/issue01/art_diaz_cintas.pdf
7. Mayoral R., Kelly D., Gallardo N. Concept of Constrained Translation // Meta, 1988. 33(3). P. 356–367.
8. Zabalbeascoa P. Translation in constrained communication and entertainment // New insights into audiovisual translation and media accessibility. Media for all 2. Ed. by B. V. Rodopi. Amsterdam ; New York ; NY, 2010. P. 25–40.
9. Матасов Р. А. Перевод кино- и видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
10. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М., 2019.
11. Delabastita D. Translation and mass-communication: Film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics // Babel. 1989. 35 (4), P. 193–218.
12. Gambier Y. Audiovisual translation and reception // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10. № 1. С. 52–68. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-1-4.

13. Stöckl H. In between modes: Language and image in printed media / E. Ventola, C. Charles & M. Kaltenbacher (eds.) Perspectives on multi-modality. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 9–30.
14. Greco G. M. The nature of accessibility studies // Journal of Audiovisual Translation. 2018. № 1(1), P. 205–232. URL: <https://jatjournal.org/index.php/jat/article/view/51/10>
15. Romero-Fresco P. Accessible Film-making: Integrating translation and accessibility into the film-making process. Routledge, 2019. URL: https://books.google.ru/books?id=BwuWDwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s
16. Diaz-Cintas J. An Excursus on Audiovisual Translation / Ł. Bogucki, M. Deckert (eds.). The Palgrave Handbook of Audiovisual Translation and Media Accessibility. Palgrave Studies in Translating and Interpreting. 2020. P. 11–32. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42105-2_2
17. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
18. Gambier Y., Gottlieb H. Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges / Y. Gambier & H. Gottlieb (eds.) (Multi) media translation: concepts, practices, and research. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. VII–XX.

REFERENCES

1. Remael, A. (2010). Audiovisual Translation. Y. Gambier & L. van Doorslaer (eds.) Handbook of Translation Studies (pp. 12–17). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
2. Gorshkova, V. E. (2006). Teoreticheskie osnovy processoorientirovannogo podhoda k perevodu kinodialoga = Theoretical bases of process-oriented approach to film dialogue translation: abstract of Senior Doctorate in Philology. Irkutsk State Linguistic University. (In Russ.)
3. Snetkova, M. S. (2009). Lingvostilisticheskie aspekty perevoda ispanskih kinotekstov: na materiale russkih perevodov hudozhestvennyh fil'mov L. Bunjuelja "Viridiana" i P. Al'modovara "Zhenshhiny na grani nervnogo ryva" = Linguo-stylistic aspects of Spanish film texts translation: case study of Russian translations of films Viridiana by L. Buñuel and Women on the Verge of a Nervous Breakdown by P. Almodóvar: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Kaindl, K. (2013). Multimodality and translation. C. Millán-Varela and F. Bartrina (eds.) The Routledge Handbook of Translation Studies (pp. 257–269). London: Routledge.
5. Fodor, I. (1976). Film Dubbing – Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects. Buske.
6. Díaz Cintas, J. (2004). Subtitling: the long journey to academic acknowledgement. JoSTans. The Journal of Specialized Translation, 1, 50–70. http://www.jostrans.org/issue01/art_diaz_cintas.pdf
7. Mayoral, R., Kelly, D., Gallardo, N. (1988). Concept of Constrained Translation. Meta, 33(3), 356–367.
8. Zabalbeascoa, P. (2010). Translation in constrained communication and entertainment. New insights into audiovisual translation and media accessibility. Media for all 2. B. V. Rodopi (ed.) (pp. 25–40). Amsterdam ; New York ; NY.
9. Matasov, R. A. (2009). Perevod kino/video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty = Translation of films / videos: linguo-cultural and didactic aspects. PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Kozulyaev, A. V. (2019). Integrativnaya model' obuchenija audiovizual'nomu perevodu (anglijskij jazyk) = Integrative model of teaching audiovisual translation (English). PhD in Pedagogy. Moscow. (In Russ.)
11. Delabastita, D. (1989). Translation and mass-communication: Film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics. Babel, 35(4), 193–218.
12. Gambier, Y. (2019). Audiovisual translation and reception. Slovo.ru: Baltic accent, 10, 1, 52–68. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-1-4.
13. Stöckl, H. (2004). In between modes: Language and image in printed media. E. Ventola, C. Charles & M. Kaltenbacher (eds.) Perspectives on multi-modality. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company (pp. 9–30).
14. Greco, G. M. (2018). The nature of accessibility studies. Journal of Audiovisual Translation, 1(1), 205–232. <https://jatjournal.org/index.php/jat/article/view/51/10>
15. Romero-Fresco, P. (2019). Accessible Film-making: Integrating translation and accessibility into the film-making process. Routledge. https://books.google.ru/books?id=BwuWDwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s
16. Diaz-Cintas, J. (2020). An Excursus on Audiovisual Translation. Ł. Bogucki, M. Deckert (eds.), The Palgrave Handbook of Audiovisual Translation and Media Accessibility. Palgrave Studies in Translating and Interpreting (pp. 11–32). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42105-2_2

17. Sdobnikov, V. V. (2015). Kommunikativnaja situacija kak osnova vybora strategii perevoda = Communicative situation as a basis for translation strategy choice: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.).
18. Gambier, Y., Gottlieb, H. (2001). Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges. Y. Gambier & H. Gottlieb (eds.) (Multi)media translation: concepts, practices, and research (pp. vii–xx). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малёнова Евгения Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент
декана факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya Dmitrievna Malenova

PhD (Philology), Associate Professor
Dean of the Faculty of Philology, Translation Studies and Media Communications
Dostoevsky Omsk State University

Статья поступила в редакцию	15.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81.114

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_108

Игра в детской немецкоязычной православной листовке

О. А. Милеева

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

mileeva.aa@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена явлению игры в детской немецкоязычной православной листовке. В статье дается коммуникативно-прагматическая характеристика детской православной листовки (адресат, адресант, коммуникативная цель), определяются используемые в ней коммуникативные стратегии (катехизаторско-назидательная и игровая), а также вербальные и невербальные средства их реализации. В качестве ключевой рассматривается игровая стратегия, позволяющая передать детской аудитории знания о Боге в доступной и занимательной форме.

Ключевые слова: религиозный дискурс, православный дискурс, игра, детская литература, стратегия, тактика, листовка

Для цитирования: Милеева О.А. Игра в детской немецкоязычной православной листовке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 108–115. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_108

Original article

A Game in a Children's German-Speaking Orthodox Flyer

Olga A. Mileeva

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University

mileeva.aa@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of “play” in a children's German-language Orthodox flyer. The article gives a communicative-pragmatic characteristic of a children's Orthodox flyer (addressee, addresser, communicative goal), defines the communicative strategies used in it (catechetical-edifying and play), tactics and verbal and non-verbal means of their implementation. A game strategy is considered as a key one, which allows to convey knowledge about God to a children's audience in an accessible and entertaining way.

Keywords: religious discourse, orthodox discourse, game, children's literature, strategy, tactics, flyer

For citation: Mileeva, O. A. (2023). A Game in a Children's German-speaking Orthodox Flyer. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 108–115. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_108

ВВЕДЕНИЕ

Игра — это явление, которое существует испокон веков. Без игры невозможно представить мир маленького ребенка, а значит, становление каждого человека. С древности феномен игры привлекает внимание ученых и мыслителей. Так, игра рассматривалась с точки зрения философии [Платон, 2016; Аристотель, 2022; Шиллер, 2018; Кант, 1994], культурологии [Хёйзинга, 2022], психологии [Выготский, 1984], [Амонашвили, 1986], [Смирнова, 2009], педагогики [Аркин, 1948; Леонтьев, 1996; Макаренко, 1984], семиотики [Лотман, 1967] и др.

Существуют разные определения феномена игры. Ф. Шиллер писал: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [Шиллер 2018, с. 125]. По мнению Й. Хёйзинга, игра является всеобщим принципом становления культуры и основной человеческого общения [Хёйзинга, 2022]. По словам Ш. А. Амонашвили, «игра — это метод познания действительности, направляемый внутренними силами и позволяющий ребенку в короткие сроки овладеть первоначальными, но весьма обширными основами человеческой культуры» [цит. по: Давыдова, Кобозева, 2019, URL]. Е. О. Смирнова называет сюжетно-ролевую игру главной деятельностью ребенка [Смирнова, 2009]. Ю. М. Лотман определяет игру как «особого типа модель действительности» [Лотман, 1967].

В настоящей статье игра будет рассматриваться с позиций дискурсологии применительно к жанру «листовка», который мы определяем как один из жанров в немецкоязычном православном дискурсе. Проблема немецкоязычного православного дискурса представляется актуальной в связи с ростом числа православных верующих на территории немецкоязычных стран. В первую очередь этот рост вызван увеличением числа православных мигрантов. Живя в западнохристианской среде, мигранты стараются сохранить родную веру и культуру, а также передать их детям. Это стремление находит отражение и в листовках для детей.

ИГРА В ДЕТСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИСТОВКЕ

В статье рассматривается, как игра используется в детской немецкоязычной православной листовочной литературе. Материалом для исследования послужили листовки «Frohe Botschaft für die Kinder»¹. Название листовок является отсыл-

кой к слову «Евангелие» (Frohe Botschaft), которое происходит от греческого *εὐαγγέλιον* и означает «благая весть».

Адресантом данных листовок выступает Антиохийская православная Церковь. Адресат — дети (5–13 лет) и их родители, являющиеся приверженцами данной Церкви.

Листовки написаны на немецком языке, арабский язык практически не используется, поскольку дети мигрантов растут в немецкоязычной культуре и их родной язык — немецкий.

Цель данных листовок — просвещение и укрепление детей в православной вере. При этом автор старается делать это в развлекательной форме: активно использует изображения, а также игры.

Примерно три четверти каждой листовки посвящены игре. В целом листовка состоит из следующих частей:

1. житие святого, чей день памяти (Gedächtnistag) выпадает на дату публикации;
2. назидательный текст (Thema der Woche), обычно основанный на Евангелии, к которому предлагаются идеи для назидательных игр или поделок (Bastelidee oder Spielidee);
3. раздел раскрасок и загадок (Malen und rätseln).

Например, в одной из листовок приводятся:

- житие апостола Фомы (der ungläubige Thomas).
- Thema der Woche — „Nicht sehen, trotzdem glauben!“.
- Bastelidee — вырезать сердце со словами „Glücklich sind, die nicht sehen und trotzdem glauben“².
- кроссворд, где нужно найти слова: Glaube, Zweifel, Thomas, Apostel и другие, связанные с историей апостола Фомы.

– раскраска: Male das Bild aus, an dem der Hl. Apostel Thomas die Auferstehung unseres Herrn glaubte («Раскрасьте картину, на которой святой апостол Фома уверовал в воскресение нашего Господа»)³.

Как уже отмечалось, листовки содержат много изображений. Таким образом, следует говорить о креолизованном тексте. Изображения необходимы, ведь детям было бы трудно воспринимать сплошной текст, в то время как изображения делают восприятие более легким, а саму листовку — более привлекательной. Одновременно с этим изображения являются частью повествования, так как с их помощью также можно сообщить новую информацию.

У листовок «Frohe Botschaft für die Kinder» есть логотип, на котором изображен Христос

¹Сайт Митрополии Германии и Центральной Европы. URL: <https://rum-orthodox.de/category/al-bushra-kids/>

²«Блаженны не видевшие и поверившие» (Ин. 20, 29).

³Зд. и далее перевод наш. — О. М.

с детьми и написано „Der Antiochenisch-Orthodoxe Kindertreff“ (Антиохийская православная детская встреча). Изображение содержит отсылку к Евангельским строкам: «Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: *пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное*» (Мф. 19: 13–14).

Автор также уделяет внимание шрифтам. В заголовке, в подзаголовке и в самом тексте используются разные шрифты. Так листовка смотрится интереснее. Для реализации коммуникативных целей автор обращается к катехизаторско-назидательной и игровой стратегиям.

КАТЕХИЗАТОРСКО-НАЗИДАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Данная стратегия заключается в том, чтобы рассказать маленькому ребенку о православной вере простыми словами, а также научить его поступать согласно евангельским заповедям. Достижение данной цели реализуется посредством следующих тактик: тактика упрощения, тактика пояснения, тактика поддержания контакта с адресатом, поддерживающая тактика, тактика обращения к примерам.

ТАКТИКА УПРОЩЕНИЯ

Сплошной текст нередко труден для детского восприятия: ребенку тяжело надолго фокусировать свое внимание и воспринимать большой объем информации. Поэтому автор листовок часто прибегает к упрощению текста. Например, информация излагается в виде списка, в котором перечисляются основные данные (имя святого, род занятий, день памяти и др.). При этом используются простые и односоставные предложения. Подобный способ встречается также в листовках для подростков, но обычно не используется в листовках для взрослых прихожан. Например, подобным образом рассказывается о 12 апостолах:

Das sind die 12 Apostel:

Apostel Petrus: Hieß vorher Simon und war Fischer. Gedenktag: 29.06.

Apostel Andreas: Er ist der Bruder von Petrus und war auch Fischer. Gedenktag: 30.11

Apostel Jakobus, der Ältere: Er war auch Fischer. Gedenktag: 30.04.

Apostel Johannes: Bruder von Jakobus. Auch er war vorher Fischer, schrieb eines der vier Evangelien, die Offenbarung und 3 Briefe. Gedenktag: 08.05.

ТАКТИКА ПОЯСНЕНИЯ

Так как дети многого еще не знают, у них часто возникают вопросы. Автор упреждает эти вопросы, поясняя, например, слова или обстоятельства, которые могут быть непонятны детям.

Например, говоря о ереси, автор объясняет, что ересь — это неправильное учение: „*Sie kämpften gegen Häresien (= falsche Lehren)*“. Или автор вносит пояснения к истории о том, как некоторые люди принесли ко Христу расслабленного на его постели. Автор уточняет, что кровать в те времена была подобна ковру: „*Seine Freunde nahmen dann einfach sein Bett und hoben ihn hoch. Das Bett war damals wie eine Matte, das konnte man leicht tragen*“.

Весь текст написан по-немецки. Однако в скобках иногда вносятся уточнения на древнегреческом: Heilige (Hagios), Geschenk (Charisma), Pfingsten (Pentekoste).

ТАКТИКА ПОДДЕРЖАНИЯ КОНТАКТА С АДРЕСАТОМ

Данная тактика необходима, так как внимание ребенка легко рассеивается. Чтобы его удержать, нужно постоянно находиться в коммуникации с ребенком. Автор вступает в диалог с ребенком с самого начала листовки: ребенку предлагается подписать листовку своим именем. Таким образом, у ребенка создается личное восприятие листовки, она предназначена для него персонально и является его собственностью.

Повествование в листовке ведется от 1 л. мн. ч. *wir*, используется также форма притяжательного местоимения 1 л. мн. ч. *unser*: „*Pfingsten feiern wir immer 50 Tage nach Ostern*“, „*die Auferstehung unseres Herrn*“, „*der heilige Gregor Palamas erzählt uns*“, чем подчеркивается единство автора с читателем, единство общины.

Для поддержания контакта автора и получателя листовки часто используется вопрос без просительного слова. По содержанию можно выделить несколько видов вопроса.

К первому из них относится вопрос о личном опыте адресата. При рассказе о чуде с пятью хлебами и двумя рыбами, которыми Христос насытил пять тысяч человек, детей спрашивают:

«Были ли вы когда-нибудь голодны, потому что не было еды?» — „*Wart ihr schon einmal hungrig auf einer Reise, auf der es nirgendwo was zum Essen zu kaufen gab? Oder standet ihr, wenn ihr Hunger hattet, vor einem geschlossenen Restaurant? Stellt euch vor, tausende Menschen kamen, um Jesus Lehren zu hören und alle waren hungrig*“.

Говоря о бегстве Святого семейства в Египет, автор отмечает, что и сегодня людям приходится спасаться бегством в поиске мира и спрашивает, приходилось ли детям переживать подобное: *„Bis heute sterben unschuldige Menschen aufgrund des Bösen und andere müssen fliehen auf der Suche nach Frieden. Hat jemand von euch diese Erfahrung gehabt?“*.

Второй вид вопроса может стать частью диалога. Так, иногда рассказ о каком-либо событии излагается в диалогичной форме. Например, при рассказе о празднике Пфingsten (Пятидесятница) используется *„ein kleines Rollenspiel“* (ролевая игра). Она представляет собой диалог между ребенком и наставником (Kind и Betreuer), в котором ребенок задает вопросы о празднике, а наставник отвечает на них:

Kind: Wie viele Tage blieb Jesus mit uns nach seiner Auferstehung?

Betreuer: Jesus ist immer mit uns. Er sagte sogar: Ich bin mit euch alle Tage bis an das Ende der Weltzeit.

Kind: Aber Jesus fuhr vierzig Tage nach Ostern zum Himmel auf!

Betreuer: Stimmt. Dieses Fest nennt man: „Christi Himmelfahrt“. Aber Jesus hat uns den heiligen Geist gesandt, der in uns wohnen wird, und uns an Jesus Lehren und Worte erinnert, und unsere Herzen zu Ihm führt“.

Третий вид вопроса может выполнять функцию призыва. Например, рассказывая притчу о званых и избранных, в которой господин звал своих друзей на брачный пир и никто из них не пришел, автор спрашивает ребенка: *„Bist du bereit, die Einladung von Jesus anzunehmen?“* («Готов ли ты принять приглашение Христа?»). Этим вопросом подчеркивается, что важно быть готовым услышать зов Христа и последовать за Ним. Рассказывая историю о сестрах Марфе и Марии¹, автор предлагает задуматься, сколько времени мы проводим со Христом: *„Für Maria war es wichtig, Zeit mit Jesus zu verbringen. Haben wir uns überlegt, wie oft wir Zeit mit Jesus verbracht haben?“*

¹Речь идет о следующем Евангельском повествовании: «В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38–42).

ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ ТАКТИКА

Тактика призвана морально поддержать адресата, создать у ребенка ощущение безопасности. Данная тактика реализуется утвердительными ассертивными предложениями, содержащими лексику тематической группы «помощь, поддержка». Так, про Бога говорится, что Он *„befreit uns; Er ist immer an unserer Seite; tröstet, lehrt, hilft; sorgt, kümmert sich um mich; hält unser Leben in seiner guten Hand“*. Для выражения отношения верующего к Богу часто используется глагол *„vertrauen“*: *„Kinder können vertrauen...“; „wir müssen vertrauen...“; „wenn du auf Gott vertraust, ist er immer bei dir“; „Jesus ist der Sieger, dem wir mitten in unserer Angst vertrauen können“*. Автор также использует обращение на «ты»: *„du“; „dir“* – так отношения между адресантом и адресатом приобретают личный характер.

Основным аргументом автора является любовь Христа к человеку, в тексте используются слова *Liebe* и *lieben*: *„Zachäus tat es leid, was er falsch gemacht hatte. Er war bereit, sein Leben zu ändern, weil er Jesus kennen gelernt hat. Er hat erfahren, dass Jesus ihn so annahm, wie er war. Jesus nimmt uns so an, wie wir sind. Er liebt uns. Er liebt jeden einzelnen, egal, wie oder wer wir sind. Wenn wir seine Liebe erfahren, dann wird sich unser Leben ändern. Nicht wir werden es ändern, sondern Jesus selbst wird unser Leben verändern. Wir müssen nur bereit dazu sein“*.

ТАКТИКА ОБРАЩЕНИЯ К ПРИМЕРАМ

Говоря о святых, автор ставит их в пример ребенку, тем самым наставляя его в добродетели.

Пророк Илия подает пример того, как во всех обстоятельствах необходимо слушаться Бога и доверять Ему: *„Durch den Hl. Propheten Elias lernen wir, Gott in allen Umständen des Lebens zu gehorchen und Ihm zu vertrauen, dass Er den richtigen Weg für uns hat. Gott hat seinen Knecht Elias damals nicht enttäuscht und uns wird er auch nicht enttäuschen“*. Автор использует Futur I – *„Gott wird uns nicht enttäuschen“* – для выражения твердой уверенности в сказанном. Он также снова обращается к глаголу *vertrauen* – «доверять», и можно сказать, что этот глагол проходит красной нитью через все детские листовки.

День памяти святых апостолов Петра и Павла призывает любить ближнего, напоминает о важности молитвы, внушает нам, что вера – это дар, который следует не только хранить, но также делиться им с другими: *„Der Gedenktag der Heiligen Apostel Petrus und Paulus ist auch ein Aufruf an uns, unseren Nächsten zu helfen, das zu sehen, was sie nicht wissen. Im Gebet finden wir Trost und werden Zeugen von Wunder. Der Glaube ist eine Gabe, die wir nicht nur für uns bewahren sollten sondern auch mit anderen Menschen“*.

teilen sollten“. С одной стороны, автор использует утвердительные предложения, и его манеру можно назвать постулативной. С другой – он также прибегает к форме Konj. II глагола *sollen – sollten*, отчего высказывание начинает звучать менее категорично.

ИГРОВАЯ СТРАТЕГИЯ

Детской листовке необходимо быть привлекательной для ребенка. Однако привлечь ребенка к тексту, тем более, просветительскому, сложнее, чем взрослого. Для этого автор использует стратегию игры. Всякая игра в листовке состоит из двух компонентов: вербального (условия игры) и невербального (действия ребенка и предметы, которые он использует). Игровая стратегия реализуется с помощью следующих тактик: тактика игрового нарратива, тактика назидательной игры.

ТАКТИКА ИГРОВОГО НАРРАТИВА

Как было сказано выше, игра – это один из способов познания. Автор данных листовок использует игру для того, чтобы рассказать детям библейскую историю или житие святого. При этом ребенок получает информацию не через текст, а через раскраску, кроссворд или какую-нибудь поделку.

Например, детям предлагается раскрасить картинку, где изображено Преображение Господне, при этом ставятся вопросы: *„Weißt du, wer Elija und wer Mose ist? Kannst du sie erkennen?“* («Знаешь ли ты, кто такие Илия и Моисей? Ты можешь их узнать?»). Ребенок не просто раскрашивает изображение, он узнает содержание картинки и лиц, на ней изображенных.

Или нарисован лабиринт: с одного конца пророк Илия, с другого – ворон. И дается следующее задание: *„Prophet Elias trinkt aus dem Bach. Da kommt der Rabe und will ihm Brot bringen, doch welchen Weg muss er nehmen?“* («Пророк Илия пьет из ручья. Появляется ворон и хочет отнести ему хлеб, но какой путь он должен выбрать?»). Благодаря этой игре ребенок знакомится с историей пророка Илии: как он жил в одиночестве, «и вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил» (3 Цар. 17:6). После этого ребенку предлагается вырезать ворона из бумаги (в листовке есть выкройка) – так он точно запомнит новую информацию.

Задания, относящиеся к вербальной части игры, часто формулируются в виде вопроса. Ребенку предлагают задуматься, вызывая его на диалог.

Часто используются кроссворды, где нужно найти, например, следующие слова: *Jesus, Apostel, Wunder, Glaube, Zweifel, Licht, Heilig, Serafim,*

Selle, Theotokos, Engel. Таким образом, ребенок знакомится с важной лексикой христианского дискурса.

В листовках встречаются многочисленные раскраски: *„Male das Bild des Hl. Josef von Damaskus aus“* («Раскрась изображение св. Иоанна Дамаскина»), *„Male das Bild von Petrus und Paulus aus, kannst du anhand der dargestellten Sachen ihre Berufe erraten?“* («Раскрась изображение Петра и Павла, ты можешь угадать их профессии по изображенным предметам?»), *„Prophezeiung über die Geburt unseres Herrn: Hier schreibt Micha seine bekannteste Prophezeiung auf. Male das Bild aus“* («Пророчество о рождении нашего Господа: здесь записывает пророк Михей свое самое знаменитое пророчество. Раскрась картинку»), *„Male das Bild aus, an dem der Hl. Apostel Thomas die Auferstehung unseres Herrn glaubte“* («Раскрась изображение, на котором св. апостол Фома уверовал в воскресение нашего Господа»). При этом автор использует форму императива во втором лице единственного числа.

Часто предлагается вырезать что-нибудь из бумаги, например: *„Schneide die Krippe aus und klebe sie auf Karton oder dickeres Papier. Schneide die Figuren aus und klebe sie an die definierten Stellen“* (вырезать и склеить Рождественский вертеп).

Может использоваться популярная детская игра «Найди 10 отличий»: (*„Finde die 10 Unterschiede“*). Для их выявления предлагается, например, история о том, как добрый самаритянин помог человеку, пострадавшему от разбойников. С помощью игры ребенок сфокусирует свое внимание на данной истории и лучше ее запомнит.

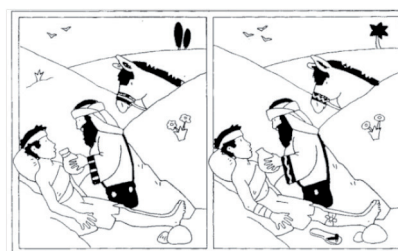

Рис. 1. Игра „Finde die 10 Unterschiede“.

Все перечисленные игры (раскраски, вырезание фигурок, поиск отличий) направлены на то, чтобы ребенок не просто интересно провел время, но также запомнил новую информацию об апостолах или историю о добром самаритянине. Даже самая простая раскраска изображения святого помогает создать у ребенка личное отношение к этому святому.

ТАКТИКА НАЗИДАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ

Для наставления ребенка автор активно использует назидательную игру, которая нацелена на развитие воображения ребенка. Она также знакомит детей с христианской символикой. Назидательная игра является обязательной частью каждой листовки. Игра состоит из условий, самой игры и результата: обычно это либо награда, либо некое поучение — „Lernthema“ или „Lehre“. Например, „Wenn der Weg richtig ist, erreichen wir das Ziel“; „Bei Gott ist alles möglich, was den Menschen unmöglich erscheint“; „Die Nächstenliebe ist unser Weg, um Kinder Gottes zu sein“. Но главное — это сам сюжет игры, который призван научить добродетели.

В одной из игр детям выдаются два типа карточек: а) со словами *arm, nackt, durstig* и т. д.; б) со словами *Kleidung, Wasser, Geld* и пр. В процессе игры дети должны как можно быстрее подобрать карточки из группы б) для группы а). К игре прилагается *Lehre*: „Wir helfen einander, wie Jesus es uns gesagt hat“. Таким образом, дети учатся распознавать нужды других людей и помогать им.

В следующей игре один ребенок должен назвать какой-либо грех, а другой — подобрать добродетель, противоположную этому греху. Например, *hassen — lieben* (ненавидеть — любить), *Lüge — Wahrheit* (ложь — правда). Таким образом, подбираются слова-номинации добродетелей и их антонимы.

Автор обращается к образу *свечи (огня)* — этот образ связан со светом, святостью, горением духа (в играх горящая свеча символизирует человека, который стремится к Богу), с самим Богом. Например, с помощью образа свечи рассказывается история о десяти прокаженных, которых исцелил Христос, но лишь один из них вернулся поблагодарить Его. Эта история (*Die Heilung der 10 Aussätzigen*) подается следующим образом: предлагается зажечь одну большую свечу (*die große Kerze*) — символ Христа, и десять маленьких (*Teelichter*) — символ исцеленных. Однако в тот момент рассказа, когда девять исцеленных уходят и лишь один возвращается ко Христу, девять свечей гаснут. Гореть остается только та свеча, которая символизирует благодарного вернувшегося исцеленного. Таким образом, свет Христов распространяется на тех, кто рядом со Христом, и гаснет у тех, кто Его покидают.

Также детям предлагается взять стеклянную емкость, украсить ее, а внутрь поместить огоньки — *kleine Lichterchen*. Емкость оказывается символом души, которую нужно украшать добродетелями,

а огоньки служат напоминанием о том, что мы должны быть светом — *für Jesus Licht zu sein*.

Автор использует также образ *надутного шара* — надутый шар ассоциируется с пустотой физической и пустотой духовной. Человек, подобный надутному шару, пуст духовно. В игре этот образ используется для разъяснения детям притчи о мытаре и фарисее¹. Детям предлагается взять воздушные шары, но не надувать их. Дети видят, что не надутый шар мнется и пластичен — *noch biegsam und flexibel ist*. Это символизирует смиренного мытаря или любого смиренного человека — *ein demütiger Mensch*, который благодаря своей «пластичности» способен повиноваться воле Божьей. Надутый же шар, напротив, подобен гордому человеку — *wie ein stolzer Mensch*, который воображает о себе слишком много — *ist von sich selbst sich eingenommen*, и потому Бог уже ничего не может с ним поделать. В конце концов он лопаается — *der Ballon platzt und ist dann kaputt*. Игра заканчивается назиданием (*Lehre*): „Zu viel Stolz ist eine Sünde. Vor Gott sollten wir immer demütig sein“ — „Слишком много гордыни — это грех. Перед Богом нам следует всегда быть смиренными«. Автор использует *Konj. II — sollten* — для смягчения высказывания.

Таким образом, мы видим, что логика этих игр обусловлена особенностями детского восприятия: дети мыслят образами и у них сильно развито воображение. Также за счет игры автор обходится без обычных призывов к добродетели, которые могли бы показаться детям скучными и остаться не услышанными, в то время как игра безусловно привлекает их внимание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Игра в детской православной листовке является стимулом и средством для приобщения ребенка к вере в Бога. Изучение игровой стратегии в детской немецкоязычной православной листовке представляет интерес для дальнейшего исследования феномена игры и его дискурсивной реализации.

¹«Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:9–14).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платон. Законы, или О законодательстве. М.: Ruscience, 2016.
2. Аристотель. Метафизика. Политика. Поэтика. История. М.: Азбука, 2022.
3. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: РИПОЛ-классик, 2018.
4. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
5. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М.: Азбука, 2022.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984.
7. Амонашвили Ш. А. В школу – с шести лет. М.: Просвещение, 1986.
8. Смирнова Е. О. Детская психология: учебник для вузов. СПб.: Питер Пресс, 2009.
9. Аркин Е. А. Дошкольный возраст. М.: Учпедгиз, 1948.
10. Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры // Психологическая наука и образование. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 1996, Т. 1. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n3/pse_1996_n3_Leontev.pdf
11. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
12. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту. 1967. Вып. 198. С. 130–145.
13. Давыдова Е. Н., Кобозева И. С. Дидактическая игра: сущность и содержание // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. Вып. 3(1), С. 69–72.

REFERENCES

1. Platon. (2016). Zakony, ili O zakonodatel'stve =The Laws. M.: Ruscience. (In Russ.)
2. Aritstotelj. (2022). Metafizika. Politika. Poehtika. Istoriya =Metaphysics. Politics. Poetics. History. M.: Azbuka. (In Russ.)
3. Schiller, F. (2018). Pis'ma ob ehsteticheskom vospitanii cheloveka = Aesthetic Letters. M: RIPOL classic. (In Russ.)
4. Kant, I. (1994). Kritika sposobnosti suzhdeniya = Critique of Judgment. M.: Iskusstvo. (In Russ.)
5. Huizinga, J. (2022). Homo ludens. Chelovek igrayushchij = Homo Ludens, a study of the play element in culture . M.: Azbuka. (In Russ.)
6. Vygotskij, L. S. (1984). Sobranie sochinenij. Detskaya psikhologiya. T. 4. = The collected works, t. 4 Detskaja psichologija. M.: Pedagogika. (In Russ.)
7. Amonašvili, Š. A. (1986). V shkolu – s shesti let = To school – from the age of six. Moscow: Prosveščeniye. (In Russ.)
8. Smirnova, E. O. (2009). Detskaja psichologija: Učebnik dlja vuzov. SPb.Pitersburg: Piter Press. (In Russ.)
9. Arkin, E. A. (1948). Doshkol'nyj vozrast = Preschool age Moscow: Učpedgiz. (In Russ.)
10. Leont'ev, A. N. (1996). Psichologičeskije osnovy doškol'noj igry. Psichologičeskaja nauka i obrazovaniye . Psikhologičeskie osnovy doškol'noj igry = Psychological foundations of preschool play. Psychological Science and Education, 1, 3. Moscow: MGPPU. https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n3/pse_1996_n3_Leontev.pdf
11. Makarenko, A. S. (1984). Pedagogičeskie sochineniya: V 8 t. T. 4 = Pedagogical essays. In 8 vols. Vol 4. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
12. Lotman, J. M. (1967). Tezisy k probleme `Iskusstvo v ryadu modeliruyushchikh sistem = The place of art among other modelling systems. Učen. zap. Tart. gos. un-ta, 198, 130–145. Tartu, (In Russ.)
13. Davydova, E. N., Kobozeva I. S. (2019). Didaktičeskaya igra: sushchnost' i sodержание=Didactic Game: Essence and Content. Science Journal «Scientific Review. Pedagogical science», 3(1), 69–72. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милеева Ольга Александровна

преподаватель кафедры иностранных языков богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
соискатель на кафедре грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mileeva Olga Aleksandrovna

Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Theology

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities

External PhD Student at the Department of Grammar and History of the German Language

Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_116

Вербальные особенности выражения темпоральных и локальных характеристик в сказке Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк»

Г. А. Соколова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ga.sokolova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вербальное выражение временных и пространственных параметров сказки Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк». Особо акцентируются такие речевые средства, как глагольные формы, наречия, имена числительные, имена существительные с темпоральным и локальным значением, а также синтаксические конструкции. Методом лингвистического анализа выявляются некоторые особенности вербальных средств сказки.

Ключевые слова: сказка, хронотоп, время, пространство, вербальные средства, грамматические средства

Для цитирования: Соколова Г. А. Вербальные особенности выражения темпоральных и локальных характеристик в сказке Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874), С. 116–123. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_116.

Original article

The Verbal Peculiarities of Expressing Time and Space Characteristics in the Fairy-Tale “Cavalier Gluck” by E. T. A. Hoffmann

Galina A. Sokolova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ga.sokolova@mail.ru*

Abstract. E. T. A. Hoffmann devotes the article to considering the verbal expression of time and space characteristics in the fairy-tale “Cavalier Gluck”. Special attention was paid to such grammatical means as verb forms, adverbs, numerals, nouns with time and space meaning, and syntactic constructions, as well. Using the method of linguistic analysis allowed to discover some features of verbal means of the fairy-tale.

Keywords: fairy-tale, chronotop, time, space, verbal means, grammatical means

For citation: Sokolova, G. A. (2023). The Verbal Peculiarities of Expressing Time and Space Characteristics in the Fairy-tale “Cavalier Gluck” by E. T. A. Hoffmann. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 116–123. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_116.

ВВЕДЕНИЕ

Первым крупным произведением Э. Т. А. Гофмана стала сказка «Ritter Glück» («Кавалер Глюк»). Писатель работал над ней в 1808–1809 годы. Будучи многосторонне развитой личностью, Гофман проявил свой талант во многих областях – в литературе, живописи, музыке. Свою любовь и восхищение музыкой Гофману удалось перенести на страницы произведения «Кавалер Глюк».

Сказка названа в честь немецкого композитора Кристофа Виллибальда Глюка, произведения которого написаны в стиле классицизма XVIII века. Композитор был удостоен титула рыцаря и награжден папой Бенедиктом XIV орденом Золотой шпоры. После этого композитор всегда подписывался «Ritter von Glück» («Кавалер Глюк»). По представлению Глюка, музыка должна сопровождать поэзию и усиливать те чувства, которые выражены в ней [Келдыш, 1990].

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Путем лингвистического анализа сказки Э. Т. А. Гофмана «Кавалер Глюк» были выявлены грамматические средства с темпоральным значением, которые писатель использовал для создания сказочного времени. К ним можно отнести имена существительные со значением времени, глагольные формы, наречия со значением времени, а также имена числительные.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ТЕМПОРАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

В сказке «Кавалер Глюк» автор не так часто использовал имена существительные с темпоральным значением, как в своих других произведениях, например, в сказках «Золотой горшок», «Песочный человек».

Сказка «Кавалер Глюк» начинается с указания точного года происходящих событий. Означенная временная конкретика не характерна для жанра сказки. Гофман пишет:

Eine Erinnerung aus dem Jahre 1809 (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Имя существительное в сочетании с именем числительным служит маркером начала действия сказки. По мнению исследователей творчества Э. Т. А. Гофмана (например А. Б. Ботниковой), описываемые в сказке события могли происходить летом 1807 года [Ботникова, 2005].

По научному убеждению Д. С. Лихачева, художественное время – это не календарные отсчеты,

а взаимная соотнесенность событий в художественном произведении [Лихачев, 1979].

Примечательно, что слово *Jahr* (год) появляется на страницах сказки дважды: *zwanzig Jahre*. Во второй раз имя существительное передает продолжительность действия: двадцать лет потребовалось для духовного роста персонажа сказки.

События сказки совершаются быстро. Более чем внушительная скорость действия сказки вербально выражается в использовании имени существительного:

Einige Monate waren vergangen (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

В сказке «Кавалер Глюк» присутствует антитеза дня и ночи. Она характерна для жанра сказки вообще. Конкретно у Гофмана быстрая смена дня и ночи передает ускоренный темп повествования в целом. В сказке «Кавалер Глюк» читаем:

Und wird Ihnen einmal so zumute, als wenn Sie ein paar Gedanken aus Tageslicht befördern müssten; Nacht wurde es wieder (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Имена существительные, означающие время суток, использовались автором не часто. Показателен, однако, резкий контраст различных фаз времени у Гофмана. Означенный авторский прием заметно ускоряет действие сказки. Ее сюжет компактно укладывается в беседу автора-рассказчика и композитора Кавалера Глюка. Описание событий, которые сопровождали становление музыканта, занимает не больше четверти часа:

Es hatte beinahe eine Viertelstunde gedauert (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

ВРЕМЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

В сказке «Кавалер Глюк» использовались различные временные формы глаголов. Глагольные формы с темпоральным значением у Гофмана подчеркивают границу между миром реальности и миром искусства. Искусство вечно, реальность существует лишь несколько моментов и превращается в прошлое.

Произведение начинается повествованием в настоящем времени (Präsens):

Der Spätherbst in Berlin hat gewöhnlich noch einige schöne Tage... (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Описание поздней осени в Берлине создает меланхолическую атмосферу, позволяет погрузиться в мысли и навеивает на автора воспоминания.

Использование глагольных форм в презенсе помогает писателю выразить основные мысли, его взгляды на искусство:

Wie man zum Komponieren kommt... Durchs elfenbeinerne Tor kommt man ins Reich der Träume; wenige sehen das Tor einmal, noch weniger gehen durch! (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Мир искусства, мир музыки, наделен в произведении некоторыми фантастическими чертами. Это мир, существующий параллельно с действительностью; наряду с нею Гофман воссоздает мир грез. В нем находят успокоение люди, разочарованные повседневной реальностью. Мир музыки приравнивается к вечности. По представлению автора, он будет существовать всегда. В мир искусства попадают немногие, лишь одаренные и тонко понимающие музыку люди, чувствующие незримые образы, навеянные и передаваемые с помощью музыки [Ботникова, 2005].

Рассказывая о прошлом, композитор начинает свое повествование с описания музыки и выбирает для этой цели *Präsens historicum*:

Sie spielen den Marsch – der Zug hat sonst nicht Zug genug – jetzt macht er sein Kompliment (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Выбор презенса позволяет ликвидировать барьер во времени между рассказчиком и слушателем, читателю также легче погрузиться в атмосферу того периода, представить себе звучание музыки и насладиться ею.

Главный персонаж сказки, Кавалер Глюк, вспоминая один из важных эпизодов в своей жизни, связанный с музыкой, излагает события в настоящем времени (*Präsens*):

Als ich ins Theater trete, höre ich, dass man die Ouvertüre der „Iphigenia in Aulis“ spielt... (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Музыкант явственно представляет себе мгновение прошлого, вновь переживает его, снова погружается в атмосферу того времени, которое давно миновало. Художественное время обладает неограниченными возможностями и выходит за рамки объективного времени.

Следует добавить, что претерит (*Präteritum*) у Гофмана преобладает над другими формами

времени. В сказке «Кавалер Глюк» претерит – основное время повествования:

«Wirklich?» fiel mir ein; «Und doch», nahm ich das Wort; «Er hielt inne» (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Используя плюсквамперфект (*Plusquamperfekt*), автор показывает действия, предшествующие излагаемым событиям:

Die Musik hatte aufgehört; ich fühlte die Notwendigkeit, ihn [Ritter Gluck] anzureden; Er hatte geendigt und kehrte zurück zu seinem Sitz (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Из приведенных примеров следует, что плюсквамперфект проводит границу между действиями, маркирует окончание либо звучания музыки, либо завершения музыкального исполнения композитора. В сюжетном плане плюсквамперфект разделяет два мира: мир реальности и мир музыки.

Будущее время (*Futur I*) используется в тексте сказки один раз. Глагольные формы в будущем времени задействованы в создании кульминационной точки в развитии сюжета произведения. Кавалер Глюк описывает своему собеседнику тот момент, когда ему явилось Откровение и он получил доступ в мир музыки:

Das Auge lächelte: „Ich weiß, was deine Brust mit Sehnsucht erfüllt; der sanfte weiche Jüngling Terz wird unter die Kolosse treten; du wirst seine süße Stimme hören, mich wieder sehen, und meine Melodien werden dein sein (E. T. A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

В приведенной выше цитате прослеживается принцип триединства, характерный для сказочного жанра: с грамматической точки зрения глагол *werden* используется трижды в трех различных формах, которые выражают действия, нацеленные на передачу, восприятие и получение музыкального дара. Представляется возможным изобразить следующую цепочку действий: посвящение – восприятие – обладание музыкальными способностями.

В соответствии с временными формами глагола, которые использует Гофман, представляется возможным составить следующую хронологическую цепочку; она отображает течение сказочного времени: из настоящего автор делает ретроспекцию в прошлое, а затем совершается скачок в будущее, после автор вновь использует ретроспекцию в прошлое, действие сказки заканчивается в настоящем времени. Таким образом, создается

симметричная циклическая модель художественного времени.

НАРЕЧИЯ С ТЕМПОРАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

В сказке «Кавалер Глюк» частотность использования наречий с темпоральным значением достаточно высока. Некоторые из них рассматриваются в данной статье.

В тексте сказки довольно часто используется слово *bald* (вскоре):

Bald sind alle Plätze bei Klaus und Weber besetzt; Bald zogen sich die Augenbraunen zusammen, bald schwamm das Auge in Tränen tiefer Wehmut. Bald raffte er sich aber wieder auf; Bald darauf trat er mit einem angezündeten Lichte hinein (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Использование данного наречия соответствует темпу сказки, оно «подгоняет» разворачивающееся в сказке действие.

Момент, мгновение, когда совершается действие, передается с помощью наречия *jetzt* (теперь, сейчас):

Jetzt macht er sein Kompliment – Armida dankt ergebenst. Jetzt wird ins Rezitativ hineingepoltert. Sie sollen jetzt Armida hören; Jetzt werde ich die Ouvertüre spielen! Ha – jetzt lassen Sie uns Armidens Szene singen! (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Благодаря многократному повтору наречия *jetzt* автору удалось задать определенный темп повествования, а также показать взаимосвязь между событиями в прошлом и настоящем, поскольку музыка способна стереть границы между различными временами.

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Частотность использования имен числительных в сказке достаточно низка. Их можно разделить на две группы: передача темпоральных характеристик и употребление в устойчивых выражениях. В сочетании с именами существительными количественные числительные передают темпоральные характеристики, например:

Zwanzig Jahre liegen dazwischen (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Введение в текст сказки точного временного отрезка, который отделяет события прошлого от момента речи сказочных персонажей, отражает

немецкую картину мира с присущей ей точностью, детальностью, математическим расчетом каждого действия.

Между тем ментальные значения чисел разнятся в опыте человечества. Так, число 20 оказывается важным в формировании системы счета у разных народов. Например, у кельтов 40 интерпретируется как дважды 20. В Северной Японии, как и во Франции, 80 складывается из 4 раз по 20. В Средневековье число 20 толковалось как удвоенное число 10 [Андреева, Куклев, Ровнер, 2008].

Если исходить из последнего толкования числа 20, то решающим компонентом становится число 2. Его основное значение заключается в двойственности. Данное число выражает неразрывное единство сбалансированных противоположностей [Вовк, 2008].

По единодушному мнению других исследователей, вышеозначенное число является символом удвоения, расставания, отделения, противоположности. Данное число также может символизировать движение [Becker, 2007].

Исходя из выше изложенной информации, можно предположить, что в сказке «Кавалер Глюк» число 20 интерпретируется как удвоенное число 10 и наделено рядом функций. С одной стороны, данное число символизирует отделение. С другой – оно выполняет связующую роль, так как связывает прошлое и настоящее повтором одного и того же события.

Следует отметить, что в сказке само число два используется также дважды:

Richtig, es fehlen noch zwei Soldaten!»; Nachher klang der Euphon zwei Tage hindurch (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Если в первом примере композитор комментирует действие оперы, то во второй цитате числительное два сочетается с именем существительным, наделенным темпоральными характеристиками: два дня подряд ставили оперу. Здесь можно проследить символическое употребление автором числительного два: действие из «вымышленной» сферы, оперы, переносится на действительность, в которой существуют сказочные персонажи.

Ко второй группе числительных относятся слова тысяча и сто. Они часто встречаются в немецких устойчивых словосочетаниях во многих сказках, в том числе и в произведении «Кавалер Глюк»:

Als ich [Glück] im Reich der Träume war, folterten mich tausend Schmerzen und Ängste!; So werden Sie noch ein paar hundert Schritte mit mir laufen müssen (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Если обратиться к толкованию значений данных числительных, то можно установить следующее: немецкие лингвисты находят общее звено в семантике сотни и тысячи – символ небесного блаженства. При этом числительное сто представляет замкнутое множество в совокупности целого, полное совершенство [Becker, 2007].

В обоих числительных также прослеживается общий элемент – единица, которая лежит в основе сотни и тысячи. Число один символизирует единое как исток всего множества вещей, это центр. Единица обозначает начало процесса, она является основной шкалой отсчета [Адамчик, 2010].

Имена числительные привносят в текст сказки характер достоверности происходящих событий и служат одним из средств отражения немецкой языковой картины мира; ей присуща точность фактуальной информации.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ВРЕМЕНИ

Синтаксические конструкции времени в сказке представлены в небольшом количестве. Их основная функция – передать последовательность происходящих действий. Для этой цели автор вводит придаточные предложения времени с союзом *als*:

Als er [Glück] sich setzte, schlug er den Überrock auseinander; Als ich ins Theater trete, höre ich, dass man die Ouvertüre der, Iphigenia in Aulis' spielt; Doch als ich weiter fragen wollte, war er mit dem Lichte durch die Türe entwichen; Ich suchte die Türe zu öffnen, als er plötzlich in einem gestickten Galakleide mit dem Lichte in der Hand hereintrat (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

В приведенных выше цитатах прослеживается одновременность последовательных действий; некоторые из них объединены лексическим повтором: *Licht* (свет), *Tür* (дверь), *Hand* (рука).

Числа в немецкой языковой картине мира (и в частности, у Гофмана) наделены символическим значением. Свет является символом Духа, Бога, а также жизни и счастья. Дверь может символизировать переход из одной сферы в другую. Рука служит символом активности и силы [Becker, 2007].

По единодушному мнению других исследователей, свет считается проявлением мудрости и добродетели. Свет – атрибут солнца, по этой причине он становится символом божественной силы. Символика дверей связывается с образами границы и перехода. В символической модели мира дом рассматривался как упорядоченное, освоенное

пространство. В этой модели дверь, порог считались «пограничной» территорией, через которую вредоносные силы хаоса могли проникнуть в жилище человека [Адамчик, 2010].

Из вышеизложенного следует, что изображаемая в сказке дверь послужила «вратами» для перехода из материального светского мира в мир сакральный, доступный лишь просвещенным, которые достигли понимания истинного назначения музыки. В произведении композитор указывает рассказчику правильный путь, используя древний символ – *свет*. Примечательна также последняя цитата: *Глюк держит в руке свет*. В означенной пространственной конфигурации персонаж исполняет роль пророка.

Ряд исследователей утверждает, что руки – самый умный орган, говорящий символическим языком. Они могут жаловаться, плакать, проклинать, прогонять, бить и ласкать [Андреева, Куклев. Ровнер, 2008].

Таким образом, придаточные предложения времени послужили средством последовательного указания пути, по которому следовал рассказчик. Этот путь привёл его в мир музыки.

Придаточные предложения времени могут также выражать определенную точку во временном континууме, при достижении которой действие, происходящее до описываемого момента речи, останавливалось или прекращалось. Для этой цели автор использовал синтаксические конструкции с союзом *bis*, в некоторых случаях также *als*:

Kaum vermochte ich ihm zu folgen, so schnell lief er die Straße hinab, bis er endlich vor einem unansehnlichen Hause stillstand. Ziemlich lange hatte er gepocht, als man endlich öffnete (E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück).

Оба союза можно было бы перевести на русский язык как *пока не*: персонажи шли, пока не..., композитор стучал в дверь, пока не открыли. Сходство в значении союзов обнаруживается благодаря наречию *endlich* (наконец). Оно подчеркивает, что первое действие по своей продолжительности превосходит второе. Начало второго действия маркирует союз времени. Слова *bis* и *als* указывают на границу во времени, которая пролегает между долгосрочным и краткосрочным событием, и маркируют начало «нового действия».

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Пространственные характеристики сказки были выявлены при использовании лингвистического

анализа имен существительных с пространственным значением.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Местом действия в сказке «Кавалер Глюк» выбран немецкий город Берлин:

Der Spätherbst in Berlin hat gewöhnlich noch einige schöne Tage (*E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück*).

Логична и естественна параллель с другим произведением Э. Т. А. Гофмана, сказкой «Золотой горшок», местом действия которой также является немецкий город, только Дрезден. Две сказки объединяет то, что обозначение места действия дается сразу с первых строк повествования. (Точные пространственные характеристики являются отличительной чертой немецкой языковой картины мира.)

В обеих сказках автор не только дает точные пространственные характеристики действия, но сообщает относительные параметры времени: в сказке «Золотой горшок» события в Дрездене начинаются с церковного праздника Вознесения Господня, в сказке «Кавалер Глюк» события излагаются с начала поздней осени.

Если проследить движение «авторского взора» при изображении жизни берлинцев в осенний воскресный день, то можно представить, что писатель, как будто, точно следуя географической карте, проводит читателя по окрестностям Берлина:

Schnell verdampft die Nässe in der lauen Luft, welche durch die Straßen weht. Dann sieht man eine lange Reihe, buntgemischt – Elegants, Bürger mit der Hausfrau und den lieben Kleinen in Sonntagskleidern, Geistliche, Jüdinnen, Referendare, Freudenmädchen, Professoren, Putzmacherinnen, Tänzer, Offiziere usw. durch die Linden nach dem Tiergarten ziehen (*E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück*).

Сказку «Кавалер Глюк» и сказку «Золотой горшок» объединяет также то, что писатель пытается вербально создать подробную топографическую карту города, в котором происходят сказочные события. Достоверно описывая увиденное, автор погружает читателя в ту атмосферу, в тот колорит жизни, который был характерен для начала XIX века.

Писатель четко делает словесные зарисовки каждого шага, каждого движения персонажа сказки на пути перемещения к тому месту, где ему суждено было встретиться с композитором:

Dicht an dem Geländer, welches den Weberschen Bezirk von der Heerstraße trennt, stehen mehrere kleine runde Tische und Gartenstühle» (*E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück*).

Их встреча происходит на пересечении двух улиц. Если обратиться к символическому толкованию пересечения, перекрестка, то можно установить следующее: перекресток – символ выбора в целом. Это также знак перехода из одного пространства в другое. Перекресток наделяется амбивалентным значением. С одной стороны, это место являлось священным: греки и римляне считали его находящимся под охраной Гермеса и Меркурия – покровителей путников. В христианстве перекресток, уподобляемый своей формой кресту, стал местом почитания Христа. С другой стороны, перекресток считался средоточием вредоносных, нечистых сил. На перекрестках выполнялись колдовские ритуалы. Перекресток был местом захоронения самоубийц, сборища демонов и ведьм [Адамчик, 2010].

Автор выбрал перекресток для встречи главных сказочных персонажей не случайно. Тем самым писатель предоставил рассказчику возможность выбора: пребывать дальше в светском мире, где мало одухотворенных людей, понимающих тонкий мир искусства, или попасть в мир «избранных», для которых «открыты двери» в запредельный мир творчества. Автор пытается провести рубеж между двумя группами людей. В этом случае примечательна следующая цитата, построенная на приеме антитезы:

Immer bunter und bunter wog die Masse der Spaziergänger bei mir vorüber, aber nichts stört mich, nichts kann meine phantastische Gesellschaft verscheuchen. Nur das verwünschte Trio eines höchst niederträchtigen Walzers reißt mich aus der Traumwelt (*E. T. A. Hoffmann. Auswahl. Ritter Glück*).

Свойственное жанру сказки противопоставление иллюстрирует противоречие между материальным и духовным мирами: яркая публика (*bunt*) и мерзкое, отвратительное исполнение вальса (*niederträchtig*). Автор показал, что публика в своей массе отдает предпочтение материальным ценностям, а не духовным.

Примечательно, что в выше приведенной цитате автор использует такое понятие как *Traumwelt* (мир грез), которое можно интерпретировать как внутреннее пространство героя, место, в котором рассказчик находит спасение от суетной толпы, погружаясь в гармоничный мир иллюзий. Автор дважды использует отрицательное местоимение

nichts, подчёркивая, что внутренний мир обладает защитной оболочкой, являющейся гранью между действительностью и фантазией.

Возвращаясь к немецким топонимам, отметим, что автор дважды использует в своем произведении название берлинской улицы die Heerstraße:

Es ist eine breite Heerstraße, da tummeln sich alle herum und jauchzen und schreien: 'Wir sind Geweihte! Wir sind am Ziel' – Durchs elfenbeinerne Tor kommt man ins Reich der Träume; wenige sehen das Tor einmal, noch wenigere gehen durch! (E. T.A. Hoffmann. *Auswahl. Ritter Glück*).

Из приведенной выше цитаты следует, что Геерштрассе представляется автору одной из протяженных улиц Берлина, по которой часто совершают променады изысканные особы. Примечательно, что Гофман сопровождает данное имя существительное определением *breit* (широкий), чтобы создать антитезу и подчеркнуть, что немногие люди из прогуливающейся публики способны проникнуть в настоящий мир искусства (в тексте: *das Reich der Träume*). Для усиления значения данной мысли автор использует повтор местоимения: *wenige* → *wenigere*. Границей между двумя мирами служат ворота. Данное слово писатель употребляет в приведённой выше цитате дважды, привлекая внимание читателя к излагаемому: *durchs Tor* → *das Tor*.

Из символического значения слова *Tor* (ворота, врата) следует, что ворота в своей функции сближаются с дверьми; они указывают на наличие иного пространства за ними и защищают его. Также они наделяются выраженным самостоятельным

значением. Ворота могут выступать в качестве символа силы, власти и могущества города, поскольку площади близ ворот издревле служили торговым центром, местом судебных разбирательств, развлечений, отправления ритуалов [Адамчик, 2010].

Врата в сказке «Кавалер Глюк» выполняют «защитную» функцию мира искусства и отделяют его от мира повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Темпоральные характеристики в сказке «Кавалер Глюк» выражены с помощью различных вербальных средств. Среди них – существительные. Они немногочисленны. Однако существительные подобраны автором так, что они создают особый художественный эффект быстрой смены событий сказки. Контраст (месяцы, года работы – разговор продолжительностью четверть часа), антитеза (день – ночь) в совокупности указывают на повышенный темп повествования.

Лингвистический анализ глагольных форм, употребительных у Гофмана, позволил выявить симметрическую циклическую модель художественного времени сказки.

Наречия с темпоральным значением, употребительные у Гофмана, передают ускоренный ход художественного времени.

Синтаксические конструкции времени используются Гофманом не часто. Однако они передают компактную последовательность действий.

Пространственные параметры сказки наиболее ярко представлены с помощью имен существительных с локальным значением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Келдыш Г. В. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1990.
2. Hoffmann E. T. H. *Auswahl. Ritter Glück*. Moscow: RADUGA, 1984.
3. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
5. Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. М.: АСТ, 2008.
6. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2008.
7. Becker U. *Lexikon der Symbole*. Köln: KOMET Verlag GmbH, 2007.
8. Адамчик М. В. Словарь символов. Минск: Харвест, 2010.

REFERENCES

1. Keldysh, G. V. (1990). *Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar'* = Music Encyclopedia. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
2. Hoffmann, E. T. H. (1984). *Auswahl. Ritter Glück*. Moscow: RADUGA. (In Germ.)
3. Botnikova, A. B. (2005). *Nemezkii romantizm: dialog khudozhestvennykh form* = German romanticism: dialog of artistic forms. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

4. Likhachev, D. S. (1979). Poetika drevnerusskoi literatury = Poetics of Old Russian Literature. Moscow: Nauka.
5. Andreeva, V., Kuklev, V., Rovner, A. (2008). Entsiklopediya. Simvol, znaki, emblemy = Encyclopedia. Symbols, signs, emblems. Moscow: AST. (In Russ.)
6. Vovk, O. B. (2008). Entsiklopediya znakov i simvolov = Encyclopedia of signs and symbols. Moscow: Veche. (In Russ.)
7. Becker, U. Lexikon der Symbole. Köln: KOMET Verlag GmbH, 2007.
8. Adamchik, M. V. (2010). Slovar' simvolov = Dictionary of symbols. Minsk: Kharvest. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Galina Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.03.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	17.03.2023	
	20.04.2023	

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_124

Социофонетические вопросы англоязычного полимодального дискурса

Т. В. Сокорева¹, Т. И. Шевченко²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹t.v.sokoreva@linguanet.ru

²tatashevchenko@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется социофонетический аспект английского полимодального устного дискурса, изучение которого может помочь идентифицировать личность говорящего, определяя как его индексные, так и социально-ролевые характеристики. Сравнивая данные, полученные различными методами, мы можем сделать выводы об их социокультурной значимости и методологической обоснованности для обучения навыкам общения на английском языке.

Ключевые слова: устный дискурс, английский язык, социофонетический аспект, полимодальность

Для цитирования: Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Социофонетические вопросы англоязычного полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 124–130. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_124

Original article

Sociophonetic Issues of English Polymodal Discourse

Tatiana V. Sokoreva¹, Tatiana I. Shevchenko²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹t.v.sokoreva@linguanet.ru

²tatashevchenko@mail.ru

Abstract. The study is focused on the sociophonetic issues of English polymodal oral discourse. Alongside with the cognitive aspect of discourse, the sociophonetic perspective may identify the speaker's personality, including both indexical and social role characteristics. By comparing the data obtained by different methods we can draw conclusions on their sociocultural relevance and methodological validity for teaching English communication skills.

Keywords: oral discourse, English, sociophonetic aspect, polymodality

For citation: Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2023). Sociophonetic Issues of English Polymodal Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 124–130. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_124

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье мы постараемся оценить, в какой степени большой интерес к *полимодальности устной коммуникации*, вызванный потребностями создания полноценных систем искусственного интеллекта, вносит свою лепту в развитие социофонетики как науки о «человеке говорящем» в окружающем речевом сообществе. Социофонетическая перспектива, по нашему мнению, наряду с когнитивными характеристиками дискурса, проявляющимися в особенностях структурирования, сегментирования и объединения речевых актов в соответствии с прагматической направленностью, а также в специфике выделения акцентированных центров, может помочь охарактеризовать личность собеседника с помощью анализа его социально-ролевых и личностных характеристик.

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ

Полимодальность, как известно, наряду с вербальным контекстом, учитывает *невербальные средства*, среди которых просодия к настоящему времени оказалась наиболее изученной. Другие невербальные средства (мимика, жесты, изменения позы, проксемика), ранее описанные психологами, получили доступ в лингвистику только в последние десятилетия.

Так, например, *социальные роли* трех участников судебного процесса в Верховном Суде США (обвинители, защитники, верховный судья) были описаны на основе анализа аутентичной аудиозаписи, которая прилагалась к книге “May it please the court” [Якутина, 2001]. Было установлено, что три социальные роли требуют от юристов высшей категории использования различных ресурсов: диапазона голосов, изменения темпа и пауз [там же]. В отношении сопутствующих жестов, коррелирующих со стратегиями и тактиками двух основных противоборствующих сторон, а также с мелодическим завершением большинства высказываний, только в последние десятилетия появилась возможность использовать видеозаписи в открытом доступе YouTube и описать вышеупомянутые аспекты коммуникации методом сопоставительного анализа [Leonteva, Sokoreva, 2022].

В изучении полимодального дискурса для социофонетики важны два аспекта: *когнитивный* и *социокультурный*. Когнитивный аспект относится к описанию самого процесса речепроизводства в соответствии с прагматической целью

и психофизическими возможностями говорящего. Он определяет следующие функции невербальных средств:

- структурирование текста,
- выделение и усиление смысловых центров,
- иллюстрирование содержания высказывания,
- обеспечение связности текста.

Кроме данных основных функций различают целый ряд невербальных средств, обеспечивающих взаимодействие с собеседником: установление и поддержание контакта, чередование реплик, выражение отношения к высказываемому и к своей аудитории, слушателю или другому говорящему [Горбылева, 2022]. В зависимости от целей исследования разрабатываются различные классификации невербальных средств, параметры и методы их обнаружения и статистического анализа. Так, например, для описания характера жестикуляции, сопутствующей эмоционально насыщенной речи, было необходимо учитывать направление, размах, интенсивность и частотность жестов, а также однонаправленность / разнонаправленность динамики жестов по отношению к сопутствующему мелодическому изменению в речевом отрезке [Ниживинская, 2022]. Это сложная детализированная работа может заменяться методами автоматического транскрибирования и настройки, которые заменяют ручную работу экспертов-фонетистов [Николаева, 2023].

В рамках *когнитивного* подхода к изучению *комбинаторики* различных невербальных средств в речи говорящего могут быть получены данные о личности говорящего через его звуковой образ, но в еще большей степени эти характеристики становятся весомыми при изучении социокультурного аспекта сочетаемости различных невербальных средств, сопоставленных со среднестатистическими данными по *социально-территориальной*, *социально-стратификационной* и *социально-ситуативной* (включая *ситуативно-ролевую*) вариативности. По многим таким параметрам данные весьма противоречивы, поскольку собраны разными методами с использованием различных корпусов звучащей речи. Тем не менее национальная, этническая и территориальная принадлежность, социальный статус, социальная роль в определенной ситуации – все *социокультурные характеристики личности* проявляются в сочетаниях невербальных средств коммуникации, которые говорящий использует в своей речи.

Еще один немаловажный аспект социокультурного плана, связанный с личностью говорящего, состоит в том, что мы не всегда знаем определенно, то ли говорящий выдает себя, невольно раскрывая свою сущность и свои намерения (якобы

«жест не лжет»), то ли субъект речи ведет игру на воздействие на слушателя-зрителя. Такая игра, как правило, связана с определенными стратегиями и тактиками публичной речи, воплощенными в высказываниях по правилам известного социума.

В своих выводах мы можем опираться на известные национальные стереотипы, на собственные наблюдения в личном опыте и на результаты научного анализа. В качестве примеров мы можем привести стереотип жестикулирующих итальянцев или латиноамериканцев, из-за которых англичанин вынужден постоянно пятиться во время разговора, чтобы сохранить свое личное пространство. В англосаксонском дискурсе, таким образом, личное пространство – ключевой момент, исключаящий жестикуляцию собеседника. Вместе с тем СМИ комментировали ошибки в этикете жены американского президента Барака Обамы, которая пыталась обнять английскую королеву; весь мир наблюдал, как Дональд Трамп стряхивал и комментировал (извините) перхоть с костюма своего гостя, французского президента. Как оценивать такие проявления: как дружелюбный жест или желание унижить гостя? Аналогичные смешанные чувства испытывали преподаватели нашего вуза, когда в американском институте переводчиков во время лекции старшего преподавателя, иммигранта с юга России, нам рассказали, что в Нью-Йорке полицейских, которые должны были собирать данные в домах бывших русских, предупреждали, что их будут трогать руками во время разговора, близко подходить и дышать в лицо. Однако мы сами вздрагивали, когда во время того же визита после официальной встречи некоторые американцы норовили похлопать нас по плечу или по спине. Подобно неизменной американской улыбке такие национальные жесты дружелюбия представлялись явно избыточными.

Что касается британской культуры высшего класса, то здесь отмечается минимум внешней выразительности: взгляд и интонация голоса – это все, что выдает намерение говорящего. Очень внимательный испытующий взгляд британских коллег в разговоре говорит о навыке считывания нюансов смысла визуальным методом. Эти особенности сдержанной манеры британцев определенного социального класса нашли подтверждение в специальном исследовании Н. А. Суховой [Сухова, 2004]. В работе О. В. Ниживинской британская манера вести медийный дискурс, несмотря на вариативность эмоционального напряжения в студии, характеризуется как умеренно-экспрессивная, в основном за счет социальной роли ведущего [Ниживинская, 2022].

Социокультурный аспект взаимодействия представителей двух культур можно проверить

на результатах научного анализа видеоролика страноведческого характера, где сопоставляются британская и американская культуры общения. В частности, выводы показывают, что англичанин-интервьюер больше улыбается, чем американские гости его студии [Генделев, Цибуля, 2023]. В соответствии с авторскими комментариями мы склонны объяснять этот факт другим социокультурным фактором – социальными ролями интервьюера и гостей его студии.

СООТНЕСЕННОСТЬ ЖЕСТА И ТОНА: РАЗНЫЕ РЕШЕНИЯ

Рассмотрим данные, полученные разными исследователями, относительно соотнесенности жеста и тона (мелодического завершения отрезка речи). Параметры, которые задавали себе разные авторы, варьируют: к ним относятся, прежде всего, синхронность, повторяемость и частотность жеста, его однонаправленность / разнонаправленность и широта маха, все в соотнесенности с максимальными показателями частотных параметров (пиками), измеряемыми акустически.

В целях изучения закономерности во взаимодействии мелодики и жестикуляции лингвисты проанализировали отрывки подготовленной публичной речи, направленной на массовую аудиторию [Левина, Арнова, 2015]. В ходе исследования были изучены 254 интонационные группы, содержащие определенные лексические концепты, которые, по мнению авторов, помогают говорящему создать запланированный образ, а также способствуют внедрению и закреплению определенных идей в сознании аудитории, поскольку именно эти участки речи несут основную персуазивную нагрузку. Внутри интонационных групп рассматривались такие мелодические единицы, как терминальный тон и предтерминальная часть, шкала, поскольку, согласно авторам исследования, именно эти элементы играют самую важную роль в формировании мелодического контура высказывания.

Проведя аудиторский и электронно-акустический анализ образцов публичной речи с помощью компьютерной программы PRAAT, исследователями были определены параметры направления движения шкал и терминальных тонов, а также установлен характер сопровождающих жестов для каждой из анализируемых единиц речи.

Пытаясь установить симметрию (однонаправленность) или асимметрию (разнонаправленность) мелодического контура (шкала + терминальный тон) и сопутствующих жестов в выступлениях таких ораторов, как Стив Джобс, Билл Гейтс и др., авторы обнаружили, что в 62 % случаев происходит

полное совпадение направления движения жеста и предтерминальной и терминальной частей высказывания. В 24 % наблюдается частичное совпадение исследованных параметров, т. е. идентичны лишь векторы жеста и тона.

В задачи данного исследования также входило определение участка интонационной группы, на который приходится пик жеста, который, в случае совпадения его временного расположения с терминальным тоном, способствует созданию логически оформленного и ритмически завершенного высказывания. Предположение о совпадении терминального тона и пика жеста подтвердилось в 68 % высказываний. Данный статистический показатель чрезвычайно значим. Он свидетельствует о том, что корреляция мелодического контура фразы и сопутствующего ей жеста осознанно используется говорящими для максимального воздействия своей речи на целевую аудиторию [Левина, Арнова 2015].

Для сравнения приведем данные, полученные на материале видео корпуса русского языка, который использовался в работе Ю. В. Николаевой о корреляции между направлением движения тона во фразовом акценте и направлением движения руки в жесте [Николаева, 2023]. Исследуя образцы корпуса монологической речи, автор определяет три типа движения тона на ударном слоге акцентоносителя (слова, произнесенного с тоном) – восходящий, нисходящий и ровный, а также три варианта направления движения руки в жесте относительно вертикальной оси – вверх, вниз, горизонтально.

Важно отметить, что в рамках анализа жестовой составляющей имеются определенные ограничения. Так, например, жесты, соответствующие одному слову или словосочетанию, выполняющие одну функцию и представляющие собой кинетическое целое, рассматривались как один жест. Также сопоставление проводилось между единицами исследования и совпадающими с ними по времени максимумами жеста. В свою очередь в случае присутствия двух тонов в пределах одного жеста решение о выборе одного из них было основано на показателях компьютерной программы анализа речи – в анализ включался тон, реализуемый на ударном гласном звуке или акустически и визуально наиболее выделенный из двух.

Согласно результатам анализа, параллелизм направления жеста и тона в проанализированных образцах отсутствует, поскольку автором было обнаружено, что для всех типов акцентов (тонов) наибольшая доля жестов была направлена вниз, а наименьшая – вверх, также не наблюдались различия в сочетании направления движения тона и направления руки в жесте между отдельными

типами жестов. Что касается совпадения жеста с ударным слогом акцентируемого слова, данное явление встречается гораздо чаще в повторяющихся жестах по сравнению с однократными (уникальными) жестами, где полученные данные находятся на грани статистической значимости. И хотя направления жеста и мелодического тона в повторяющихся жестах формально совпадают, в последнем жесте цепочки наблюдается рассинхронизация жеста и ударного слога акцентируемого слова. Данная модель, согласно автору, требует дополнительного изучения на большем объеме материала [Николаева, 2023].

Для настоящего обзора важен отрицательный результат, противоречащий данным по англоязычному дискурсу, что требует особого осмысления в плане методического сопровождения при обучении фонетической культуре английской речи. В английском языке, как показали многочисленные социо-территориальные исследования просодии, в стандартном британском южно-английском произношении доминирует нисходящий тон, в то время как восходящий тон характеризует диалектную или молодежную речь.

Для выявления взаимосвязи между мелодическими характеристиками речи и жестикуляцией в аргументированном судебном дискурсе, были проанализированы конфигурации терминальных тонов, которые, в свою очередь, соизмерялись с сопровождающими их жестами рук. Анализ устной речи производился на материале вступительных заявлений сторон защиты и обвинения в американском суде [Leonteva, Sokoreva, 2022]. В рамках данного исследования с помощью компьютерной программы ELAN было проведено аннотирование жестов с их последующей классификацией на репрезентативные, рекуррентные и указательные. Аннотация мелодических контуров, в частности, определение границ и основного направления терминальных тонов, была выполнена в программе PRAAT, текстовые файлы которой были впоследствии добавлены в программу ELAN для осуществления сопоставительного анализа. Все описанные в речевых образцах тоны были объединены в три группы: нисходящие (включающие все конфигурации нисходящих и восходяще-нисходящие), восходящие (включающие все конфигурации восходящих и нисходяще-восходящие) и ровные.

В результате данного исследования были установлены специфические невербальные характеристики речи, нацеленные на убеждение коллегии присяжных и способствующие созданию в высшей степени убедительных высказываний главных участников судебного процесса. Так, согласно полученным данным, в выступлениях и стороны

защиты, и стороны обвинения превалируют нисходящие интонационные контуры, причем для представителей защиты типичны также незавершенные ровные тоны. Кроме того, в речи всех участников судебного дискурса было отмечено преобладание рекуррентных жестов в сочетании с нисходящими терминальными тонами [Leonteva, Sokoreva, 2022].

Соотношение просодии, а именно показателей частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности звукового сигнала и жестов-иллюстраторов изучалось на материале страноведческого дискурса, а именно диалогической речи представителей английской и американской культур [Генделев, Цибуля, 2023]. Выявленные авторами тенденции взаимодействия жестов, включая жесты руки и головы, телодвижения, смену позы, направление взгляда, движение бровей и улыбку, и просодических показателей свидетельствуют об их тесной взаимосвязи. Так, например, взаимодействие трех исследуемых параметров, а именно мелодики, громкости речи и кинесических средств, было обнаружено в 51 % случаев от общего числа проанализированных корреляций, в то время как соотношение жестов исключительно с показателями частоты основного тона, где пик ЧОТ находился в терминальном тоне, было выявлено в относительно небольшом количестве исследованных случаев (15 % у американцев, 9 % у англичанина) [Генделев, Цибуля, 2023]. Очевидно, что при изучении взаимодействия просодии и жестикულიции в устном дискурсе необходимо анализировать полный спектр просодических компонентов, не ограничиваясь лишь мелодическим контуром.

Исследование О. В. Ниживинской было сосредоточено на определении характера взаимодействия просодических и невербальных кинесических средств в раскрытии модального содержания высказывания в англоязычном информационно-дискуссионном медиадискурсе [Ниживинская, 2022]. На материале программы «Hard Talk» («Серьезный разговор»), соединяющей в себе черты официально-деловой, нейтрально-деловой и публичной речи, автор установила, что определение вида речевого акта и их классификации с учетом других аспектов модальности осуществляется при обязательном включении в анализ просодических характеристик высказывания, таких как диапазон высоты голоса, громкость, темп (скорость произнесения и паузация) и тембр.

О. В. Ниживинская установила, что наличие невербальных характеристик в речи участников разговора в 7–8 раз превосходит по частотности случаи его отсутствия. Речевые акты макроуровня характеризуются постоянным жестовым сопровождением, а для отдельных интонационных групп присутствие жеста высоко вероятно ($\approx 85\%$).

Наличие невербальных средств, таким образом, выступает как коммуникативно ценная характеристика, интенсифицирующая передаваемое модальное значение и обеспечивающая его восприятие слушателем / зрителем.

Просодические невербальные характеристики высказывания, согласно автору исследования, демонстрируют согласованность и параллелизм не только с точки зрения временной совмещенности, но и в плане связанных с ними модальных значений, что позволяет признать однонаправленное взаимодействие естественной формой сосуществования просодических и невербальных средств коммуникации. Такая сопряженность является частью сложного когнитивно-коммуникативного механизма формирования взаимной структуры лингвистических и паралингвистических средств, служащей интенсификации речевого воздействия на собеседника [Ниживинская, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Особенности полимодального англоязычного дискурса включают в себя не только своеобразие британской и американской культур, но и речевое поведение представителей других культур, которые используют английский язык для межнационального общения. В связи с этим характерные сочетания невербальных средств, в том числе жест и мелодику, описанные для русского языка, могут существенно объяснить интерференцию на уровне неосознанных навыков невербального оформления речи русскоязычными обучающимися. В то же время, как показал наш опыт работы с мелодикой английской речи в русскоязычной аудитории, такое знание может способствовать совершенствованию методических приемов коррекции и усвоения частотных моделей английского нисходящего тона.

2. Результаты научного анализа соотносительности жеста и тона, полученные различными методами на видеоматериалах различной стилистической и прагматической направленности, свидетельствуют о важности учета факторов социальной ситуации и социальных ролей участников дискурса. В работах, представленных выше, специфика полимодального общения определяется соответствием говорящих к институциональному, медийному или бытовому типу межличностной коммуникации. Сообразно типам коммуникации обычно различают социальные роли ведущих и гостей студии в телепередачах.

3. Независимо от характера изученного материала, методов и специальных программ описания

жестов и сопутствующей мелодики все исследователи пришли к единому выводу относительно полной или частичной соотнесенности жеста и тона акцентируемых слов/словов, подчеркивающих и

усиливающих смысл высказывания. Вместе с тем все явления речевой моторики служат социально-культурной, социально-личностной и социально-ролевой характеристикой каждого говорящего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якутина М. В. Просодические характеристики трех социальных ролей американских юристов (на материале заседаний верховного суда США) // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. Вып. 462. М.: Рема, 2001. С. 164–176.
2. Leonteva A., Sokoreva T. Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction. In S. R. M. Prasanna et al. (Eds.): SPECOM 2022, LNAI, vol. 13721. Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 416–425.
3. Горбылева А. В. Фонетические средства взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге (на материале корпуса американской разговорной речи университета Санта-Барбара): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
4. Ниживинская О. В. Просодические и невербальные средства передачи модального содержания высказывания (экспериментальное исследование на материале англоязычного медиадискурса): дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2022.
5. Николаева Ю. В. Жесты и просодия: движение тона и руки. «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей // Сборник статей к 80-летию О. Ф. Кривновой. М.: Буки Веди, 2023. С. 124–137.
6. Сухова Н. В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
7. Генделев И. Д., Цибуля Н. Б. Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_41
8. Левина Т. В., Арнова Н. В. К вопросу о симметричности контуров мелодики и кинетически выделенных жестов в публичном выступлении в персуазивно-прагматическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. 2015. Вып. 1 (712). С. 135–142.

REFERENCES

1. Yakutina, M. V. (2001). Prosodicheskie harakteristiki trekh social'nyh rolej amerikanskih yuristov (na materiale zasedanij verhovnogo suda SShA) = Prosodic characteristics of three social roles of American lawyers (based on the proceedings of the US Supreme Court). Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 462, 164–176 Moscow: Rema. (In Russ.)
2. Leonteva, A., Sokoreva, T. (2022). Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction. In S. R. M. Prasanna et al. (Eds.): SPECOM 2022, LNAI, 13721, 416–425. Springer Nature Switzerland AG, Switzerland
3. Gorbyleva, A. V. (2022). Foneticheskie sredstva vzaimodejstviya sobesednikov v spontannom dialoge (na materiale korpusa amerikanskoj razgovornoj rechi universiteta Santa-Barbara) = Phonetic means of interlocutors' interaction in spontaneous dialogue (based on the Corpus of American Colloquial Speech of Santa Barbara University): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Nizhivinskaya, O. V. (2022). Prosodicheskie i neverbal'nye sredstva peredachi modal'nogo sodержaniya vyskazyvaniya (eksperimental'noe issledovanie na materiale angloyazychnogo mediadiskursa) = Prosodic and nonverbal means of transmitting the modal content of an utterance (experimental study based on the material of English media discourse): PhD in Philology. Minsk. (In Russ.)
5. Nikolaeva, Yu. V. (2023). Zhesty i prosodiya: dvizhenie tona i ruki = Gestures and prosody: tone and hand movement (pp. 124–137). In L. M. Zaharov et al. (Eds.): «...Forward and up the sounding stairs.» Collection of articles for the 80th anniversary of Olga Fedorovna Krivnova. Buki-Vedi, Moscow. (In Russ.)
6. Suhova, N. A. (2004). Vzaimodejstvie prosodii i neverbal'nyh sredstv v monologicheskoy rechi (na materiale anglijskih dokumental'nyh fil'mov) = Interaction of prosody and nonverbal means in monologue speech (based on the material of English documentaries): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

7. Gendelev, I. D., Tsibulya, N. B. (2023). Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Communication (based on British and American cross-cultural discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 41–47. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_41. (In Russ.)
8. Levina, T. V., Arnova, N. V. (2015). On the symmetry of the contours of melody and kinetically isolated gestures in a public speech in persuasive-pragmatic discourse (based on the American variant of the English language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and literary studies, 1(712), 135–142. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сокорева Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Шевченко Татьяна Ивановна

профессор, доктор филологических наук
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokoreva Tatiana Viktorovna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of English Phonetics
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Shevchenko Tatiana Ivanovna

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of English Phonetics
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.03.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	17.03.2023	
	20.04.2023	

Перцептивно-продуктивная связь в условиях просодической русско-английской интерференции (на примере терминальных тонов)

Н. В. Сухова

Национальный исследовательский технологический университет МИСИС, Москва, Россия
suhova.nv@isis.ru

Аннотация. Перцептивно-продуктивная связь в основном исследуется на сегментном уровне. В данной работе проводится анализ восприятия и порождения терминальных тонов (место слова с ядерным тоном и его характеристики) в английской речи русскоговорящих людей с разной степенью владения языком. Два проведенных эксперимента подтвердили корреляцию между выбором местоположения слов с терминальными тонами и тоновыми характеристиками при восприятии и речепорождении. Задание на восприятие показало, что местоположение тона совпадает примерно в 50 % случаев, что соответствует 56 % в задании на речепорождение. В задании на восприятие до 25 % случаев характеристики тонов совпадают, что в задании на речепорождение соответствует 27 %.

Ключевые слова: перцептивно-продуктивная связь, просодическая интерференция, ядерный тон, интонационная группа, русский вариант английского языка

Для цитирования: Сухова Н. В. Перцептивно-продуктивная связь в условиях просодической русско-английской интерференции (на примере терминальных тонов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 131–137. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_131

Original article

The Perception-Production Link in the Russian-English Prosodic Interference (the Case Study of Terminal Tones)

Natalya V. Sukhova

National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia
suhova.nv@isis.ru

Abstract. The perception-production link has been studied mainly on the segmental level. The paper examines the perception and production of terminal tones (their placement, pitch level and movement) by Russian learners of English with different level of language proficiency. Two experiments have resulted in a correlation between the cases when the tone placement and its characteristics are identical. The former has shown up to 50 % of corresponding tone placement cases and the latter – 56 % of cases. The perception task has revealed up to 25 % of corresponding tone descriptions and in the production task there are 27 % of such cases.

Keywords: perception-production link, prosodic interference, nuclear tone, tone unit, Russian English variety

For citation: Sukhova, N. V. (2023). The Perception-Production Link in the Russian-English Prosodic Interference (the case study of terminal tones). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 131–137. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_131

INTRODUCTION

Humans vary in many ways. There is significant scientific evidence of considerable variation among speakers in language acquisition and processing [Kidd et al., 2018]. The background context of this evidence is twofold.

Firstly, the present study focuses on a result of foreign language acquisition, i.e. a foreign language proficiency. More concretely, the relationship between the perception of tonal units (other terms are: syntagms, sense-group, tone unit, intonational phrase, etc. [Roach, 2009; Vassilyev et al., 1980; Crystal, 1972]) and the free speech production is under scrutiny. A universal variant of a tonal unit is defined here as a stretch of speech semantically and prosodically complete; there is a nuclear tone there as an indispensable part and a perceivable pause at the unit's right edge.

Secondly, regardless of a vast research scope in the field [Метлюк, 1985; Вишневская, 1989; Первезенцева, 1996], prosodic interference in the Russian-English speech needs further investigation. Considering Russian as a Russian variety of the English language brings new insights into the understanding how both languages interact [Proshina, 2016]. The proponents of this idea suggest that "Russian English includes acrolectal, esolectal, and basilectal forms and usages depending on the user's proficiency, state of mind, and context of situation" [Proshina, 2016, p. 202]. In other words, the language proficiency is one of the distinctive features of a foreign language production and perception which can account for the interpersonal differences and be viewed as a reliable framework for the "-lects" stratification in Russian English.

The present study aims at analyzing perception-production link in the linguistic performance of the Russian learners of English. The research pinpoints the correlation between the perception task and the speech production task with the regard to a comparative study of two experimental variants different in language proficiency (the expert vs students' tasks performance). More precisely, the research addresses the following questions:

1) How accurate (0–100 % of cases) do the Russian learners of English perceive the meaningful information center (or focus; phrasal rheme) of the English phrases¹?

2) How accurate (0–100 % of cases) do they perceive the nuclear tones?

3) How often do the Russian learners of English accentuate the meaningful information center (or focus; phrasal rheme) in their English phrases?

4) What are the tones they employ to the meaningful information centers in their English phrases?

PERCEPTION-PRODUCTION LINK

The speech perception neuroanatomy has been difficult to characterize. Perceptual tasks cause the difficulty: "tasks that require access to the mental lexicon (i. e. accessing meaning-based representations) rely on auditory-to-meaning interface systems in the cortex" [Hickok, Poeppel, 2000, p. 131], which is different from those that are required in tasks of syllable discrimination or segment identification [Wang et al., 2023; Steffman et al., 2022].

A body of previous research has suggested several explanatory models for perceptual difficulties nonnative learners face. For instance, the *Second Language Linguistic Perception model* focuses on learners' exploitation of acoustic cues in forming phonemic boundaries. The *Perceptual Assimilation Model* and its extension for nonnative speakers – The *Perceptual Assimilation Model L2* [Tyler, 2021] – attempts to explain the perception of phonotactic sequences and their boundaries.

The nature of perception-production link is not yet well-established [Lotto, Hickok, Holt, 2008]. The *Motor Theory* (MT) of speech perception with the discovery of mirror neurons have been revisited. The MT central tenets are contradictory to the latter. For the present study it is crucial to pinpoint that "it is possible that production can aid perception, especially in challenging listening situations" [Lotto, Hickok, Holt, 2008, p. 112]. Some scholars have proposed that "speech 'production' relies on speech 'perception' and the shared representations are auditory and general (non-linguistic)" [Lotto, Hickok, Holt, 2008, p. 112]. Thus, the exact nature of this relationship remains to be discovered, "existing evidence strongly indicates that perceptual systems have a much stronger influence on production than motor systems have on perception" [Lotto, Hickok, Holt, 2008, p. 112].

PROSODIC INTERFERENCE

Interestingly, the perception-production link implicitly has been in the focus of Russian phonetic research in the line with linguistic interference

¹Phrase consists of more than one tonal unit.

[Вишневская, 1989]. Describing the foreign accent features, V. A. Vinogradov infers that “I do not hear as it is; that is the starting point of a foreign accent”¹ [Виноградов, 1976, p. 52].

The interference as a phenomenon may be viewed in different perspectives taking into account what has already been achieved in this field with cutting-edge contemporary research.

Phonetic (segmental level), prosodic (prosodic speech characteristics) and intonational (melodic, rhythmical, temporal, etc.) types of interference are well-established through the native vs nonnative phonetic and phonological representations in a foreign speech. These representations form a third language: it can be Russian English [Proshina, 2016]; it can be interlanguage; it can be an interfered variant with a different degree of a foreign accent.

Regardless of those approaches, the empirical observations of foreign speech production demonstrate a vast pool of its new characteristics which reveal how the first language (L1) functions and how the foreign language (FL) reciprocates to such interaction. In other words, these observations allow enriching our knowledge of the Russian language (its current phonetic and phonological state) and revising the interrelations between English and Russian.

MATERIAL AND METHODOLOGY

Experiment 1. Eighty 2-year students (aged 18–19 years old; 3 seminar groups) were included in the experiment (Autumn 2022). They had to complete a perception task within a curriculum of “Theoretical Course on Phonetics” (Autumn 2022). The task was graded.

The students had to watch a 3-minute video², find the English equivalents for the given Russian phrases and mark the nuclei of the phrase as indicated: a word and a nuclear tone which this word takes. The Russian phrases were given with the exact number of nuclei which should be found in the phrase (see Example 1):

Example 1: но до тех пор, пока они не созрели, их невозможно есть (они абсолютно несъедобны) [2 просодических ядра].

The task contained a closed list of nuclear tones (the list is adopted from the Intonation Contour

System devised by E. Ya. Antipova and coauthors [Antipova et al., 1985] which students could and had to discern.

- LF – Low Fall
- LR – Low Rise
- HF – High Fall
- HR – High Rise
- FR – Fall-Rise
- RF – Rise-Fall
- HL – High Level
- ML – Mid Level
- LL – Low Level

The choice of these particular tones is justified by the fact that during their first-year studies these were the tones they had covered. On the other hand, exactly these tones were found in the discussed video episode. The expert annotation of the phrases was conducted and agreed upon by two course teachers (an author of the article is included).

The time to do the task was not limited, it was a home task.

The students’ work looked like that as a result (see Fig. 1, 2).

2) но до тех пор, пока они не созрели, их невозможно есть (они абсолютно несъедобны) [2 просодических ядра]
but until they are **ripe** they remain **completely** inedible **LF, HR**

Fig. 1. An example of the student’s work

2) но до тех пор, пока они не созрели, их невозможно есть.
2) but until they’re ripe, they remain completely inedible / ripe – HR, inedible – LF.

Fig. 2. An example of the student’s work

The expert piece is presented below (see Fig. 3).

2) но до тех пор, пока они не созрели, их невозможно есть (они абсолютно несъедобны) [2 просодических ядра]
but until they’re ripe they remain completely inedible
ripe – HF
inedible – HF

Fig. 3. An example of the expert annotation

The experts marked 11 words as the words bearing a nuclear tone, and 11 correct tones, respectively, falling onto those words. The range of tones were: LF; HF; HL / ML; FR.

All the students’ works were analyzed and marked as shown in Fig. 4: the number of correct nuclear words and the number of correct nuclear tones were assessed.

¹The Russian original text is this: «Слышу не так» – это и есть отправной момент иностранного акцента». Translation is mine. – N.S.

²BBC Earth. «Meet the Face-slapping Food Thief». URL: Macaques SLAP Squirrels And Steal Their Food | Primates | BBC Earth– YouTube

Assignment comments

- 1) + / +;
- 2) +/-; + / -;
- 3) -/-; +/-;
- 4) -/-; -/-; +/-;
- 5) +/-; -/-; +/-.

7/11 nuclei are correct; 4/11 tones are correct

Fig. 4. An example of an assessed student's work, where: + / – means that the word bearing a nuclear tone is correct, however the nuclear tone on it is defined incorrectly

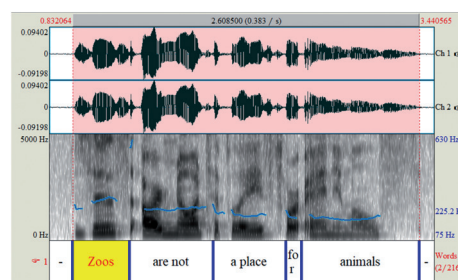

Fig. 5. An example of a textgrid for the experiment

All the data on the words and the tones were summarized across the groups and in total.

Experiment 2. The participants of the experiment were the 2-year students (aged 18–19) who attended the course “Voice Coaching” (Autumn 2021 – Spring 2022). The students had to prepare an essay of 150–200 words long. The topic was free. After writing and intoning the piece, they had to present it orally in class and then record it. The recorded essay was submitted as a home task to the Learning Management System *Canvas*. The audio version of the essay is a semi-prepared reading.

The narrow experimental scope (one recording) was selected out of 76 essays for the pilot study of prosodic interference in speech production. The file duration is 95 seconds. The audio file was analyzed in *Praat*¹. There was the textgrid created and the further acoustic analysis conducted. The textgrid presented a “word tier” with the word segmentation (see Fig. 5).

The audio file was word-segmented to facilitate the auditory and acoustic analysis in *Praat*. Parallely, information from *Praat* was registered in the Excel table in a twofold manner:

- 1) a nuclear word and its tone as in the original, how the student pronounces it; and
- 2) an expert annotation by the author of the article (see the annotation algorithm in Table 1).

¹Boersma, Paul & Weenink, David (2023). Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.3.09, retrieved 2 March 2023 from <http://www.praat.org/>

The comparative analysis of two annotations consolidates the variability of Russian English of B1–B2 and C1–C2 proficiency levels.

The annotation table (see Table 1 as an example) showed:

- 1) the number of student's tone units and the number of expert's tone units;
- 2) the words which take the nuclear tone (student's variant vs expert's variant);
- 3) the description of the nuclear tone which the picked word takes (its pitch level and its tone movement).

The tone nomenclature was selected in accordance with E. Ya. Antipova and colleagues [Antipova et al., 1985] to adjust to *Experiment 1*. However, in the student's speech there were tones which needed more descriptive details for the annotation accuracy than only the tone direction and its pitch level. Thus, the characteristics of the tonal end were considered, e.g. FL – Falling Level, means the melody falls down but the fall is not complete, the fall turns into the level tone.

RESULTS AND DISCUSSION

Experiment 1. The perception experiment has shown that across all three groups the results were approximately the same. Fig. 6 indicates the vertical y-axis is a number of students and the horizontal x-axis is a number of cases (there were 11 prominent words and 11 correct nuclear tones on these words).

Table 1

AN EXAMPLE OF THE AUDIO FILE ANNOTATION TABLE

File name	Number of tone units		Nuclear word		Nuclear tone	
	an expert	a student	an expert	a student	an expert	a student
PrA_3	31	36		not		HF
			animals	animals	LF	LF
			nowadays	nowadays	FR	HF

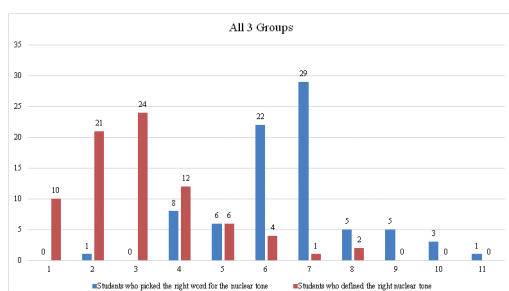

Fig. 6. The total numbers of the right choice of nuclear words and nuclear tones by all 80 students (3 groups)

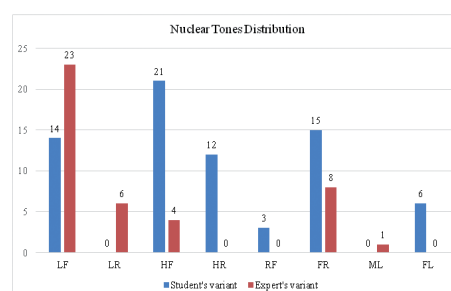

Fig. 7. Nuclear tone distribution in the expert's annotation and the student's speech

Thus, for example, the figures show that there were 29 students (students are marked in blue) out of 80 who picked up 7 right nuclear words out of 11 total; however, there was only 1 student out of 80 who defined 7 right nuclear tones out of 11 total.

Fig. 6 shows a tendency for the students to be quite good at defining the right prominent word: 29 students have chosen more than 50 % of right words. There was 1 student who picked up 100 % of right words. If measured in absolute figures (percent) than the results are even more illustrative (see Table 2).

Table 2 demonstrates that 73 % of students picked up 25–50 % of right words and only 4 % of students picked up 75–100 % of right words. There are 87 % of students who defined correctly only 0–25 % of nuclear tones. Nobody defined 75–100 % of nuclear tones correctly.

These findings attest that the choice of the information focus, i.e. the perception of the right word which takes the nucleus, is similar in 50 % of cases may be due to its illocutionary meaning rather than the perceived prominence. The right tone perception has very low score (0–25 % cases), which addresses the issue of pitch discrimination in L1 and L2, e.g. see [Aaron et al., 2023].

Experiment 2. The narrow research scope showed that there are 31 expert syntagms versus 36 student's syntagms. It is consistent with the previous research on English phonetics which prompts that the English phrase delimitation is less frequent than in the Russian language [Вишневская, 1989]. In other words,

there are more syntagms in Russian. Our data proves the fact with the outnumbered student's syntagms.

There are 73 prominent words which take the nuclear tone in the student's speech whereas there are 42 of those in the expert's annotation. Forty words in this set coincide. More concretely, around 56 % of the words which both the student and the expert consider prominent and nuclear tone bearing are the same.

There are 11 cases out of 40 similarly placed nuclear tones which coincide in tonal description. That means that the tone pitch level and its tonal direction are identical in both variants. It amounts to 27 % of cases when the student has the same tone on the same word as an expert. This fact correlates with the perception task results.

Fig. 7 demonstrates the prevalence of Low Falling tone and Fall-Rising tone in the expert's annotation, the number of cases is calculated. The student uses more High-Falling tone, High-Rising tone and Fall-Rising tone in her speech. The student's speech peculiarity is the use of incomplete Falling tone, which is the Russian tone 'niskhodyashchiy rovnyi' (нисходящий ровный).

The tone usage is consistent with the phrase illocutionary meaning which can be understood very subjectively by the speaker. However, if opined, on the one hand falling tone is a feature of a narrative; they are frequent in Russian (84 % according to N.V. Cheremisina [Черемисина, 1989]), on the other hand, falling tones are perceived the best, e.g. see [Первезенцева, 1996].

Table 2

RESULT EVALUATION IN PERCENTAGE

Cases of words and tones (%)	Students who picked up the right words which take the nuclear tone (%)	Students who picked up the right tone which take the prominent word (%)
0-25	11	87
25-50	73	10
50-75	12	3
75-100	4	0

CONCLUSIONS

The present study has had some questions. The experiments have provided the answers to them. The perception task has shown that 73 % of students discern the tone placement in 25–50 % of cases and 87 % of students are right in the tone description (its pitch level and movement) in 0–25 % of cases. The production task reveals that tone placement coincides in a student's speech and an expert's annotation in 56 % of cases. There are 27 % of cases when the word and its nuclear tone features are similar in both variants.

As a result, the data demonstrates the perception-production link where there are up to 50 % of corresponding tone placement cases in the perception task and 56 % of such cases in the production task, respectively. The perception task has revealed up to 25 % of corresponding tone descriptions and in the production task there are 27 % of such cases.

The concomitant figures testify that the tone placement is more accurate in the Russian learners (50–56 %) both as a perception and as a production task, than the tone description (25–27 %). It may result from the fact that the illocutionary phrasal meaning is more connected with the general communicative aim which prompts where the rhemes are to be placed. The main difficulty has arisen in tone description in both experiments. The way one perceives the tone is the way s / he produces it.

It has been also hypothesized that the English proficiency can be a decisive factor in the perception-production link in Russian learners. Great differences in the annotators' and students' performance display the connection. Here the idea of Russian English acrolect and mesolect tends to uncover.

Furthermore, the present study findings open up a revisited pedagogical path in teaching suprasegmental elements to Russian learners of English.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kidd E., Donnelly S., Christiansen M. H. Individual differences in language acquisition and processing // *Trends in Cognitive Science*. 2018 Vol. 22(2). P. 154–169.
2. Roach P. *English Phonetics and Phonology: A Practical Course*. 4th Edition. Cambridge University Press. 2009.
3. Васильев В. А. [и др.] *Курс английской фонетики: нормативный курс* / В. А. Васильев, А. Р. Катанская, Р. Д. Лукина, Л. П. Маслова, Е. И. Торсуева. М.: Высшая школа, 1980.
4. Crystal D. The intonational system of English // *Intonation*. D. Bolinger (Ed.). Harmondsworth, etc. 1972.
5. Метлюк А. А. *Просодическая интерференция в иноязычной речи*. Минск, 1985.
6. Вишневская Г. М. О нарушениях темпоральной организации звучащей речи в условиях просодической интерференции // *Просодическая интерференция*. Иваново, 1989. С. 22–30.
7. Первезенцева О. А. Построение просодической модели структурной организации речевого акта в английском языке (в условиях русско-английской интерференции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
8. Proshina Z. G. Legitimacy of Russian English. *Procedia // Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 236. P. 201–206.
9. Hickok G., Poeppel D. Towards a functional neuroanatomy of speech perception // *Trends in Cognitive Science*. 2000. Vol. 4 (4). P. 131–138.
10. Wang Y. et al. Same vowels but different contrasts: mandarin listeners' perception of English /ei/-/i:/ in unfamiliar phonotactic contexts / Y. Wang, R. L. Bundgaard-Nielsen, B. J. Baker, O. Maxwell // *Journal of Phonetics*. 2023. Vol. 97. 101221.
11. Steffman J. et al. Prosodic phrasing mediates listeners' perception of temporal cues: Evidence from Korean Accentual Phrase / J. Steffman, S. Kim, T. Cho, S.-A. Jun // *Journal of Phonetics*. 2022. Vol. 94. 101–156.
12. Tyler M. D. Phonetic and phonological influences on the discrimination of nonnative phones / R. Wayland (Ed.) // *Second language speech learning: Theoretical and empirical progress*. Cambridge University Press. 2021. P. 157–174.
13. Lotto J. A., Hickok G. S., Holt L. L. Reflections on mirror neurons and speech perception // *Trends in Cognitive Sciences*. 2008. Vol. 13 (3). P. 111–114.
14. Виноградов В. А. *Лингвистические аспекты обучения языку*. Вып. 2: К проблеме иноязычного акцента. М., 1976.
15. Антипова Е. Я., Каневская С. Л., Пигулевская Г. А. *Пособие по английской интонации (на английском языке)*. М.: Просвещение, 1985.
16. Aaron A. S. et al. The relationship between pitch discrimination and fundamental frequency variation: Effects of singing status and vocal hyperfunction / A. S. Aaron, D. Abur, K. P. Volk, J. P. Noordzij, L. F. Tracy, C. E. Stepp // *Journal of Voice*. 2023. Vol. 3. (In press).
17. Черемисина Н. В. *Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь* М.: Русский язык, 1989.

REFERENCES

1. Kidd, E., Donnelly, S., Christiansen, M. H. (2018). Individual differences in language acquisition and processing. *Trends in Cognitive Science*, 22(2), 154–169.
2. Roach, P. (2009). *English Phonetics and Phonology: A Practical Course*. 4th Ed. Cambridge University Press.
3. Vassilyev, V. A. et al. (1980). *English Language Phonetics: A Normative Course*. M.: Vysshaya Shkola. (In Russ.)
4. Crystal, D. (1972). The intonational system of English. In D. Bolinger (Ed.) *Intonation*. Harmondsworth.
5. Metlyuk, A. A. (1985). Prosodicheskaja interferencija v inozazychnoj rechi = Prosodic interference in a foreign speech. Minsk. (In Russ.)
6. Vishnevskaya, G. M. (1989). O narusheniyakh temporal'noy organizatsii zvuchashchey rechi v usloviakh prosodicheskoy interferentsii = Temporal speech organization distortion in Russian-English interference conditions. *Prosodicheskaya interferentsiya* (pp. 22–30). Ivanovo. (In Russ.)
7. Pervezentseva, O. A. (1996). Postroenie prosodicheskoy modeli strukturnoj organizatsii rechevogo akta v anglijskom jazyke (v uslovijah russko-anglijskoj interferencii) = Prosodic model design of speech act structural organization in the English language (in Russian-English interference conditions): abstract of PhD in Philology. (In Russ.)
8. Proshina, Z. G. (2016). Legitimacy of Russian English. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 236, 201–206.
9. Hickok, G., Poeppel, D. (2000). Towards a functional neuroanatomy of speech perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 4(4), 131–138.
10. Wang, Y. et al. (2023). Same vowels but different contrasts: mandarin listeners' perception of English /ei-/i:/ in unfamiliar phonotactic contexts. *Journal of Phonetics*, 97, 101221.
11. Steffman, J. et al. (2022). Prosodic phrasing mediates listeners' perception of temporal cues: Evidence from Korean Accentual Phrase. *Journal of Phonetics* 94, 101156.
12. Tyler, M. D. (2021). Phonetic and phonological influences on the discrimination of nonnative phones. In R. Wayland (Ed.), *Second language speech learning: Theoretical and empirical progress* (pp. 157–174). Cambridge University Press.
13. Lotto, J. A., Hickok, G. S., Holt, L. L. (2008). Reflections on mirror neurons and speech perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 13(3), 111–114.
14. Vinogradov, V. A. (1976). *Linguisticheskiye aspekty obucheniya yazyky = Linguistic Aspects Language Teaching*. Vol. 2: K probleme inozazychnogo aktsenta v fonetike. (In Russ.)
15. Antipova, E. Ya., Kanevskaya, S. L., Pigulevskaya, G. A. (1985). *Posobie po anglijskoy intonatsii (na anglijskom jazyke) = English Intonation Manual (in English)*. Moscow: Prosveshchenie.
16. Aaron, A. S. et al. (in press, 2023). The relationship between pitch discrimination and fundamental frequency variation: Effects of singing status and vocal hyperfunction. *Journal of Voice*.
17. Cheremisina, N. V. (1989). *Russkaja intonacija: poezija, proza, razgovornaja rech' = Russian Intonation: poetry, prose, colloquial speech*. M.: Russkij jazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухова Наталья Витальевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
Института базового образования
Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukhova Natalya Vitalievna

PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Modern Languages and Communication
College of Basic Studies
National University of Science and Technology MISIS

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.03.2023
18.03.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_138

Авторская лексика в научной фантастике: способы образования и межъязыковой трансляции (на материале произведений Уильяма Гибсона)

П. Н. Ярошенко

Государственный университет просвещения, Мытищи, Россия

petrojar@yandex.ru

Аннотация. В центре данного исследования - вопрос формирования авторской лексики в тексте научной фантастики и специфика ее перевода на русский язык. Методы исследования: анализ, синтез, сопоставительный анализ, метод сплошной выборки текста. Материалами выступают рассказы и романы У. Гибсона, а также их переводы на русский язык. Результаты исследования представлены в виде анализа 110 авторских неологизмов и их переводов на русский язык. Специфика перевода определяется применением калькирования, транслитерации и лексического дополнения, конкретизации, создания нового термина и лексических опущений.

Ключевые слова: перевод, научная фантастика, киберпанк, окказионализмы, лексические единицы, лингвокреативность

Для цитирования: Ярошенко П. Н. Авторская лексика в научной фантастике: способы образования и межъязыковой трансляции (на материале произведений Уильяма Гибсона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 138–145. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_138

Original article

Author's Vocabulary in Science Fiction: Ways of Formation and Interlanguage Translation (based on the Works of William Gibson)

Petr N. Iaroshenko

State University of Education, Mytishi, Russia

petrojar@yandex.ru

Abstract. The main problem of the study is the formation of the author's vocabulary in the text of science fiction and the specifics of its translation into Russian. Research methods: analysis, synthesis, comparative analysis, continuous text sampling method. The materials for the investigation include stories and novels by W. Gibson, as well as their translations into Russian. The results of the study are presented in the form of an analysis of 110 author's neologisms and their translations into Russian. The specifics of translation are determined by the use of calculus, transliteration and lexical additions, concretization, creation of a new term and lexical omissions.

Keywords: translation, science fiction, cyberpunk, occasionalisms, lexical units, linguocreativity

For citation: Iaroshenko, P. N. (2023). Author's Vocabulary in Science Fiction: Ways of Formation and Interlanguage Translation (based on the works of William Gibson). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 138–145. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_138

ВВЕДЕНИЕ

В центре исследования – актуальная проблема возникновения и дальнейшего распространения авторских неологизмов. Они появляются благодаря различным процессам в языке, в том числе, благодаря появлению и переводу новых лексических единиц. Наиболее ярко данные процессы выражены в произведениях научной фантастики. В соответствии с ее жанровой спецификой конструирование авторами новых лексических единиц осуществляется целенаправленно и широко для литературного моделирования будущего, для художественного описания еще не наступивших событий и явлений. Созданные авторами новые лексические единицы (топонимы, имена героев и т. п.) нередко входят в широкое употребление, становятся частью языкового дискурса. Авторские неологизмы часто создаются на основе существующих в языке словообразовательных моделей, хотя появление неологизмов не предусмотрено сложившейся литературной нормой.

Более чем внушительный текстовый объем фантастики, издаваемой на английском языке, лингвистически показателен. Он предоставляет нам широкое поле для исследования авторских окказионализмов в произведениях, написанных на английском языке. Кроме того, вышеозначенный текстовый материал служит для усвоения специфики передачи авторской лексики с одного языка на другой.

Целью статьи – уточнение устоявшегося научного представления о специфике словообразования и межъязыковой трансляции авторской лексики в современной фантастике. Поэтому представляется целесообразным решение следующих исследовательских задач: обобщение подходов к определению научной фантастики; выделение особенностей словообразования авторской лексики в литературных произведениях научной фантастики, в частности – киберпанка; конкретизация специфики перевода авторской лексики писателей-фантастов с одного языка на другой.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА: ПОИСК ОБОБЩАЮЩЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА

За полтора столетия существования научной фантастики как самостоятельного литературного жанра предпринимались попытки определения его ключевых характеристик по признаку его функционирования в современной культуре. В частности, писатели Грегори Пасхалидис, Патрик Пэрриндер, Питер Фиттинг, Фредрик Джеймсон, Карл Фридман, Филипп Вегнер, Эдвард Джеймс, Иштван

Чичери-Роней предлагали классифицировать научную фантастику как мысленный эксперимент и размышление о будущем. Методологическими основаниями данного определения научной фантастики стали терминологический аппарат, идеи и положения Дарко Сувина, представленные в работе «Метаморфозы научной фантастики: о поэтике и истории литературного жанра». По определению автора, «...фундаментальным элементом научной фантастики является когнитивное отчуждение или вымышленный новус» [Suvin, 1979, с. 12].

За годы дискуссий в литературоведении так и не сложилось единого общепринятого определения фантастики. Однако общепризнанным признаком фантастики считается авторское допущение, согласно которому существует реальность, отличная от реальности, знакомой читателю. В то же время построение писателя фантаста обязательно содержит элементы, которые распознаются в жизненном опыте читателя. Небыль, которая житейски узнаваема – вот один из константных признаков фантастики, одна из её неперенных характеристик.

Дуальная оппозиция «реальность-нереальность» получает авторское объяснение. Обычно оно носит логически отвлеченный или квазинаучный характер. Особый логический аппарат писателя фантаста служит обоснованию тех или иных законов сверхъестественной реальности или технических инноваций.

Эффект создания видимости научного обоснования, имитация терминологического аппарата науки и техники, использование специфических языковых средств обозначения параметров будущего, на наш взгляд, становятся ведущими источниками словообразования, формирования уникальной авторской лексики.

В данном контексте актуальна дефиниция Иштвана Чичери-Рони: «благодаря радикальной новизне научного допущения формируются такие атрибуты научной фантастики как отображение общества будущего, науки будущего, "технологиада", использование неологизмов или лексических сочетаний для усиления эффекта инаковости, чуждости, у читателя формируют погружение в научную фантастику» [Csicsery-Ronay, 2008, с. 5–7].

СЛОВОТВОРЧЕСТВО В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Изучение проблем появления новых лексических единиц в языке в целом и в рамках языкового пространства произведений художественной литературы является объектом пристального внимания

исследователей. Анализируя лингвистический потенциал научной фантастики, Иштваном Чичери Рони сделан вывод, что «читатель ожидает новых слов и выражений для обозначения научно-фантастических понятий, как зритель ожидает спецэффектов от фильма» [Csicsery-Ronay, 2008, с. 5].

Впервые вопрос окказиональной лексики в отечественной лингвистике возник в 1957 году в работе Н. И. Фельдмана «Окказиональные слова и лексикография». Теории окказиональных слов посвящены работы А. А. Брагиной, А. Г. Лыкова, В. В. Лопатина, Г. О. Винокура, Е. А. Земской, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского, Р. Ю. Намитоковой и др.

Сравнительный анализ точек зрения указанных исследователей также выявил отсутствие единого подхода к определению авторской лексики, были предложены различные синонимы термина окказионализм – «потенциальное слово», «креатема», «авторское новообразование», «индивидуально-авторские новообразования».

По мнению Р. Ю. Намитоковой, под «авторским новообразованием» следует понимать «речевое новообразование, впервые встреченное на страницах письменного текста – художественного или научного – и не отмеченные в словарях национального языка; они живут только в тексте и потому обладают признаками необычности и новизны» [Намитокова, 1986, с. 34].

А. Г. Лыков концентрирует внимание на признаках окказионализмов, «принадлежность к речи; их творимость, они не воспроизводятся, а творятся заново для каждого конкретного случая их употребления; не нормативность, сознательное отклонение от нормы при передаче дополнительной информации как средства создания образности; их одноразовость как средства передачи предельной конкретности ситуации, которую не может выразить узуальное слово; факультативность, так как они остаются в самой периферийной сфере речи» [Лыков, 1976, с. 10–11].

Пространство художественного текста как речетворческого произведения автора обладает большим потенциалом для формирования авторских новообразований. По мнению З. Д. Асратян, автор, «...используя собственный творческий потенциал, создает концептуальную креативность художественного текста» [Асратян, 2015, с. 20]. В то же время дискурс художественного текста представляет собой богатое пространство для языкового эксперимента. В частности, У. Л. Кшенювская отмечает, что «автор, используя имеющиеся в его распоряжении языковые средства, реализует свою коммуникативную интенцию» [Кшенювская, 2020, с. 17].

Результатом полемики можно считать выделенные А. А. Мотожанец и А. С. Февралёвой

«функции неологизмов в публицистике: номинативная (называние объекта, предмета или явления в тексте), компрессионная (экономия лексических средств), эмотивная (вызывание у адресата текста нужного эмоционального воздействия), аттрактивная (привлечения внимания читателя к тому или иному объекту)» [Молотожанец, Февралёва, 2018, с. 117].

АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРЕДМЕТ ПЕРЕВОДА

Принимая во внимание, что большая часть произведений научной фантастики написана на английском языке, перевод авторской лексики с одного языка на другой требует пристального внимания. Процессуально перевод можно охарактеризовать как передачу информации исходного текста на другой язык с сохранением смысловой и эстетической ценности, что особенно важно в случае перевода художественного текста. Поэтому безэквивалентная лексика в целом и окказионализмы в частности представляют большую трудность при переводе.

При работе с нестандартными лексическими единицами Л. С. Бархударов выделяет «наиболее распространенные методы перевода: 1) транслитерация и транскрипция; 2) калькирование. Данный способ представляет собой передачу безэквивалентной лексики путем замены «морфем или слов в составе устойчивых выражений их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке»; 3) аналог (приблизженный перевод) предполагает подбор ближайшей по значению лексической единицы в переводящем языке; 4) описательный перевод, который имеет место в тех случаях, когда безэквивалентная единица оригинала мало известна реципиенту перевода; 5) трансформационный перевод. Трансформационный перевод представляет собой передачу реалии при помощи какой-либо лексической, грамматической или стилистической трансформации» [Бархударов, 2016, с. 97–100].

Указанные приемы, предложенные Л. С. Бархударовым, довольно часто используются переводчиками. Однако в ряде случаев переводчики создают новые лексические единицы в попытке передать безэквивалентную лексику. Именно так и появляются переводческие окказионализмы, которые В. С. Виноградов называл «собственно-переводческими лексическими окказионализмами, создаваемые переводчиком в соответствии со смыслом и функцией индивидуально авторских слов оригинала сообразно контексту подлинника и перевода, путем использования различных моделей словообразования» [Виноградов, 2001, с. 60].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Материал исследования – авторская лексика из научно-фантастических романов Ульяма Гибсона, написанных в рамках жанра киберпанк. Основным научным методом был определен сопоставительный анализ и синтез, метод сплошной выборки текста. Корпус исследования способов словообразования и передачи авторской лексики представлен рассказами и романами из цикла трилогия киберпространства: «Осколки голограммной розы» (*Fragments of a Hologram Rose*), «Джонни-мнемоник» (*Johnny Mnemonic*), «Сожжение Хром» (*Burning Chrome*), «Нейромант» (*Neuromancer*). В качестве иллюстративного материала для анализа методом сплошной выборки было приведено 110 примеров авторских новообразований.

Количество авторских неологизмов варьируется в зависимости от объема произведения. Рассматриваемые произведения У. Гибсона собраны в рамках цикла *Sprawl* – Мурваейник, который во многом определил тенденции развития жанра киберпанк в научной фантастике конца XX века.

Данные в Таблице 1 показывают, что количество окказионализмов в произведениях У. Гибсона постоянно увеличивается, так как рассказы и романы составляют своеобразную метавселенную, литературно оформленную в жанре киберпанк. Автор отображает альтернативную реальность, создает картины фантастического будущего, которое происходит в антураже антиутопии и высоких технологий. Отметим, что семантическое ядро авторских окказионализмов связано с реалиями

будущего. Им, как правило, соответствуют выдуманные технологии: *simstim deck* (симстим дека), придуманное автором устройство для подключения к виртуальной реальности, описываемое как небольшой компьютер с электродами; *Intrusion Countermeasures Electronics* (программы противодействия взлому); импланты *Zeiss Ikon Eyes* (глаза Цейсс Икон subcutaneous chip); реалии мира *cyberspace* (киберпространство, придуманное автором нематериальное отображение сети, к которой возможно подключиться с помощью устройств); *New Yen* (Новые Йены) – новый вид денег; *Mitsubishi-Genentech* (Мицубиси-Генотех название банка, а также многие другие элементы вселенной автора).

Анализируя процесс образования окказиональных единиц, мы распределили их на группы по степени окказиональности, согласно классификации Н. Г. Бабенко [Бабенко, 1997].

Первая степень окказиональности (окказионализмы образованы по производным моделям в соответствии с нормами языка).

Вторая степень окказиональности (незначительное отступление от деривационных норм, вызывает незначительные трудности при семантизации окказионализма).

Третья степень окказиональности (затруднена семантическая интерпретация).

В отобранных нами произведениях более половины исследуемых единиц относятся к первой степени окказиональности (табл. 2), что позволяет сделать вывод об использовании У. Гибсоном продуктивной словообразовательной модели английского языка.

Таблица 1

ЗАВИСИМОСТЬ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ ОТ ОБЪЕМА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Произведение	Количество страниц	Количество окк. единиц	Окказионализм на кол-во страниц	Окк. единицы, описывающие объекты выдуманного мира
Fragments of a Hologram Rose	6	4	1.5	4
Johnny Mnemonic	23	7	3,2	6
Burning Chrome	24	22	5.2	21
Neuromancer	269	77	3.4	45

Таблица 2

АНАЛИЗ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ ПО СТЕПЕНИ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ

Произведение	Первая степень (кол-во ед.)	Вторая степень (кол-во ед.)	Третья степень (кол-во ед.)
Fragments of a Hologram Rose	4	–	1
Johnny Mnemonic	4	1	2
Burning Chrome	16	–	6
Neuromancer	60	–	17

Таблица 3

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Лексические (%)	Семантические (%)	Окказиональные словосочетания
25	7	78

Таблица 4

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ

Способы перевода	Количество единиц
Транслитерация	12
Калькирование	73
Прием лексических добавлений	11
Прием лексических опущений	3
Конкретизация	7
Создание нового термина	4

Создание авторской лексики также потребовало от автора большой творческой креативности. Проанализировав 110 примеров авторских новообразований У. Гибсона, мы обнаружили следующие закономерности:

Анализ способов создания авторских новообразований показывает, что 78 % авторских окказионализмов были образованы посредством окказиональных словосочетаний, 7 % – вследствие семантической замены, 25 % – лексическими средствами образования (табл. 3).

Полученные результаты показывают, что образование окказионализмов посредством окказионального словосочетания является основным способом создания авторской лексики, так как понятия и реалии, которые вводит У. Гибсон в рамках своей вселенной, часто невозможно описать с помощью одной лексической единицы. Так, например, название устройства по созданию виртуального сна было образовано посредством использования транслитерации на японский манер слова и добавления к нему единиц *sleep* и *master*, создавая таким образом окказиональное словосочетание, значение которого невозможно понять без одной из составных частей. Образование окказионализмов лексическим способом происходило посредством сложения основ.

Семантические окказионализмы – наименее представленная группа лексических единиц среди авторских образований, они созданы посредством изменения значения слова, как например, акроним *ICE* не имеет связи с омонимичным словом английского языка, а обозначает новый феномен в рамках произведения. Сходная ситуация произошла с акронимом *RAM*. Автор не был знаком со стремительно развивающейся терминологией

компьютерных систем, поэтому окказионализм сузил свое значение до слова память.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ

Учитывая, что произведения У. Гибсона были переведены на многие иностранные языки, включая русский, возникает необходимость проанализировать перевод авторской лексики. Обобщив результаты исследования существующих переводов произведений автора в соответствии с предложенными Л. С. Бархударовым приемами перевода безэквивалентной лексики, мы выделяем следующие приемы перевода авторских неологизмов: транслитерация, транскрипция, калькирование, прием лексических добавлений и опущений, лексико-семантическая замена (конкретизация), создание нового термина.

Прежде всего, проанализируем перевод с помощью приема транслитерации. Рассматриваемые окказионализмы выполняют номинативную функцию, обозначая название устройств – *Ono-Sendai*, компаний – *Mitsubishi-Genentech*, *Fuji Electric Company*. Отметим, что У. Гибсон, с целью создать окказионализм и выделить его для читателя, использовал японские элементы как составную часть новых слов. При переводе с целью сохранения и передачи иноязычного звучания в данном случае использование транслитерации считается оправданным.

Перевод окказионализмов У. Гибсона с помощью калькирования оказался наиболее часто применяемым способом. Так, многие окказионализмы, выполняющие номинативную функцию, образованы из нескольких лексических единиц (*cyber mines*, *Sendai Sleep-Master*, *mimetic weapon*) и по большей

части имеют аналоги в языке перевода – кибермины, «Сендаи Мастера Сна», оружие-хамелеон.

Перевод окказионализмов с помощью лексических добавлений обусловлен тем фактом, что в русском языке возникает потребность в дополнительных лексических единицах для полной передачи смысла. Так окказионализм *virgin*, который в контексте произведения автора означает человека без киберимплантов, в русском языке передан с помощью выражения «девственно чист». Или, например, окказионализм *Hosaka computer* – в русском языке требует добавления слова «компания», без которого была бы утрачена семантика новообразования.

Типологически сходным является случай, когда переводчик прибегает к сокращению лексических единиц оригинала. Так *Braun hologram projector* был передан как проектор Браун или *cybernetic virus analog*, в переводе – вирус, поскольку семантика данного термина позволяет без проблем передать смысл окказионализма.

В ряде случаев переводчику приходилось прибегать к конкретизации. Так, окказионализм *nerve boys*, который имеет сленговый окрас и обозначает врачей-неврологов, передан с сохранением семантики и неформального стиля при помощи существующего в русском языке аналога «нерводеры». Особых русскоязычных аналогов при переводе потребовал окказионализм *cranial jacks*. В контексте произведения он означал особые устройства. Их использовали военные при разработке технологий для взаимодействия с киберпространством. В данном случае переводчику пришлось прибегнуть к конкретизации – армейские шлемы для сохранения семантики.

Особо акцентируем процесс создания переводчиком нового термина. Такая необходимость возникает при невозможности передачи окказионализма иными приемами. В частности, У. Гибсон создал ряд окказионализмов, выполняющих номинативную функцию, например, в рассказе «Джонни Мнемоник» *Lo Tek* обозначает группу людей, которые не используют современных технологий. В переводе обозначения данной группы (Нитехи) семантика нового термина образована с помощью частицы НИ, которая несет отрицательную коннотацию, и морфемы *TEX*, которая является сокращением слова технологии. В романе «Нейромант» У. Гибсон прибегает к созданию окказионального выражения *gone silicon*. Таким выражением обозначают человека, который установил слишком много имплантов, что в итоге негативно сказалось на его психологическом состоянии. Чтобы сохранить контекстуальное значение авторского окказионализма, переводчик передал авторскую интенцию с помощью выражения

«двинуться на кремний». Составные части нового термина «двинуться» имеют отрицательную коннотацию – сойти с ума. Кремний – конкретный материал, из которого состоят импланты. Таким образом, переводчик добился контекстуально оправданной передачи авторского термина.

Интерпретация результатов сравнительного анализа способов перевода позволила ранжировать стандартные приемы по степени востребованности, среди которых лидируют калькирование и транслитерация. Прием лексических добавлений представляет наибольшую трудность при переводе, так как обуславливает конкретизацию и создание нового термина. Однако В. С. Виноградов отмечал, что «данный метод также является допустимой мерой при переводе без эквивалентной лексики» [Виноградов, 2001, с. 60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная фантастика как жанр включает в себя большой объем отечественных и зарубежных произведений, интерес читателей к данному литературному жанру не ослабевает до сих пор. В среде профессиональных литературоведов до сих пор нет единого устоявшегося определения научной фантастики. Существуют следующие характеристики данного жанра – дуализм: реальность – нереальность, использование квазинаучного обоснования несуществующих в нашей реальности технологий, предметов, реалий, использование новых лексических и терминологических единиц. Автор придумывает их для описания будущего.

Создание новых языковых единиц привлекает внимание лингвистов. Используя свой творческий потенциал, автор создает свою собственную лексику. Он преследует сразу несколько целей – аттрактивную, эмотивную, номинативную. Способы создания автором лексики могут выступать как продуктивные (или непродуктивные) приемы, присущие языковой системе автора...автора. В частности, анализ авторских единиц произведений У. Гибсона показал, что авторские неологизмы, образованные в английском языке, были созданы по следующим моделям: окказиональное словосочетание, лексический способ образования, семантический способ. Авторские окказионализмы имеют номинативную и аттрактивную функции.

По классификации Н. Г. Бабенко наиболее часто были использованы авторские окказионализмы 1-й степени окказиональности, реже была использована 3-я степень окказиональности, и только в одном примере была использована 2-я степень. В рассмотренных нами произведениях У. Гибсон наиболее

часто прибегал к образованию авторских окказионализмов посредством окказиональных словосочетаний (78 примеров) и лексических способов образования (25 примеров), наименее частотным способом является семантический (7 примеров.)

При анализе перевода авторских окказионализмов нами отмечено, что наиболее часто был применен способ калькирования (73 примера), с приблизительно одинаковой частотностью использовались способы перевода посредством транслитерации (12 примеров) и лексического дополнения (11 примеров), приемы конкретизации

использованы реже (в 7 примерах), наименее востребованными методами оказались создание нового термина (4 примера) и прием лексических опущений (3 примера).

Анализ авторской лексики, особенностей ее образования и функционирования в контексте фантастического произведения позволяет акцентировать необходимость более полного исследования такого языкового феномена, как лингвистическая креативность. Она выражена не только в художественной литературе, но и в жанрах научной фантастики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Suvin Darko. *Metamorphoses of Science Fiction: Studies on the Poetics and History of a Literary Genre*. Yale UP, 1979.
2. Csicsery-Ronay Istvan, Jr. *The Seven Beauties of Science Fiction*. Wesleyan UP, 2008.
3. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / отв. ред. И. А. Ширшов. Адигейский государственный педагогический институт. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1986.
4. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1976.
5. Асратян З. Д. Дискурс и текст художественного произведения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12. № 4. С. 17–20.
6. Кшеневская У. Л. Когнитивно-дискурсивная сущность лингвокреативности // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 16–21.
7. Мотожанец А. А., Февралёва А. С. Неологизмы в публицистическом дискурсе в свете реализации авторской интенции: переводческий аспект (на материале англо-русских переводов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6–1 (84). С. 116–120.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. 5-е изд. М.: Ленанд, 2016.
9. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
10. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1997.

REFERENCES

1. Suvin, Darko. (1979). *Metamorphoses of Science Fiction: Studies on the Poetics and History of a Literary Genre*. Yale UP.
2. Csicsery-Ronay, Istvan, Jr. (2008). *The Seven Beauties of Science Fiction*. Wesleyan UP, 2008.
3. Namitokova, R. Y. (1986). *Avtorskiye neologizmy: slovoobrazovatel'nyy aspekt = Author's neologisms: the word-formation aspect* / Ed. by I. A. Shirshov; Adygeyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute. Rostov-on-Don: Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1986. (In Russ.)
4. Lykov, A. G. (1976). *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazional'noye slovo): Uchebnoye posobiye dlya filologicheskikh fakul'tetov universitetov = Modern Russian Lexicology: Textbook for philological faculties of universities*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Asratyan, Z. D. (2015). *Discourse and Text in Imaginative Literature*. Vestnik YUUGU. Seriya: Lingvistika, 12, 4, 17–20. (In Russ.)
6. Kshenovskaya, U. L. (2020). Cognitive- discursive nature of linguocreativity. Eurasian Humanitarian Journal, 2, 16–21. (In Russ.)
7. Motozhanets, A. A., Fevraleva, A. S. (2018). Neologisms in the publicistic discourse in the light of author's intention realization: translation aspect (by the material of the English-Russian translations). *Philology. Theory and Practice*, 6–1(84), 116–120.

8. Barkhudarov, L. S. (2016). Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). 5th ed. Moscow: Lenand.
9. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy) = Introduction to translation studies (general and lexical issues). Moscow: Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO
10. Babenko, N. G. (1997). Okkazional'noye v khudozhestvennom tekste: Strukturno-semanticheskiy analiz = The occasional in a literary text: structural and semantic analysis: Textbook. Kaliningrad: Kaliningrad State University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярошенко Петр Николаевич

аспирант кафедры теории языка
англистики и прикладной лингвистики
Государственный университет просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iaroshenko Petr Nikolaevich

PhD Student, Department of Language theory
English studies and Applied Linguistics
State University of Education

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.03.2023
17.03.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 82-32

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_146

Терминология итальянского и русского футуризма в литературе: «слова-на-свободе»

О. Г. Егорова¹, Ю. В. Чернова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹*o.egorova@linguanet.ru*

²*chernova_jv@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых интересных направлений в литературе начала XX века – футуризм. Основное внимание уделяется сравнению художественной специфики итальянского футуризма и русского. Авторы приводят в пример сходства и различия в развитии этого художественного течения в литературах двух стран, а также делают особый упор на необычную терминологию, используемую русскими и итальянскими футуристами в своих работах.

Ключевые слова: футуризм, итальянская литература, русская литература, художественная терминология, литература XX века

Для цитирования: Егорова О. Г., Чернова Ю. В. Терминология итальянского и русского футуризма в литературе: «слова-на-свободе» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 146–152. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_146

Original article

Terminology of Italian and Russian Futurism in Literature: “Words on the Loose”

Olga G. Egorova¹, Julia V. Chernova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹*o.egorova@linguanet.ru*

²*chernova_jv@mail.ru*

Abstract. The article describes one of the most interesting movements in the literature of the early 20th century – futurism. The main attention is paid to comparing the artistic peculiarities of Italian and Russian futurism. The authors give examples of similarities and differences in the way the futurism developed in the literatures of the two countries, and also make special emphasis on the unusual terminology used by Italian and Russian futurists in their works.

Keywords: futurism, Italian literature, Russian literature, terminology of literature, literature of the 20th century

For citation: Egorova, O. G., Chernova Y. V. (2023). Terminology of Italian and Russian Futurism: “Words on the Loose”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 146–152. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_146

ВВЕДЕНИЕ

«Конец XIX – начало XX века стало временем перемен и поиска нового искусства, объят ожиданиями другой действительности, других людей, другого солнца» [Крученых, 1967, с. 7]. В эту эпоху бурных изменений и неопределенности и рождается футуризм.

В начале XX века футуризм стал символом нового «бунтарского» искусства. Оно же, по сути, стало и лицом революции, но немного позднее. Футуристы с оптимизмом смотрели в будущее, считали техническую цивилизацию новой важнейшей ценностью. Теоретики нового литературного течения призывали отказаться от культурных и нравственных установок предшествующих эпох. В искусстве центральную роль они отводили техническим достижениям и промышленному духу нового времени, их восхищали железные дороги, океанские пароходы, огромные города.

Стремясь создать «искусство будущего», футуристы фактически отрицали всю предшествующую культурную традицию, восхваляли эстетику урбанизма и машинной индустрии с ее кажущейся безликостью. Они стремились показать «человека толпы», а также стремительную смену событий и переживаний, которые этот человек испытывает.

С точки зрения художественного творчества важным элементом футуризма стал жанр манифеста. Как справедливо отмечает И. Ю. Иванюшина: «В субполе авангардного искусства программные «декларации о намерениях» не менее значимы, чем собственно художественные тексты. <...> Текст и метатекст лежат на одном уровне и являются равноправными участниками в бесконечном диалоге» [Иванюшина, 2003, с. 60]. Можно смело говорить о том, что «футуристский манифест является своеобразным новым жанром, как, например, “приказ по армии искусства” В. Маяковского, с которым его сближает особенный модалый дискурс» [Ковалев, Ретинская, 2020, с. 93].

В одном из первых манифестов русских футуристов говорилось, что «им (футуристам) известны чувства, не жившие до них, что они новые люди новой жизни. Задачей нового художественного направления было «плевать каждый день на алтарь искусства» [Жарикова, 2020, с. 36]. Представители этого нового течения видели своей целью создать «сверхискусство», способное изменить мир. Мнения экспертов относительно полученного результата расходятся: кто-то считает, что это была лишь мимолетная вспышка и временное явление, а кто-то видит в них предвестников современной поэзии, надолго оставивших свой след. Однако важнейшее значение футуризма подчеркивается

всеми без исключения, и потому он до сих пор становится объектом исследований.

ФУТУРИЗМ В РОССИИ И ИТАЛИИ

В начале 1900-х годов в Италии появилась группа молодых художников и писателей, полных решимости прославлять индустриализацию. Они были разочарованы потерей Италией авторитета на международной арене и считали, что грядущий «век машин» приведет к совершенно новому мировому порядку и проложит путь к «новому сознанию». Во главе этой группы бунтарей встал Филиппо Томмазо Маринетти. Ее целью стало уловить идею современности, ощущение и эстетику скорости и движения промышленного развития.

Слово футуризм (от лат. *futurum* – будущее) впервые появилось в названии «Манифест футуризма», который был написан Маринетти и напечатан 20 февраля 1909 года в газете «Фигаро». Футуристы хотели, чтобы их новое искусство отражало реалии нового времени. «Если бы понадобился эпиграф к футуризму как направлению в искусстве и литературе начала XX века, им вполне могли бы стать слова из “Манифеста футуризма” Маринетти: “...жизнь мотора волнует [футуриста] больше, чем улыбка или слезы женщины”. По меткому определению одного из критиков, футуризм – это великое опьянение современностью».

Целью футуризма, в отличие от других авангардных движений того времени, было включение творца в социальную динамику, а не его изоляция. Футуризм во многом был построен на противопоставлениях: экспериментальности противопоставлялась схоластическая и академическая неподвижность, эстетике классической красоты противопоставлялась механика. Новое искусство, чтобы соответствовать действительности, должно было найти новые выразительные средства, чтобы отразить стремительность новой эпохи. Маринетти в своем втором манифесте – «Техническом манифесте футуристической литературы» (1912) – положил начало радикальной реформе литературного языка, основными пунктами которой были: разрушение традиционного синтаксиса путем случайного расположения существительных; использование глагола в инфинитиве, чтобы он сочетался с любым существительным; отказ от прилагательных, наречий и знаков препинания; использование обширных аналогов и новых образов; максимально беспорядочно расположение картинок; отказ от «я» в литературе. В том же манифесте Маринетти писал, что, выйдя за пределы синтаксиса, можно прийти к «интуитивной психологии

материи» и добиться того, чтобы «литература про-никала прямо во вселенную и образовывала с ней единое целое».

Нетрудно догадаться, что в Италии футуризм был единым движением с ярко выраженным лидером и единой теоретической программой. Томмазо Маринетти действительно имел большой авторитет, он выпускал программные документы для своего нового «детища». Среди других итальянских поэтов-футуристов можно назвать Паоло Буцци, Лучано Фольгоре, Джана Пьетро Лучини, Энрико Кардилье, Армандо Маца и др. Однако важно оговориться, что для большинства из них футуризм был лишь одним из этапов их творчества.

Однако футуризм в Италии стал одним из самых политизированных художественных течений XX века. Он объединил художественную и политическую программы, чтобы способствовать переменам в стране и в дальнейшем – во всей Европе. Футуристы устраивали то, что они называли *serate futuriste*, или футуристические вечера, где они читали стихи и демонстрировали произведения искусства, а также выкрикивали политически ангажированную риторику перед аудиторией в надежде спровоцировать беспорядки. Они считали, что агитация и подобные разрушения былых устоев положат конец статус-кво и позволят сделать Италию более сильной.

Подобные идеи во многом привели к тому, что итальянские футуристы поддержали грядущую Первую мировую войну. После войны сильный национализм активистов движения привел их к союзу с Бенито Муссолини и его Национальной фашистской партией. Хотя футуризм продолжал развивать новые направления в разных сферах (живопись, поэзия и др.) и привлекал новых членов, тесные связи движения с фашизмом усложнили изучение этого исторически значимого периода в искусстве и поэзии.

Русский же футуризм достаточно сильно отличался от итальянского – в первую очередь идеологией. Русские футуристы не заимствовали шовинизм, милитаризм и воспевание войны, максимализм, культ насилия, прославление агрессии и силы, революции и разрушений. Среди произведений итальянских футуристов на эти темы можно отметить: Т. Маринетти «Inno alla morte», П. Буцци «Inno alla guerra», Э. Кардилье «Ode alla Violenza». Накануне Первой мировой войны Томмазо Маринетти не просто объединяет политические и художественные цели, но и даже ставит политику выше искусства: он создает футуристические кружки, приглашая в них националистически настроенную молодежь; он также ездит по Европе с пропагандистскими лекциями. У русских же футуристов мы

видим немало антивоенных произведений, например, «Война в мышеловке» В. Хлебникова, «Война и мир» В. Маяковского. Одной из отличительных черт итальянского футуризма стал, в числе прочих, культ техники и культ машины. Русские же футуристы считали мир техники враждебной силой.

Важно отметить, что историографами русского футуризма изначально выступали сами футуристы: в конце 20-х годов XX века Алексей Крученых написал верлибром историю легендарной группы «Гилея». «В 30-е годы некоторые отечественные литературоведы задумывали исследования об истории движения, но тема «левого искусства» становилась все более несозвучной времени, и замыслы остались нереализованными» [Шемякина, 2022, с. 224].

Русская интеллигенция начала XX века под влиянием смены эпох стала все сильнее ощущать потребность в обновлении своего общества. В стране стали появляться авангардные художественные течения. Они были основаны на идеях из-за рубежа, которые, однако, реализовать в России было нелегко. Интеллигенция в России давно разделилась на тех, кто предлагал открыться Западу, и тех, кто пытался всеми способами защитить исконную славянскую культуру и найти свой собственный путь обновления. Даже авангардисты, хоть и любившие радикальные новшества, опасались принятия западных моделей и часто предпочитали ссылаться на далекие и причудливые доисторические и дохристианские корни.

В русском футуризме не наблюдалось единства. В нем существовало множество группировок футуристов, не похожих между собой: «Гилея», «Мезонин поэзии», «Центрифуга», эгофутуристы и др. Большинство экспертов считают, что футуризм в России возник в рамках объединения «Гилея». Однако некоторые исследователи футуризма, в частности В. Шершеневич, утверждали, что эта группа как раз не имеет права связывать себя с этим литературным течением. Другие же исследователи не признают, например, эгофутуристов и отмечают особую роль кубофутуристов. Различия в течениях русского футуризма отмечал и Л. В. Луначарский. В предисловии к революционной хрестоматии футуристов «Ржаное слово» он писал: «Никому не запрещено называться футуристом. Под этой кличкой прошли выступления и Томмазо Маринетти, ставившего политическую задачу – возрождение Италии – войну, и русских сладкопевцев, вроде Северянина, и наших – молодых поэтов России, нашедших духовный выход в революции и ставших на баррикады искусства» (прив. по: [Жарикова, 2020, с. 38]).

Русский футуризм также производит впечатление более умеренного и даже более

конформистского. Основными компонентами идеологии будетлян в России можно назвать преобразование сознания, изменение природы человека через творчество и дерзость художника и поэта.

В отличие от итальянцев, русские футуристы уделяли особое внимание не «волевому» – в некотором роде насильственному – преобразению мира и человека (здесь своеобразными символами выступали война и машина), а «психической эволюции», открытию новых возможностей в сознании и психике человека. Новая психика, новые органы восприятия и сознания и весь пафос их приобретения в новом мире стали основной русского футуристического мира.

Русские футуристы довольно глубоко изучали старину. В. Хлебников, например, всерьез увлекался древними русскими корнями языка и культуры. По мнению А. А. Шемякиной, «именно такое увлечение прошлым и послужило причиной отвержения будетлян Маринетти» [Шемякина, 2022, с. 225]. В русском футуризме этот интерес к архаике определял не столько ритм и стиль действий, сколько конкретную содержательную, тематическую и формальную сторону творчества футуристов. Для итальянских футуристов источником их «мятежной» энергии в искусстве были различного рода «потрясения» – война, смерть, опасность и т. д. Для русских же футуристов такой архаизм был в меньшей мере связан с опытом как таковым. Они скорее хотели исследовать «исток бытия», а не погружаться в субъективное переживание.

Отдельно отметим, что русские футуристы не хотели и не стремились стать «филиалом» итальянского футуризма. Они всячески старались избавиться от подобного восприятия. В Италии тоже далеко не все считали русский футуризм родственником итальянского. Например, один из видных деятелей итальянского литературного авангарда Джованни Папини утверждал: «Нужно жить в этой стране, покрытой развалинами прошлого, нужно знать ее города, существующие музеями, картинными галереями, продажей открыток, старающейся в угоду приезжим иностранцам сохранить всеми силами вымирающий “быт”, в роде карнавала, гондол и т. п., чтобы понять, как близко затрагивает “анти-пассатистская” (направленная против прошлого) критика футуристов самые разнообразные интересы»¹.

Теперь рассмотрим несколько общих черт, присущих русскому и итальянскому футуризму. Как итальянские, так и русские футуристы во имя нового искусства в духе времени были готовы отказаться от всего накопленного опыта, всех

культурных устоев и достижений предыдущих поколений. Это во многом и должно было привести их в новую эпоху. Кроме того, оба течения перевозили динамизм промышленной цивилизации, отказывались от художественной и литературной традиции, испытывали отвращение к обыденному вкусу и вызывающе вели себя по отношению к буржуазному классу, даже в некотором роде провоцируя ответную реакцию.

Как и итальянского, главные достижения русского футуризма более всего видны в поэзии и драматургии. Неологизмы сыграли большую роль в попытках русских футуристов обновить язык. Эти неологизмы, в свою очередь, были направлены на разрушение синтаксиса. Самое известное футуристическое стихотворение Хлебникова «Заклятие смехом» (1910) построено на словах с корнем смех (к нему прибавляются различные префиксы и суффиксы). Мы наблюдаем в этом типичную для русского футуризма игру с этимологией и словотворчеством. Смелые нападки В. Хлебникова и А. Крученых на лингвистическую поэзию тесно переплетались с интересом к слову как к чистому звуку. Их изобретенный «заум» – фактически неперебиваемое название, данное их «надрациональному» языку, – предназначался для того, чтобы вывести язык за пределы логики в направлении нового визионерского мистицизма. Опера А. Крученых «Победа над солнцем» (1913) и пьеса В. Хлебникова «Зангези» (1922) – два важнейших примера футуристического смешения трансрационализма с культом примитива.

Несомненно, важной частью как русского, так и итальянского футуризма был эпатаж, но он имел различную направленность и окраску. В 1913 году о футуристах часто писали в прессе, потому что они выступали в тщательно подготовленных спектаклях на улицах Москвы, где в ярких пестрых одеждах и с разрисованными лицами декламировали свои стихи. В конце 1913 года в Петербурге были поставлены первые футуристические пьесы. Но это не были просто провокационные представления. Обратимся к работе Е. Бобринской, в которой она пишет: «“Дикие выходки” русских футуристов были значительно скромнее и тише скандальных выступлений их итальянских коллег. Они никогда не связывались с политикой, не выплескивались в уличные манифестации. Все провокационные действия на футуристических вечерах, неистово раздувавшиеся прессой, как правило, были эстетически осмыслены и рационально просчитаны» [Бобринская, 2000, с. 10].

На основе вышеперечисленного можно сделать вывод, что между итальянским и русским

¹URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2014/03/03/18463.html>
(дата обращения: 08.06.2023)

футуризмом есть как общие элементы, так и бросающиеся в глаза существенные различия. Однако различия всё же заметны гораздо больше. Они обусловлены такими причинами как исторический и социальный контекст, разнообразие культурных традиций двух стран, архаизм и славянофилия русских писателей. Русский литературный футуризм – это явление гораздо более сложное, чем итальянский, потому что за короткое время он прошел два очень разных исторических периода (дореволюционный и послереволюционный), а также претерпел глубокие изменения и не только на идейном уровне.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Интересно посмотреть на эстетику итальянского и русского футуризма с точки зрения терминологии. Она у футуристов была оригинальной. Можно привести в пример известный термин «слова-на-свободе». Он заимствован у отца итальянского футуризма Филиппо Томмазо Маринетти, который призвал отказаться от традиционного взгляда на синтаксис. Эта идея оказала значительное влияние на авангардистов по всему миру. В частности: «Когда мы начинали футуризм, то на самом деле не знали ни одного футуристического произведения. Нам хватило лишь одного концепта, одного маленького открытия: <...> “слова-на-свободе”. <...> Идея о том, <...> что слова – это вещь, с которой каждый может делать, что хочет, – это всё-таки была огромная революция в литературе», – говорил Александр Ват, польский поэт¹.

Манифест Маринетти под названием «Беспроволочное воображение и слова-на-свободе», посвященный революции в литературе, поэзии, синтаксису и типографике, был впервые опубликован в футуристическом журнале «Лачерба» в 1913 году. Позже название изменилось на «Уничтожение синтаксиса. Беспроволочное воображение и освобожденные слова». Именно под таким названием документ вышел в сборнике «Манифесты футуризма» в издательстве того же журнала, но уже в 1914 году. Русская версия имела название «Типографский переворот». Можно сказать, что футуристы действительно произвели типографский переворот – своего рода революцию – в книжном оформлении. Однако интересно, что современные графические дизайнеры ассоциируют его с более поздней эпохой – конструктивизмом. Поэтому они связывают эти новые веяния не с итальянцами, а с русскими художниками Элем

Лисицким и Александром Родченко. Но мы можем смело утверждать, что «конструктивистской реформе в книге (а с ней связано становление дисциплины книжного дизайна) предшествовала типографская революция итальянских футуристов»².

Другое интересное понятие в словаре футуристов – словопластика. Следует вспомнить, что футуристы провозглашали новую форму искусства. По их замыслу, она представляла собой сочетание декламаторства, музыки и танца. И хотя речь по-прежнему шла о литературе и стихах, футуристы позаимствовали отдельные элементы и футуристического театра и начали уделять большое внимание публичному «исполнению» своих произведений. Как писал польский футурист Станислав Млодоженец: «Эти строки не предназначены для тихого чтения в уединенной обстановке. Они словно созданы для того, чтобы звучать из громкоговорителей в больших залах и на заполненных народом стадионах»³.

Стихотворения часто представляли собой не классическое поэтическое произведение, а так называемые «поэтико-танцевальные» выступления. Некоторые из них могли состоять исключительно из односложных слов, другие были построены исключительно на звуковой игре (тут, там и др.). Польский исследователь авангарда Збигнев Ярославский писал: «Поскольку [стихотворения] были странные и всегда несколько непонятные, они давали простор для экспрессивной интерпретации, опиравшейся на яркие эффекты, т. е. демонстрировавшей всю полноту художественного мастерства декламатора»⁴.

Еще один термин – *хеппенинг*, под которым понимали нечто происходящее, движущееся во времени и пространстве. Это понятие появилось между двумя мировыми войнами. В первую очередь под этим также понималась некая разновидность театра. Происходило это «движение» в основном на свежем воздухе, а также тесно было связано с окружающей средой и даже окружающими людьми. И хотя хеппенинг обычно развивается по заранее намеченному плану, не последнюю роль здесь играет импровизация. Хотя изначально хеппенинг был применим к футуризму только как к театральному представлению или демонстрации живописи, затем его стали использовать в качестве сопровождения стихотворений. В частности, футуристы провоцировали публику, устраивая рекламные кампании в общественном пространстве⁵.

²URL: <https://design.hse.ru/news/1662> (дата обращения: 08.06.2023).

³URL: <https://culture.pl/ru/article/ot-dada-do-gga-alfavit-futurizma> (дата обращения: 08.06.2023).

⁴Там же.

⁵URL: <https://art-assorty.ru/714-futurizm-heppening-sharzh.html> (дата обращения: 08.06.2023).

¹URL: <https://culture.pl/ru/article/ot-dada-do-gga-alfavit-futurizma> (дата обращения: 08.06.2023).

Эстетические литературные принципы футуристов, как и названия их сборников («Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Доители изнуренных жаб», «Танго с коровами») производили сильнейшее впечатление на современников, нередко вызывали возмущение и даже упреки. Футуризм как явление выходил за рамки собственно литературы: он проявлялся в самом поведении футуристов. Необходимым условием его существования стала атмосфера «литературного скандала». Например, публичные выступления футуристов выглядели нарочито вызывающе: начало и конец выступлений отмечались ударами гонга, отдельные поэты пытались эпатировать публику своим внешним видом (В. Маяковский выходил в «женской», по тогдашним критериям, желтой кофте, А. Крученых носил на шнуре через шею диванную подушку и т. п.).

В действительности же далеко не всё, чем футуристы удивляли публику, следует воспринимать всерьез. В. Маяковский сам вскоре, с началом войны, признал: «... у нас было много трюков только для того, чтобы эпатировать буржуа... футуризм для нас, молодых поэтов, – красный плащ тореадора...»¹.

Довольно любопытными были эксперименты футуристов (прежде всего В. Маяковского, А. Крученых, В. Хлебникова) в области стихосложения, поэтического слова. Так, в свое время скандальную известность получило «стихотворение» А. Крученых «Дыр – бул – щыл...»:

Дыр – бул – щыл
Убешур
Скум
Вы – со – бу
Р – л – эз (1913 г.)

А. Крученых утверждал: «...в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина»².

До сих пор перед многими экспертами стоят одни и те же вопросы: стоит ли принимать это всерьез? Есть ли в этом «стихотворении» что-то большее, чем просто эпатаж? Разумеется, мы не можем говорить о содержательной стороне этого

произведения (содержания, по сути, и нет). Тогда мы вынуждены констатировать, что главный смысл спрятан в звуковой оболочке, т. е. непосредственном звучании придуманных автором «слов». Как же тогда относиться к «заумному языку», или «зауми», футуристов?

Согласно исследованиям А. П. Журавлева и других ученых, главная информация содержится не в самих словах (т. е. не в их лексических значениях), а в звуковых оболочках слов. В частности, отдельные звуки соответствуют тому или иному цвету: [а] – ярко-красный; [о] – яркий светло-желтый или белый; [и] – светло-синий; [е] – светлый желто-зеленый; [у] – темный сине-зеленый; [ы] – тусклый темно-коричневый или черный. Звуки также могут иметь эмоциональные соответствия: [д] – темный, холодный, печальный; [р] – шероховатый и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Футуризм был направлением достаточно разнообразным. Взяв себе задачу создать искусство будущего, русские и итальянские поэты достигали этого часто разными путями. Главным объединяющим эти две ветки футуризма фактором становится отказ от традиций, эксперимент со словом и формой. Но вместе с тем нельзя не вспомнить, что тематика их поэзии сильно отличалась (при этом важно отметить, что она также отличалась и внутри каждого из направлений). В то время как итальянские футуристы описывали и выспевали действительность, прославляли город, технику и даже войну, многие русские футуристы писали о природе, обращались к фольклору и мифологии. Таким образом, русский футуризм был больше связан с национальными традициями.

Футуризм без сомнений имел несколько направлений. Некоторых из поэтов, считавшихся футуристами, вообще следует рассматривать отдельно. Несколько особняком также стоит и Томмазо Маринетти, который создал футуризм как направление, которое во всем подчинялось его установкам. В этом смысле именно итальянцам принадлежит заслуга создания искусства будущего. Русские же поэты лишь взяли всё лучшее у итальянского движения и, используя свою национальную основу, создали свой вариант, представляющий отнюдь не меньшую художественную ценность.

¹URL: https://licey.net/free/14-razbor_poeticheskikh_proizvedenii_russkie_i_zarubezhnye_poety/66-russkaya_poeziya_xx_veka_ocherki_poetiki_analiz_tekstov/stages/3051-futurizm_kak_dvizhenie_v_russkoi_literature_nachala_hh_veka_kubofuturizm.html (дата обращения: 08.06.2023)

²Там же

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крученых А. Новые пути слова // Манифесты и программы русских футуристов / под ред. В. Маркова. München: Wilhelm Fink Verlag, 1967.

2. Иванюшина И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2003.
3. Ковалев П. А., Ретинская Т. И. Теория и практика футуристского манифеста в итальянской литературе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4 (89). С. 93–97.
4. Жарикова О. В. Роль В. Хлебникова в становлении футуристического театра // Восточнославянская филология. Литературоведение. Горловский институт восточнославянских языков. 2020. Вып. 10 (34). С. 36–43.
5. Шемякина А. А. Русский и итальянский футуризм: точки соприкосновения // Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2022. Вып. VIII. С. 224–227.
6. Бобринская Е. Футуризм М.: Галарт, 2000.

REFERENCES

1. Kruchenykh, A. (1967). *Novye puti slova* = The new ways of the word. Manifests and programs of the Russian futurists. Ed. by V. Markova. München: Wilhelm Fink Verlag. (In Russ.)
2. Ivanyshina, I. Y. (2003). *Russkij futurizm: ideologija, poetika, pragmatika* = Russian futurism: ideology, pietism, pragmatics: Senior Doctoral Thesis in Philology. Saratov. (In Russ.)
3. Kovalev, P. A., Retinskaya, T. I. (2020). Theory and Practice of Manifesto of Futurism in Italian Literature. Scientific notes of Orel State University Series: Humanities and social sciences, 4(89), 93–97. (In Russ.)
4. Zharikova, O. V. (2020). *Rol' Khlebnikova v stanovlenii futuristicheskogo teatra* = The role of Velimir Khlebnikov in the evolvement of the futurism theatre. Philology of the Eastern Slavic Languages. Literature studies. Gorlovka Institute of Eastern Slavic Languages, 10(34), 36–43. (In Russ.)
5. Shemyakina, A. A. (2022). Russian and Italian Futurism: Points of Contact. Ryazan State University named after Sergey Esenin, VIII, 224–227. (In Russ.)
6. Bobrinskaya, E. (2000). *Futurizm* = Futurism. Moscow: Galart. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Ольга Геннадьевна

профессор, доктор филологических наук
 профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета
 директор Проектного офиса международного сотрудничества
 Московского государственного лингвистического университета

Чернова Юлия Владимировна

кандидат филологических наук
 доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egorova Olga Gennadievna

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.)
 Professor at the Department of Translation Studies and English Translation and Interpreting
 Faculty of Translation and Interpreting
 Director of the International Cooperation Project Office,
 Moscow State Linguistic University

Chernova Julia Vladimirovna

PhD (Philology)
 Associate Professor at the Department of Domestic and World Literature
 Faculty of Translation and Interpreting
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

15.03.2023
 17.03.2023
 20.04.2023

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои»

К. А. Жулькова

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия
karinazhulkova@rambler.ru

Аннотация. В статье утверждается, что Волга в романе Г. Яхиной «Дети мои» – не только географический феномен, но и ключ к целому комплексу понятий, связанных с сюжетным, символическим и мифопоэтическим уровнями текста. Являясь универсальным архетипом и означая границу: между жизнью и смертью, реальным и потусторонним, обыденным и идеальным, временным и вечным, река становится одним из центральных образов-концептов произведения. Волга в романе – locus sacralis, алтарь, жертвенник, а также prima materia, утроба вселенной, женское начало, источник жизни.

Ключевые слова: Г. Яхина, «Дети мои», мифологема, мифопоэтика, память, забвение, время, вечность, locus sacralis, prima materia

Для цитирования: Жулькова К. А. Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 153–159. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

Original article

The Mythologeme of the River in G. Yakhina's Novel "Children of Mine"

Karina A. Zhulkova

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
karinazhulkova@rambler.ru

Abstract. The article states that the river Volga in G. Yakhina's novel "Children of mine" is not only a geographic object, but also the key to understanding a whole set of concepts related to the plot, symbolic and mythopoetic levels of the text. The river is the universal archetype and means the border between life and death, reality and mystery, commonness and perfection, temporality and eternity. The river becomes one of the central images of the work. The river Volga in the novel is a locus sacralis, an altar, and a prima materia, the womb of the universe, the feminine principle, the source of life.

Keywords: G. Yakhina, "Children of mine", mythologeme, mythopoetic, memory, oblivion, time, eternity, locus sacralis, prima materia

For citation: Zhulkova, K. A. (2023). The Mythologeme of the River in G. Yakhina's Novel "Children of mine". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 153–159. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

ВВЕДЕНИЕ

Роман Г. Яхиной «Дети мои» открывается словами: «Волга разделила мир надвое» [Яхина, 2020]. Эта фраза, выведенная в отдельный абзац, – код ко всему произведению. Особое размещение в тексте и символическая значимость каждого слова придают ей значение эпиграфа, в котором можно также угадать, пусть отдаленную и очень условную, но как нельзя лучше указывающую на основную мысль произведения, отсылку к афоризму Г. Гейне: «Мир раскололся, и трещина прошла по сердцу поэта». Главный герой романа Якоб Бах, немецкий учитель с душой поэта, сказочник, чуткий уловитель раскатов грома, вызванного расколовшимся надвое миром. Ему приходится балансировать между реальностью и вымыслом, между традиционным патриархальным немецким укладом и ворвавшимся с революцией новым миропорядком.

ВОЛГА КАК МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКА

Волга в романе – не только географический объект, но и ключ к целому комплексу понятий, связанных с сюжетным, символическим и мифопоэтическим уровнями текста.

Река, олицетворяющая Россию, ее символ, «глубока, широка, сильна», становится центром притяжения немцев, прибывших по приглашению Екатерины II еще в 1764–1773 годы. Герои романа Г. Яхиной, потомки немецких поволжских поселенцев, оказавшиеся свидетелями слома эпох (в романе описываются события 1918–1938 годов). Жена Якоба Баха, Клара, убеждена, что Волга соединяет Россию и Германию. Символически именно так. Гнаденталь – маленькая Германия на берегу русской реки. Однако новое время пытается ослабить национальную идентичность поволжских немцев. Отражение этого процесса прослеживается в эпизоде первой встречи Баха с комиссаром Гофманом.

Откликнувшись на просьбу Гофмана набросать «несколько местных выражений», Бах с азартом принимается воспроизводить поговорки и пословицы гнадентальцев, в первых же строках упоминается Волга: «Много воды утечет в Волге – о том, что несомненно случится. / Когда Волга вверх потечет – о том, что никогда не случится. / Все реки текут в Волгу. / Все реки текут в Рейн (используется реке)»¹ [Яхина, 2020, с. 171], – но прерывает Баха возбужденное бормотание, заглядывающего ему через плечо комиссара: «Волга – это замечательно, это очень правильно. А вот Рейн из речи

придется выколоть. Рейн в Советской России без надобности» [там же]. То, что Рейн встречается в речи гнадентальцев реже, чем Волга, – свидетельство медленного, но естественного ассимилятивного процесса. Однако время революционных перемен диктует свои условия резкого, радикального перехода к иным правилам существования.

«Выколоть» из речи Кёльнский собор, заменив его Кремлевской башней, «вычищать, выскребать, отмывать с мылом» [там же, с. 168] головы гнадентальцев – «авгиевы конюшни», научить поволжских немцев «правильно мыслить», «по-советски» [там же, с. 170] – вот задачи горбуна Гофмана, стремящегося социалистическую сказку сделать былью.

Упоминание авгиевых конюшен – не единственная в данном эпизоде отсылка к древнегреческой мифологии. Г. Яхина активно привлекает античные мифы для создания особой символической образности, соблюдая при этом тонкие нюансы постмодернистской игры.

Неслучайно среди прочих, написанных Бахом для Гофмана фольклорных выражений оказывается: «*Кануть в Волгу – пропасть без вести*» [там же, с. 171]. Напоминая знакомое всем – «кануть в Лету», это выражение открывает путь к постижению философского подтекста произведения (вопросам исторической памяти и творческого бессмертия).

Примечательна этимология этого фразеологизма. Связанный с античной мифологией, он, тем не менее, является производным от русских словосочетаний «кануть в воду», «как в воду канул», где кануть означает «упасть каплей». Капля бесследно исчезает в воде, растворяется без остатка. Учитывая имя главного героя, *Bach*, в переводе с немецкого означающего ручей, можно предположить, что судьба его – капля, ручей, впадающий в мощный поток исторической «реки времен», которая «в своем стремлении / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей» [Державин, 1957, с. 360]. Иронично обыграна в романе эта стремительность исторических изменений при неизменности уединенно замкнутого бытия гнадентальцев: портрет царя доставлял лишние хлопоты сельскому старосте Дитриху, которому даже пришлось написать газету, чтобы «сохрани Господь! – не пропустить известие о смене императора в далеком Петербурге и не оконфузиться перед очередной комиссией» [Яхина, 2020, с. 16], – дополнена более поздним распоряжением приехавшего наводить новые порядки Гофмана: «Из-за печи портрет императора-кровавицы – достать! И сжечь – прилюдно! (notabene: на митинге!..)» [там же, с. 233].

¹Курсив наш. – Г.Я.

В словосочетании «кануть в Лету» концептуально значима и замена номинатива. Так, Волга становится мифологической рекой. В ней легко узнаваема любая река царства Аида: и Лета, способная даровать душам умерших забвение или оживить воспоминания тех, кто возвращается из царства смерти, и Ахерон, отделяющий мир живых от мира мертвых, и Коцит – река плача, и Стикс – место силы. Все эти значения играют важную роль в мифопозитике романа.

РЕКА КАК ПРЕГРАДА НА ПУТИ В ИНОРЕАЛЬНОСТЬ

Водная преграда отделяет мир живых от мира мертвых не только в древнегреческой, но и в индийской мифологии (река Вайтарани, несущая кровь, лежит на пути в царство бога смерти Ямы), и в мифологии ацтеков (в страну смерти Миктлан можно добраться, переплыв реку на спине красной собаки), и в германо-скандинавской мифологии (река Гьёлль протекает у ворот преисподней, царства Хель), и в мифологии славян (водную преграду нужно преодолеть, чтобы попасть в потусторонний мир, Ирий).

Река – универсальный архетип. В мифах, священной истории, фольклоре народов мира, во всех верованиях и представлениях она означает границу между жизнью и смертью, реальным и потусторонним, обыденным и идеальным, временным и вечным.

Являясь одним из наиболее значимых образов-концептов, вбирающим в себя все глубинные архетипические смыслы, река в художественном пространстве романа «Дети мои» представляет собой некий портал, который соединяет мир живых и мертвых. Волга забирает умерших, но хранит память о них. Никому не позволено проходить сквозь этот портал. Однако в Гнадентале подозревают, что Бах живет «не на том берегу, а где-нибудь на дне Волги, вместе с рыбами». Комиссар Гофман спрашивает его: «Может, и сам ты рыба? Обращаешься раз в неделю человеком, а остальное время лежишь на дне, плавниками поводишь да над нами посмеиваешься?» [Яхина, 2020, с. 243]. Очевидно, что близость героя природе, многократно подчеркнутая автором, его самобытность, уникальность, избранность дают ему возможность сквозь этот портал проникать. Он и сам с недоумением замечает в себе такой чудесный дар: «И что это за вода – мягкая и ласковая, но бездушно волокущая вперед? Сохраняющая людей, животных, предметы в том же состоянии, в каком они погрузились в нее? Чутко охраняющая сон мертвецов

и не дающая побыть с ними дольше мгновения? И зачем ему, Баху, быть в этой воде, если сам он еще не умер?» [там же, с. 479].

Согласно мифологическим законам, путь в потусторонний мир заказан живым людям, проникнуть туда могут лишь немногие, наделенные божественной силой. По мысли Г. Яхиной, этой божественной силой является творчество. Писательница, с одной стороны, подчеркивает ничем не примечательную внешность Баха, напоминающую гоголевского Башмачкина, типичного «маленького человека» «тридцати двух лет от роду», уже начинающего «лысеть и морщиться от близкой старости» [там же, с. 19, 22], а с другой – показывает его как личность исключительную, творца, демиурга, человека, создающего новую реальность.

Он первый и единственный из гнадентальцев попадает на другой берег Волги. Никто не ходил туда даже по твердому льду, и представления о правом берегу у колонистов не совсем отчетливые: будто бы вдова Кох рассказывала о том, что «доподлинно знала от бабки Фишер», а та от жены Гауфа, а та от пастора Генделя о землях правобережья, которые не то были, не то остаются собственностью невесты какого монастыря, но «доступ туда обычным людям – заказан» [там же, с. 32]. Но маленький человек, скромный немецкий учитель Бах наделен способностью проникать в иную реальность. Обостренная чувствительность, способность избавляться от заикания во время декламации шедевров немецкой поэзии («Новалис, Шиллер, Гейне – стихи *лились* на юные лохматые головы, *как вода* (курсив мой. – К.Ж.) в банный день» [там же, с. 19] и приходить в экстаз от ощущения буйства природы во время грозы («Бах любил бури, как последний горький пьяница – водку на картофельной шелухе, а морфинист – морфий» [там же, с. 24] – те свойства восприимчивой души, души поэтической, которые приводят к постижению многослойности мира.

Так, особенности творческого мировосприятия героя ложатся в основу философско-аллегорических построений автора, а в художественном пространстве романа сквозь историческую действительность начинают отчетливо проступать черты притчевого мира, мира сказок и легенд.

Волшебным сказочным представляется правобережье, хутор Удо Гримма. Фамилия хозяина хутора немедленно включает в смысловую канву романа причудливые сюжеты сказок братьев Гримм, фольклорные образы составленного ими сборника «Немецкие предания» (1816–1818). По мнению И.Н. Ивановой, фамилии персонажей романа «Дети мои» «не простые, а сплошь великие – Бах, Гримм, Гендель, Гофман и др.» «словно бы ничего не говорят самим гнадентальцам и никак

не определяют их поведение и характер – “пустые знаки”. (Так и хочется вспомнить Гоголя – “не тот” Шиллер и “не тот” Гофман)» [Иванова, 2019, с. 211]. Не определяя «поведение и характер» персонажей, имена становятся сигналами игровой поэтики, предоставляющей читателю потенциальное право множественных трактовок в обозначенном автором образно-символическом поле.

Ученица Клара, спрятанная от учителя Баха за ширму, находится под строгим присмотром оглохшей от старости, но бдительной старухи Тильды, словно Рапунцель, проводящая жизнь в заточении в башне под надзором старой колдуньи.

Удо Грим не позволяет учителю видеть свою дочь, чтобы сохранить ее чистоту и непорочность. Клара, сгорая от смущения, признается шульмейстеру Баху в том, что ее отец боится, как бы она, глядя на постороннего мужчину, не стала «вместилищем греха». Это заявление вызывает у Баха гомерический хохот: «Глядя на меня? – Бах от неожиданности даже не нашелся, что ответить. – На меня?! (...) – На меня! – гоготал он, упав на стул, прямо на учебник немецкой речи, и рукой вытирая выступающие на глазах слезы. – Глядя на меня... в сосуд греха!» [Яхина, 2020, с. 46].

Этот странный мир сначала отталкивает героя: «ведьмы с прялками!», деньги, которые чудесным образом сами появляются в карманах [там же, с. 51]. Бах даже пытается бежать. Но попытка покинуть берег не удастся. Сказочный мир держит его в своем плену. Река, к которой он устремляется, будто исчезает. На месте остаются: щетки божьего дерева, пень-гнилушка, громадный лохматый муравейник. А берега нет. Нет и солнца на затянутом облаками небе. А раз нельзя «определить местонахождение светила» [там же, с. 47–48], то и время узнать невозможно.

Остановившееся время – свидетельство перехода в инобытие. Волга переносит героя в инопространство и исчезает. Пересечение потока, олицетворяющего вечное течение материального мира, становится символом попадания в рай.

Аллюзивные элементы сказок и легенд позволяют предположить, что сбывается некое предсказание, что будущее было предопределено, предначертано. Клара действительно становится невенчанной женой Баха. Сквозь сюжетную канву проглядывает миф об Адаме и Еве, подчеркнутый образами-символами (яблоневый сад, яблоки). Ассоциации с Эдемом помогают автору создать идиллический мир уединения и единения. Г. Яхина подчеркивает иное движение времени, его замедление, метафорически согласуя связь между течением времени и течением реки: «Само время, казалось, текло на хуторе по-иному <...> этот ход

не замедлялся, но становился едва ощутим, почти исчезал – как исчезает даже быстрое *течение* (курсив мой. – К. Ж.) в глубокой, схваченной ряской и тростниками заводи» [там же, с. 92].

Однако рай, обретенный героем-поэтом, разрушается дерзко ворвавшейся действительностью, заставляя его онеметь от ужаса. По мысли Баха, грязь и позор может смыть только Волга, только она способна даровать забвение. Пытаясь забыть о случившемся, смыть из памяти унижительные воспоминания, «перестирали всю одежду и белье – не соленой колодезной водой, а проточной в Волге» [там же, с. 119]. Апелляции к Волге как к реке-вечности, уносящей мысли о земных страданиях, о страшных происшествиях, связанных с жестокой действительностью, обнажают представление о неразделимости, сосуществовании временного и вечного.

Попытки игнорировать процессы, происходящие в жизни общества, обречены. Историческая машина запущена, ни остановить ее, ни перенаправить невозможно, под ее жернова попадает и сам строитель новой реальности комиссар Гофман. Создавая «храм новой веры», веры в светлое коммунистическое будущее, пытаясь превратить кирху в детский дом Третьего Интернационала, Гофман причудливым образом уподобляется Христу, предуготовливая себе мученическую смерть. Спасаясь от преследования толпы, он уходит в Волгу, так и не сумев переделать «не весь тот огромный и необъятный мир, что простирался по обе стороны от Волги <...> а лишь крошечный мирок, ограниченный с одной стороны рекой, а с другой – краями куцых колхозных полей <...> изменить Гнаденталь» [там же, с. 232]. Христианские аллюзии призваны показать разницу между насильственным историческим перекраиванием и подлинно духовным преображением.

РЕКА – LOCUS SACRALIS И PRIMA MATERIA

Описывая момент погружения горбуна Гофмана в реку, автор романа обращает внимание читателя на то, что прекрасное лицо его искажено горечью и безнадежностью. Однако в реке времени, реке памяти, происходит магическое преображение: Бах видит в Волге совершенное, будто скульптурное тело Гофмана, «не лицо – лик: столь тонкий и нежный, какой можно увидеть лишь на иконе» [там же, с. 479]. Река принимает жертву, стирает все несовершенства.

Волга в романе – locus sacralis, алтарь, жертвенник. Она забирает сначала телят (в *Год Нерожденных Телят*), затем умерших от голода людей (в *Год*

Голодных), а потом и детей (в *Год Мертвых Детей*). Называющий себя человеком «без искренней веры в сердце», Якоб Бах, «хороня» усопших в Волге, все же считает необходимым читать молитву [Яхина, 2020, с. 107]. Таким образом, акт «погребения» приобретает значение религиозного обряда.

Недоумение героя, вызванное неожиданным осознанием того, что Волга полна смерти, а люди живут на ее берегах, ничего об этом не зная, подчеркивается троекратным, выделенным курсивом – «не зная?» [там же, с. 482]. Ход дальнейших размышлений Баха, постигающего двойственную природу реки, вполне соотносим с космогоническими представлениями о воде как об источнике и гробнице всего сущего во вселенной. «Река эта – сплошная жестокость? Кладбище оружия и последних свидетельств? Или наоборот – истинное милосердие? (...) река эта – сплошной обман? Мнимая красота, скрывающая беспримерное уродство? Или, наоборот, – одна только правда?» [там же]. Риторические вопросы: полна река смерти, или, – наоборот, – полна жизни? – находят решение в мифопоэтической системе романа.

Вода в романе – не только гробница, но и *prima materia*, утроба вселенной, женское начало, источник жизни. Это значение акцентировано в эпизоде, где Бах понимает, что Клара ждет ребенка. Фрагмент пропитан фольклорными и мифологическими аллюзиями.

После долгого купания в Волге, Клара выходит на берег, солнце освещает ее фигуру с мягкими округлыми линиями, «облепленную мокрой исподней рубахой» [там же, с. 120]. Баху становится понятно, что Клара беременна, так же как приемной матери-волшебнице становится понятно, что случилось с Рапунцель, когда та после тайных встреч с принцем наивно спрашивает, почему ее платье так сильно обтянулось вокруг живота¹.

При виде ступающей на берег жены Баху вдруг вспоминается «гипсовая статуя в доме мукомола Вагнера» [там же].

Упоминание статуи дает основание предположить, что Клара здесь уподобляется Венере, из воды выходящей. Думается, на это указывает и фамилия немецкого композитора, которая звучит в данном контексте также неслучайно. Вполне возможны переклички с вагнеровским «Тангейзером». В музыкальной драме немецкого композитора обыгрывается сюжет народных сказаний и легенд, включенный, кстати, в сборник братьев Grimm «Немецкие предания» [Сюжет № 170, 1816, т. 1, с. 246],

о кающемся рыцаре, проведенном долгое время в царстве языческой богини любви Венеры. Сюжет, подвергавшийся многочисленным разножанровым творческим переработкам, – Г. Гейне обыграл его в балладе в ироническом ключе, Р. Вагнер в опере дополнил легендами о состязании рыцарей-миннезингеров и католической святой принцессе Елизавете, О. Уайльд преобразил в литературной сказке о рыбаке, полюбившем русалку – Морскую Деву, – в романе «Дети мои» отражается в отношениях Баха и Клары. Так, художественное пространство романа Г. Яхиной наполняется музыкой, а в его ткань вплетается красивая легенда, вобравшая разнообразные литературные ассоциации, о поэте-певце Тангейзере, пересекшем пространственно-временную границу и оказавшемся в безвременье царства богини любви Венеры.

Образ Клары, безусловно, неземной. Для Баха она богиня любви и сказочная принцесса. В романе встречаются множественные указания на ее сказочное происхождение. Самые яркие ассоциации связаны с гриммовской Белоснежкой. Героиня словно вылеплена из снега, сотворена «из молока и меда» [Яхина, 2020, с. 120]. В тексте можно найти также сравнение ее с Ледяной девой [там же, с. 101], однако в народных преданиях Ледяная дева (Снежная королева) холодна и жестока, Клара же скорее напоминает Снегурочку, вылепленную из снега и обреченную рано или поздно растаять, столкнувшись с земным теплом.

Смерть Клары Бах сначала принимает за сон: «Как глубоко она спала! Бледная, как вылепленная из снега» [там же, с. 140]. Не имея сил поверить в случившееся, он укладывает «снежно-белое» тело любимой в ледник. Актуализируя коннотации со сказкой братьев Grimm о Белоснежке, полюбившейся русским читателем в поэтическом переложении А. С. Пушкина, где перед сказочным героем возникает образ любимой («...во мгле печальной, / Гроб качается хрустальный, / И в хрустальном гробе том / Спит царица вечным сном»), – Г. Яхина подчеркивает соприродность героини водной стихии, но в ином замороженном виде. Неслучайно попытка Баха волевым усилием проникнуть в лед, вмерзнуть в него, застыть в нем, «ощущая рядом с собой холодное и твердое Кларино тело» и самому превращаясь «в холодное и твердое», не удается [там же, с. 147]. Умея преодолевать границу между реальным и сказочным мирами, он все же ощущает свою принадлежность первому. Реальность врывается в мир Баха вместе с новорожденным младенцем, «нестерпимо горячим и голосистым, требовательным и наглым, не дающим быть рядом с Кларой» [там же, с. 149].

Интересно, что решившись все же похоронить Клару, Бах делает это не в соответствии

¹Адаптируя для детей народные сюжеты, братья Grimm, по свидетельству Марии Татар, исключили этот момент из сказки. См.: A. S. Byatt, «Introduction» p. xlii-iv, Maria Tatar, ed. The Annotated Brothers Grimm. New York, 2012.

с собственным желанием («будь его воля – схоронил бы Клару в Волге» [Яхина, 2020, с. 199], а с тем, что «сама Клара вряд ли желала бы упокоиться в воде» [там же]. Любовь к Баху превратила ее из сказочной принцессы в земную женщину. Выкопав могилу на краю сада между яблонь, Бах отдает Клару земле, при этом лед, на котором она спала, он, будто соблюдая важный ритуал, осторожно выпускает в Волгу («Можно было просто выбросить те льдины под яблони, но отчего-то казалось правильным вернуть их реке» [там же, с. 200–201].

Снежная принцесса растаяла, родив земного ребенка. Жар, исходящий от младенца, наполняет Якоба Баха «долгожданным теплом» [там же, с. 143], заставляет его сознание пробудиться.

Однако дочь Анче походит на мать, «как молодое яблоко на зрелый плод» [там же, с. 226], ей достаются от Клары синие глаза [там же, с. 401]. Думается, неслучайно Г. Яхина уподобляет и имена обеих героинь речной воде: имя Клары «чистое и светлое, как речная вода» [там же, с. 118], имя Анче «чистое и светлое, как речная вода» [там же, с. 189]. Абсолютная идентичность этих сравнений показывает взаимосвязь в сознании героя высшего проявления любви с чистой и светлой речной водой. Так, река становится эквивалентом чистоты и непорочности.

Знаменательно, что Анче появляется на свет в особенный момент: в канун Рождества и в день провозглашения Советской республики немцев Поволжья. Рождение Христа, ознаменовавшее жизнь вечную, причудливым образом соотносится в тексте со словами проносящихся на санях по Волге колонистов: «Да здравствует шестое января девятьсот двадцать четвертого года! Да здравствует Владимир Ленин – наш великий и бессмертный во-о-о-о-ждь» [там же, с. 126], вновь актуализируя в романе тему рождения и смерти, временного и вечного.

Знаменательно и то, что первое кормление Анчи происходит на середине Волги. Бах опускал в молоко край своей рубахи, а потом вкладывал его «в жадно раскрытый младенческий рот» [там же, с. 157]. С этого момента Волга – «молочная» река, колыбель сказок. Бах помнил так много сказок, которые прежде рассказывала ему Клара, что

«мог бы купить на них целую бочку молока, целый колодец или целую Волгу» [там же, с. 202]. В пространстве черной волжской воды красочные детали сказок «вставляли перед взором Баха отчетливо, словно в голубом луче синематографа» [там же]. Так, спустя семь лет, Бах возвращается в Гнаденталь уже как медиатор между миром земным и сказочным. Постепенно сказки Баха начинают оживать. Творчество преображает реальность: делает мертвое живым. По словам Павловой, «возникает перевернутая картина мира: событийного, исторического как мертвого и мира культуры как мира живого. В этом читается глубинный замысел писательницы в репрезентации слова культуры как дарующего бессмертие и жизнь в вечности» [Павлова, 2021, с. 245].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фактографически точно и сухо Г. Яхина в Эпilogue сообщает о смерти Баха и о выпущенной издательством «Молодая гвардия» объемом в 640 страниц книге «Сказок советских немцев» (1933). Редактором сборника и автором предисловия к нему выступил И. Фихте, а перевода на русский – Л. Вундт. Если в первом издании «Сказок» автором числился «некий селькор Гобах», то во втором он уже фигурировал как составитель, а из последующих изданий упоминания о нем и вовсе исчезли [там же, с. 486]. Так, имя Баха было сначала искажено, а затем и забыто, но остались написанные им сказки, остались его дети, Анче и приемный сын Васька. Особую значимость приобретает в контексте размышлений о важности образа-концепта реки фамилия, взятая Васькой. Василий Васильевич Волгин не только продолжатель рода Баха, но и продолжатель его дела. Став учителем немецкого языка, он сохранил живой поток немецкой речи. Оказавшись в связи с законом «О переселении немцев...» в Казахстане, продолжал оставаться частью и хранителем культуры немцев Поволжья. Таким образом, тема исторической памяти и творческого бессмертия, актуализированная в романе с помощью мифологемы реки, обретает логическое разрешение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яхина Г. Ш. Дети мои: роман. М.: АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2020.
2. Державин Г. Р. «Река времен в своем стремлении...» // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957.
3. Иванова И. Н. Локус Волги в романе Г. Яхиной «Дети мои»: от геопоэтики к мифопоэтике // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019.
4. Сюжет № 170 // Гримм. Немецкие предания = Deutsche Sagen. Берлин, 1816. Т. 1.

5. Павлова Н. И. Сказка – миф – логос в поэтике романа Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 237–247.

REFERENCES

1. Jahina G. Sh. (2020). *Deti moi: roman = My Children: A Novel*. Moscow: AST ; Redakcija Eleny Shubinoj. (In Russ.)
2. Derzhavin G. R. (1957). *Reka vremen v svoem stremlen'i... = The river of times in its striving... Poems*. Leningrad: Sovetskij pisatel. (In Russ.)
3. Ivanova, I. N. (2019). *Locus Volgi v romane G. Yahinoj "Deti moi" = The locus of the Volga in G. Yakhina's novel "Children of main": from geopoetics to mythopoetics*. *Vostok – Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: bornik nauchnyh statej k 70-letiju professora A.H. Gol'denberga*. By N. E. Tropkina (ed.). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
4. *Sjuzhet № 170 // Grimm. Nemeckie predanija = Deutsche Sagen*. Берлин, 1816. Vol. 1.
5. Pavlova, N. I. (2021). *Fairy tale – myth – logos in the poetics of G. Yakchia's novel "Children of main"*. *Bulletin of Slavic cultures*, 59, 237–247. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жулькова Карина Алеговна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhulkova Karina Alegovna

PhD (Philology)
Senior Researcher of Literary Studies Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	14.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_160

Модели травматического нарратива в творчестве Петрушевской

Лю Цзинцзюань

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай

jingjuan1203@163.com

Аннотация. В статье рассмотрены модели травматического нарратива в творчестве Петрушевской. К их числу относится нелинейный нарратив для референции этической семейной травмы и репетиционный нарратив для создания тематической метафоры психической травмы. В глубоких взаимоотношениях голосов автора, рассказчика и персонажа проявлены противоречивость, неоднородность и полифония повествовательного дискурса травмы и критическое отношение автора к изображению травматических событий.

Ключевые слова: Л. С. Петрушевская, травматический нарратив, нелинейный нарратив, интертекстуальный нарратив, репетиционный нарратив, противоречие, неоднородность, полифония

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Шанхайского политико-юридического университета в рамках научно-исследовательского проекта № 2022XQN15.

Для цитирования: Лю Цзинцзюань. Модели травматического нарратива в творчестве Петрушевской // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 160–167. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

Original article

Trauma Narratives in Petrushevskaya's Novels

Liu Jingjuan

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

jingjuan1203@163.com

Abstract. The article discusses the models of traumatic narrative in Petrushevskaya's work, including non-linear narrative for the reference of ethical family trauma, intertextual narrative for the aesthetic perception of collective trauma, and rehearsal narrative for creating a thematic metaphor for psychic trauma. It was revealed that in the deep relationship between the voices of the author, the narrator and the character, inconsistency, heterogeneity and polyphony of the narrative discourse of trauma and the critical attitude of the author to the depiction of traumatic events are manifested.

Keywords: L. S. Petrushevskaya, traumatic narrative, non-linear narrative, intertextual narrative, repetitive narrative, contradiction, heterogeneity, polyphony

Acknowledgments: This article is funded by the research project for young scholars of Shanghai University of Political Science and Law (2022XQN15).

For citation: Jingjuan, Liu (2023). Trauma Narratives in Petrushevskaya's Novels. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 160–167. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

ВВЕДЕНИЕ

Травматическая литература всегда занимает значительное место в опыте человечества. Любое литературное произведение, в котором затронуты темы реальной жизни и неотъемлемые от них страдания человеческие, относится к категории травматических нарративов.

Слово «травма» берет начало от древнегреческого «рана» (trauma), телесное повреждение. Изучение травматизма началось в 1970-х годах с патологических исследований вьетнамских ученых-ветеранов. В 1980 году Американская психиатрическая ассоциация опубликовала «Руководство по диагностике психического здоровья»¹, в которое впервые официально включено понятие «посттравматическое стрессовое расстройство». С тех пор теория травмы была введена в область гуманитарных наук (а не только патологии) и постепенно стала общедоступной парадигмой западного публичного политического дискурса, гуманистической критики и исторической централизации. Согласно исследованию американского ученого Кэти Карут, под травмой понимаются «внезапные, неожиданные или катастрофические события, реакция индивида (на которые. – Л. Ц.), как правило, запаздывает и повторяется в виде галлюцинаций или других вторжений» [Caruth, 1996, с. 41–45]. В современной психиатрической литературе данный термин означает не только рану на теле, но и рану в сознании, которая возникла в результате эмоционального шока. Он неизбежно нарушает «осознание времени, себя и мира» [там же]. По научному убеждению известного польского социолога Петра Штомпки, процесс травмы включает следующие этапы: травматическое событие (травматическая ситуация), факторы (травматический эпизод), симптомы травмы, действия, предпринимаемые для облегчения, ограничения или преодоления травмы [Штомпка, 2010]. Травматический нарратив в литературе должен достичь последнего этапа. Перед автором стоит непростая задача – описать феномен травмы в форме литературного нарратива, проанализировать суть, источник и последствия травмы, а также глубоко осмыслить различные травмы, перенесенные людьми, с помощью индивидуального или коллективного опыта и чувств.

В травматической литературе используются различные художественные средства для передачи голоса молчаливой жертвы трагических событий, вызванных «кризисом истины» [Caruth, 1996], чтобы «выразить невыразимое, понять непостижимое» [Vickroy, 2015]. Между художественными

средствами травматической литературы и традиционными нарративными средствами нет существенного различия. Однако травматическая литература несет в себе большую повествовательную напряженность, нежели традиционный нарратив. Согласно Уайтхеду, нелинейный нарратив, интертекстуальный нарратив и репетиционный нарратив – всё это повествовательные средства литературы о травмах [Whitehead, 2004]. Они используются и в произведениях Петрушевской.

НЕЛИНЕЙНЫЙ НАРРАТИВ: РЕФЕРЕНЦИЯ ЭТИЧЕСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ТРАВМЫ

По мысли русского философа, богослова и христианского экзистенциалиста Николая Бердяева, существует три основных типа времени в соответствии с его особенностями, а именно космическое (которое имеет круговую природу), историческое (которое имеет линейную природу) и экзистенциальное (т. е. психологическое, которое имеет вертикальную природу) [Berdyayev, 1939]. В повествовательную стратегию Петрушевской входит специфический способ организации времени. Петрушевская специализируется на нелинейных нарративах для выражения воспоминаний, повторов и неуправляемости травматических образов в сознании персонажей.

В рассказе «Скрипка» Петрушевская использует циклическое повествование. Оно имеет три темпоральных вектора: прошлое, будущее и настоящее. В векторных переходах у Петрушевской спорадически возникают намеренные замыкания [龙迪勇, 2005]. Сюжеты организованы циклом бесчисленных событий в течение фиксированного момента времени «понедельник»: «...главного врача, который любил с Леной беседовать, обходя по понедельникам больных»; «Каждый понедельник у них возобновлялись краткие беседы»; «...по которому просачивались хоть какие-то сведения о Лене, были ее разговоры с профессором по понедельникам»; «...в один прекрасный день, в один из понедельников, профессор назначил Лену на выписку» [Петрушевская, 1995]. «Понедельник» используется как фиксированная точка во времени, застывшая в вечности, для выражения повторяемости травмирующих событий и непредсказуемости судьбы героев в замкнутом больничном пространстве. Для Лены, героини Петрушевской, каждый разговор – это кризисный момент, когда она рискует потерять приют, в котором можно залечить жизненную травму, а переход от циклического повествования к линейному становится поворотным моментом для того чтобы героиня

¹«Руководство по диагностике психического здоровья» (The Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders – DSM).

снова попала в блуждающую судьбу. Такого рода прием циклического повествования отчетливо представлен и в «Своем кругу». Противопоставление повторяющихся сюжетов «пятничного» карнавала сильному личностному началу (т. е. духу самопожертвования) героини-юродивой составляет эстетический способ осмысления писательницей женской травмы.

В творчестве Петрушевской циклическое повествование нередко бывает выражено как причинная петля. В рассказе «Дочь Ксении» и повести «Время ночь» повторы судеб трех поколений женщин составляет каузальное замыкание, имплицитно передающее одну и ту же концепцию жизни и поведения женщин. В частности, воспоминание и пересмотр личных травмирующих переживаний с точки зрения женщины-рассказчицы бесконечно преувеличивает и углубляет травму женского персонажа, а пересказ этого травматического опыта становится духовными оковами для следующего поколения, выросшего в страдании и унижении. Это метафора судьбы, от которой женщины нижнего уровня не могут убежать в трудной жизненной ситуации и угнетающей социальной обстановке. М. М. Бахтин объясняет, что единство места жизни поколений ослабляет и смягчает все временные грани между индивидуальными жизнями и между различными фазами одной и той же жизни. Единство места сближает и сливает колыбель и могилу (тот же уголок, та же земля), детство и старость (та же роща, речка, те же липы, тот же дом), жизнь различных поколений, которые обитали там же, в тех же условиях, видели то же самое. Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени [Бахтин, 1975]. С точки зрения многомерных отношений повествовательного процесса циклическое повествование может лучше отобразить намерение писателя показать историческую, этическую травму и травму идентичности.

Кроме того, фрагментарный нелинейный нарратив и нарративная трансформация также широко используются Петрушевской для выражения травматического опыта героев. Для его воссоздания Петрушевская прибегает к нарративным стратегиям. Например, в рассказе «К прекрасному городу» повествование об истории Насти с дочерью Викой, постоянно ищущей помощи у друга своей матери Ларисы – Алексея Петровича, в основной сюжетной линии ведется от третьего лица с точки зрения всезнающего автора. Временные порядки вкрапленных в повествование вспомогательных сюжетных линий относительно фрагментированы. Поэтика фрагмента у Петрушевской подчеркивает

выражение действительности в одном мгновении. При смене повествовательной точки зрения рассказчик обнаруживает свою познавательную ограниченность. Условность и ограниченность познавательных компетенций рассказчика обнаруживается, например, тогда, когда Петрушевская воссоздает фрагментированные воспоминания Алексея Петровича о прошлом в замкнутом временном поле. Попутно автор обнаруживает у своего персонажа, Алексея Петровича, признаки так называемого разорванного мышления, т. е. признаки полной или частичной утраты связи мыслей. Линейная протяженность времени уносит Алексея Петровича от прошлого, к которому он исходной привязан. Он хотел прорваться через заточение линейного времени, но в то же время понял, что, может быть, подсознательно не хочет сбежать из реки времени. Фрагментарный нарратив используется для разбора и реконструкции повторяющихся разрозненных причинно-следственных связей в отрывочном голосе рассказчика, а также для многомерного выражения травматического опыта трех поколений женщин в одной семье.

В рассказах Петрушевской взаимное противопоставление сюжетов с помощью приемов линейного и нелинейного нарративов подчеркивает противоречия между идеалами и реальностью персонажей, внешним миром и внутренним миром, сказочностью и достоверностью истории. Именно цикличность и фрагментарность повествования отражают представление автора о нелинейном мифологическом времени, в частности, осуждающее отношение автора к бессознательному повторению семейной травмы маргинальными группами социума в советское время. Это не страстное выражение эмоции сильного негодования или сострадания, а объективное и спокойное повествование, которое неоднократно подчеркивает общие семейные травмирующие события, такие как болезнь, смерть личностей и распад семьи, и через призму травмы отражает исторические корни равнодушного переигрывания трагической судьбы человека.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ

Понятие интертекстуальности впервые было введено французским критиком Кристевой в 1960-х годах. Оно является важным термином в постмодернистской, постструктуралистской критике. Кристева отметила, что любой текст связан с символической системой вне этого текста, что он является

заимствованием и трансформацией других текстов и развивает свои собственные ценности в различиях [Kristeva, 1980]. По научному убеждению Уайтхеда интертекстуальность является основной стилистической стратегией травматической фантастики. Согласно означенной стратегии интертекстуальный роман строится вокруг разрыва между оригинальным текстом и его переписыванием. Автор ведет повествование, полагаясь на читателя в завершении истории, что позволяет литературе справиться с «невыразимой» травмой [安妮·怀特海德, 2011].

В произведениях Петрушевской используется множество постмодернистских элементов для эффективного отображения хаоса и пошлости повседневной жизни после распада Советского Союза. Петрушевская ведет свое повествование, поэтапно подчеркивая вульгарные потребности и духовную нищету людей в реальной жизни, раскрывая влияние социальной реформы на будущее страны и судьбу людей. Например, рассказ Петрушевской «Новые Робинзоны» представляет собой смесь исторической реальности и литературного вымысла. Прибегая подчас к намеренной эклектике, Петрушевская пародирует роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». В романе Дефо Робинзон, родившийся в семье со средним достатком, случайно попал на необитаемый остров. Своей сильной волей и неустанными усилиями он превратил изолированный остров в «малое общество» и наконец, вернулся к современной цивилизации. Напротив, новые Робинзоны, описываемые Петрушевской, выбирают бегство из города. Они вынуждены строить новые убежища в глуши, чтобы избежать социальных угроз. Робинзоны Петрушевской – это художественная репродукция трагического образа Сизифа в ином культурном контексте. Петрушевская использует пародийно-нарративную модель для сопоставления различных интертекстов, для построения непростой семантической связи с рецендентными текстами. Писательница метафорически воссоздает причинно-следственную связь между коллективной и личной травмой, политическим насилием и большими историческими событиями в России, с целью раскрыть абсурдность реальности.

Глубоким повествовательным взаимодействием с романом «Робинзон Крузо» обусловлена стилистическая неоднородность художественных текстов и создан новый текст, основанный на внутренней «борьбе» противоречий, дисгармонии и неоднородных формах. Петрушевская сочетает робинзоновские образы и сюжеты с образами распада Советского Союза и деталями повседневной жизни для построения метафорической модели

в интертекстуальном нарративе. В противостоянии правды и абсурда, в переплетении реальности и истории осуществляется подрыв и деконструкция идеологии варварства. Оно подчиняется цивилизации в интертексте. Собственно, «цивилизация» Дефо и есть источник травмы «новых Робинзонов» Петрушевской. Распад Советского Союза – исторический катаклизм, который фактически загнал людей в клетку коллективной травмы. Они не смогли вынести радикальных политических перемен и решили обратиться к своему собственному Ноеву ковчегу, чтобы залечить травму. Г. Нефагина указывает на то, что антиутопия Петрушевской вытекает из руссоистского представления о человеке, бегущем от цивилизации в природу и живущем там свободно. Примечательны типологические особенности «натуралистических» произведений Петрушевской. В них нет идеалов, а дети – силуэты родителей и их судеб [Нефагина, 1997].

В другом антиутопическом рассказе Петрушевской «Гигиена», интертекстуальные тексты древней традиционной апокалиптической литературы используются для воссоздания коллективной травмы – пандемии. Эта стратегия отражается, с одной стороны, в пропаганде философской концепции эсхатологии путем заимствования из Библии символического значения чисел (3 и 7), признаков последних дней и Божьей кары, с другой – в интертекстуальной связи с четвертым сном Раскольникова из романа Достоевского «Преступление и наказание». Сюжетно оба повествования сконцентрированы на коллективной чуме. Автор показывает испытание и очищение человеческой природы катастрофой. В то же время оба произведения передают мрачную и гнетущую атмосферу ужаса и смерти перед концом света, а также страх, панику и деградацию личности перед эпидемией. Прибегая в своем рассказе к двойному коду (катарсис и катастрофа), Петрушевская выражает мысль о том, что наш мир обречен на гибель. Той же точки зрения отчетливо придерживался Достоевский. Писатель был убежден, что если ребенок прольет хоть слезинку, в мире будет утрачена гармония. В произведениях Петрушевской ребенок проливает не слезы, а кровь. Разнятся и в то же время обнаруживают сходство личностные амплуа персонажа Петрушевской, с одной стороны, и Достоевского – с другой. Девушка в «Гигиене» выживает как чистый и безупречный нравственный идеал. Соня в «Преступлении и наказании», в свою очередь, способна подняться со дна жизни и обеспечить духовное очищение себе и другим. В обоих произведениях коллективная травма способствует очищению человека. Оно, в свою очередь, служит спасению мира.

Петрушевская использует интертекстуальный нарратив, включая его в новый сюжет. Означенный авторский прием служит для воссоздания коллективной травмы. Она, в свою очередь, свидетельствует о проблеме морального и физического выживания человека в условиях советского и постсоветского общества. Согласно представлению автора, персонажу предстоит преодолеть враждебность и жестокость трагической судьбы или поддаться удару темной судьбы. Петрушевская дает своим героям право исправить собственную душу и восстанавливать достоинство жизни.

РЕПЕТИЦИОННЫЙ НАРРАТИВ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Репетиционный нарратив – важный прием повествования в литературном творчестве. Он играет значительную роль в передаче эмоций персонажей, в изображении окружающей среды, в создании атмосферы действия. Композиционный прием повтора той или иной единицы сюжета у Петрушевской представляет собой художественное средство для передачи ментальных терзаний и устремлений персонажа. Понимание репетиционного нарратива в произведениях Петрушевской помогает читателю постичь авторский замысел.

Петрушевская употребляет повторение слов, образов и сюжетов для композиции текста и для усиления художественного эффекта. Например, в «Медее» рассказчик многократно подчеркивает внешнюю и внутреннюю слабость героя словесными рядами. В небольшом тексте слово «слабый» употребляется 9 раз: «слабого типа», «слабый рабочий», «слабо лежали», «глаза как бы с поволокой, прикрытые, тоже слабые...». Кроме того, семантика также подчеркнута оксюмороном: «...Грубые руки с сильными ногтями слабо лежали на руле...» [Петрушевская, 1995, с. 246]. Описывая боль от потери любимой дочери, испытанную персонажем, Петрушевская использует эпитеты «бедные» и «сухие»: «Вот почему он не спит, бедный шофер. Он посмотрел на меня своим бедными глазами», «Я уже выплакал все, глаза сухие. Сухие глаза», «Он посмотрел на меня сухими полузакрытыми от слабости глазами» [там же, с. 246–247]. С одной стороны, приведенный словесный ряд точно передает чувство расстройств главного героя, когда он не может избежать трагической судьбы и терпит жизненную боль. С другой – Петрушевская в полной мере указывает на депрессию и нервное истощение у женщин, вызванные снижением

ответственности мужчин в сфере гендерных отношений.

Кроме того, повторение образов имеет важное символическое значение в творчестве Петрушевской. В рассказе «Сирота» образное повторение «белого» выполняет ключевую культурологическую референтную функцию, что выделяет духовно-нравственное качество главного героя «чистота». В то же время автор прибегает к повторению для раскрытия темы смерти. Повторение образа «тень» в рассказе «Мистика» и образа «пачка творога» в рассказе «Новый район» воплощает переживания смерти собственного ребенка, и передает тяжелые воспоминания героини о драматических событиях. Повторение образа «кто-то» в рассказе «В доме кто-то есть» облекает пустоту и безумие одинокой старухи в материальную форму, обладающую большой угрозой и разрушительной силой. В то же время на уровне повествования смешаны болезненная память героини о прошлом и неудовлетворенность хаотическим реальным состоянием.

Повторение сюжетов более заметно в романе «Номер Один, или В садах других возможностей». Сюжет таинственного полуночного пения народа энти о тайне гробницы становится скрытой нитью, которая способствует развитию повествования, а также контрастирует с трагической судьбой главного героя «Номера Один». Полуночное пение стало, с одной стороны, причиной странствий главного героя, а с другой – поворотным моментом в его жизни. Он не только подтвердил веру народа энти в личный жизненный опыт реинкарнаций, но и также завершил путь духовного спасения. Сюжетный повтор «полуночное пение» расширяет художественное пространство романа и формирует характер чередующихся и параллельных многоголосий. Так акцентируется очистительная и целебная роль божественности в бытии.

Репетиционный нарратив в произведениях Петрушевской является особой формой присутствия авторского голоса. Как авторская маска рассказчик создает у читателя впечатление «самоустранения» автора, но на самом деле конструирует дискурсивную игру между автором и рассказчиком. Автор подчас намеренно замедляет ритм повествования, которое ведет рассказчик. С помощью означенного приема Петрушевская показывает некое сиюминутное сгущение бытия, его внутреннюю кульминацию. Цель автора состоит в том, чтобы шокировать читателя, заставить резонировать читательскую боль и чувство ответственности читателя-свидетеля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В творчестве Петрушевской используются различные художественные приемы для построения уникальной модели травматического нарратива, включая нелинейный нарратив для референции этической семейной травмы, интертекстуальный нарратив для эстетического восприятия коллективной травмы и репетиционный нарратив для создания тематической метафоры психической травмы.

В авторском спокойном и объективном повествовании проявляется глубинное взаимодействие между авторским голосом, голосом рассказчика и голосами персонажей. В пересечении, слиянии или взаимном противопоставлении различных голосов присутствует противоречивость, неоднородность и полифония травматического повествовательного дискурса. Все перечисленное отражает своеобразный взгляд автора на время и пространство, на мимолетную жизнь и непреходящие ценности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2010.
3. Vickroy L. *Reading Trauma Narratives*. Chicago: University of Virginia Press, 2015.
4. Whitehead A. *Trauma Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
5. Berdyaev N. A. *Slavery and Freedom*. Paris: YMCA-PRESS, 1939.
6. Петрушевская С. *Тайна дома: повести и рассказы*. М.: Квадрат. 1995.
7. 龙迪勇. 空间形式:现代小说的叙事结构[J]. 思想战线. 2005:109–116. = Лон Дийон. Пространственная форма: повествовательная структура современных произведений // Идеологический фронт. 2005. С.109–116. (на кит.)
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
9. Kristeva J. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 1980.
10. 安妮·怀特海德. 创伤小说[M]. 李敏译. 河南大学出版社, 2011.= Уайтхед Э. Травматическая литература / пер. Ли Минь. Изд-во Хэнаньского университета, 2011. (на кит.)
11. Нефагина Г. Л. *Русская проза второй половины 80-х начала 90-х годов XX века*. Минск: Экономпресс, 1997.

REFERENCES

1. Caruth, C. (1996). *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
2. Sztompka, P. (2010). *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* = Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Logos. (In Russ.)
3. Vickroy, L. (2015). *Reading Trauma Narratives*. Chicago: University of Virginia Press.
4. Whitehead, A. (2004). *Trauma Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
5. Berdyaev, N. A. (1939). *Slavery and Freedom*. Paris: YMCA-PRESS.
6. Petrushevskaja S. (1995). *Tajna doma: povesti i rasskazy* = The mystery of the house: novels and stories. M.: Kvadrat.
7. 龙迪勇. 空间形式:现代小说的叙事结构[J]. 思想战线. (2005). = Long Diyong. *Spatial Form: The Narrative Structure of Modern Novels*. The Ideological Front, 109–116. (In Chin.)
8. Bakhtin, M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* = Issues of Literature and Aesthetics. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
9. Kristeva, J. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press.
10. 安妮·怀特海德. 创伤小说[M]. 李敏译. 河南大学出版社, (2011) = Whitehead, A. *Trauma Fiction*. Translated by Li Min. Henan University Press. (In Chin.)
11. Nefagina, G. (1997). *Russkaya proza vtoroy poloviny 80-kh – nachala 90-kh godov XX veka* = Russian prose of the second half of the 80s and early 90s of the twentieth century. Minsk: Ekonompress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цзинцзюань

доктор филологических наук
старший преподаватель
Шанхайский политико-юридический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Jingjuan

Doctor of Philology
Senior Lecturer
Shanghai University of Political Science and Law

Статья поступила в редакцию	15.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 008+930.85+23/25+94(47)

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_167

Семантические акценты концепта «святой град» в русской культуре

Е. Ю. Перова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eperova71@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются контексты концепта «святой град», приводятся примеры из различных сфер художественной культуры, в течение отечественной истории репрезентирующих этот образ. Также отмечаются границы современных научных трактовок «топоса», выявляется связь образа с самоидентификацией носителя культуры. В работе используются междисциплинарные методы, позволяющие приблизиться к целостному пониманию данного концепта. Семантические границы концепта «святой град» определяются сакральными истоками, в свою очередь обуславливающими трансляцию соответствующих смысловых коннотаций и в современной культуре.

Ключевые слова: концепт «святой град», русская история и культура, христианская культура, сакральное, тоpos

Для цитирования: Перова Е. Ю. Семантические акценты концепта «святой град» в русской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 167–172. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_167

Original article

Semantic Boundaries of the “Holy City” Concept in Russian Culture

Ekaterina Yu. Perova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eperova71@list.ru*

Abstract. The article examines the contexts of understanding the concept of the «Holy City», provides examples from various spheres of artistic culture that represent this image in the domestic history. The boundaries of modern scientific interpretations of the “topos” are also noted, the connection of the image with the self-identification of the culture carrier is revealed. The research involves interdisciplinary approaches that allow the author to approach a holistic understanding of this concept. The semantic boundaries of the concept of the “Holy City” are determined by the sacral origins, which in their turn determine the translation of the corresponding semantic connotations in modern culture.

Keywords: the concept of “Holy City”, Russian history and culture, Christian culture, sacral, topos

For citation: Perova, E. Yu. (2023). Semantic Boundaries of the “Holy City” Concept in Russian Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 167–172. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_167

ВВЕДЕНИЕ

Образное восприятие мира – одна из основных характеристик картины мира, присущей русскому народу. В свою очередь этот маркер отражает целостность мировосприятия, в соответствии с которым мир познается посредством «верующего разума» [О верующем разуме, 1912]; процессы европеизации и секуляризации занимают в отечественной истории сравнительно небольшой временной период.

«Устойчивые топосы» в культуре так или иначе связаны с сакральным пространством. В русской культуре сакральная сфера раскрывается через освоение восточно-христианской традиции. При этом религиозная символика воспринимается и отражается по-иному, нежели в европейской христианской традиции. Понятие «топоса» до сих пор не имеет точных определений и его коннотации в определенных контекстах синонимичны значению «образ». В данной статье такое понимание «топоса» усиливает акцент на образном восприятии в русской культуре сакрального пространства, вместе с тем нередко отсылающего к географически конкретному месту.

Среди доминирующих первообразов в русской культуре устойчивое место занимает концепт «святой град», семантические контексты которого в христианском сознании и отечественной культуре образуют наиболее емкую парадигму. Она охватывает пространство земных и небесных реалий, материальной культуры и религиозно-философских построений. Архетип града в христианской культуре перешел в иконографию как один из основополагающих семантических компонентов.

Град земной становится аксиологической проекцией града небесного. Смысловые параллели между ними можно проследить на примерах градостроения, особенностей храмовой архитектуры, иконографических сюжетов, богослужебных текстов, образа города в русской литературе и др.

КОННОТАЦИИ «СВЯТОГО ГРАДА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Первообразы многих явлений в культуре и повседневной жизни русского народа связаны с символикой и семантикой христианства. Одним из таких понятий является Град. Это не столько огороженная, защищенная территория, сколько напоминание о вечном, проецируемое и на определенное географическое пространство, но, прежде всего, на образ Небесного Иерусалима. «Иерусалим – это многоплановый сакральный образ, на котором сходятся основные идеи православного сознания. Можно

сказать, что мировосприятие Средневековья ориентировано на Иерусалим» [Иерусалим, 1994, с. 3]. Архетип града связан с местом земной жизни Христа, городом, образ которого в христианской культуре перешел со временем в иконографию и другие сферы культуры как напоминание о вневременном в пространстве земного. При этом вселенский характер христианства не ограничивает творческое начало и особенности самосознания народа.

В средневековый период существовало различие в значениях слов город и град в славянских языках: град как огороженный детинец, где построены церкви; город – просто укрепленный пункт, на это обращает внимание В. Г. Костомаров [Костомаров, 1994]. В. И. Даль указывает различные оттенки слова «град» и его производных: «"городить" – "вообще строить", вместе с этим созидательным смыслом выделяется и негативная оценка: "городить вздор, пустословить"; но это исключение лишь показывает, что всегда в той или иной мере появляется искажение, обмирщение или профанация смыслов. "Городить" означает и создавать защищенное пространство, и не только в видимом мире, но и во внутреннем мире души человека, неслучайно появляется в народе выражение "огради меня от обид"» [Даль, 1998, с. 380]. Слово «город» означает и населяющих его людей. Сообщество, единство народа отсылает к понятию соборности, которое появляется в русской философии в середине XIX века в трудах славянофилов. Единство в христианском сознании или «соборность любви есть Церковь, человеческий род в своем оцерковлении, богоуподоблении, обожении, которое и есть цель и задача человеческой жизни» [Булгаков, 1987, с. 547].

В городе центральное место традиционно отводилось храму, собору. Не случайно В. И. Даль приводит поговорку: «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня (...что изба, то обычай)» [Даль, 1998, с. 381]. От слова «град» образовано слово «гражданин», значение которого в религиозном сознании связано с представлениями об Отечестве Небесном. «Гражданские обязанности двояки: к правительству и к ближнему» [там же, с. 390].

Таким образом, через семантический контекст происходит отождествление слова «град» с пространством святости. Пространство города в христианском сознании часто связано с образом конкретного святого. Святой подвижник данного города защищал, ограждал его жителей в мистическом смысле и показывал пример следования ко Граду Небесному. Благодаря присутствию образа святого покровителя в памяти народа, актуализировалось представление о вечности. Оно определяло и жизнь человека в настоящем. Как правило,

святость предков особенно ясно осознавалась в трагические периоды отечественной истории. В данном русле логично и естественно воспринимать образ града Китежа.

Слово «град» созвучно во всех славянских языках, а также родственно в литовском, в древнеиндийском и готском языках слову со значением «дом» [Фасмер, 1996, с. 443]. Слова «град» и «дом» часто становятся контекстуальными синонимами.

Град земной становится не только аксиологической проекцией Града небесного, но и крепостью, стражем, защитой от внешнего врага. Судьбы русского и южнославянских народов особенно близки, в том числе и по причине необходимости защищаться от внешних завоевателей. Типология городов христианских славянских народов схожа. Так, например, битва при Косово (1389) стала одним из самых значительных событий в истории Сербского государства. Впоследствии она повлияла на особенности городской архитектуры и монастырской фортификации: при постройке монастырей в первую очередь использовали особенности горного рельефа, но практиковалось и сооружение внутренней цитадели. Она обеспечивала дополнительную защиту. На русской земле храмы, монастырские ансамбли и города также устраивали, как правило, на возвышенных местах.

Монастырский ансамбль рассматривается как дом, град, остров спасения, часто островные монастыри воздвигались в пустынных местах, на островах, в горах, где образ восхождения в горный мир сочетался с гористым рельефом и возможным уединением. Распространенный в иконографии образ лестницы, ведущей к небу (предложенный раннехристианским подвижником игуменом Синайской горы преподобным Иоанном), сопровождался окружающим пейзажем рельефной местности. Такое природное окружение соответствовало словам богослужебных текстов (например, «горе имеем сердца») и постоянно напоминали о Горнем Отечестве, «Небесном граде». Преподобный Иустин Попович писал: «Я знаю, я предчувствую и знаю, что Ты единственный Архитектор... Который может выстроить вечный дом души моей» [Преподобный Иустин, 2005, с. 260].

С XIV столетия в храмах большая часть росписей приобретает сюжетный характер, евангельские и библейские сюжеты начинают обостренно восприниматься в контексте эсхатологических настроений. Они отнюдь не носят пессимистического характера. Однако они зиждутся на приоритете духовного начала и главной цели человека – соединения с Богом в Небесном Отечестве. Град земной уподобляется Граду небесному. Так, например, в росписях появляется сюжет Великого исхода.

Град, как и храм, в таком случае становятся духовным ориентиром, постоянно напоминая о цели христианской жизни. При этом смысловым синонимом Града может быть и Сад как пространство чистого и Божественного. Ярким примером тому семантическое поле стихотворения М. И. Цветаевой «Сад»:

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.
... Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.

Созидаемое окружение человека «прочитывалось» в контексте вечных образов: «...соборный храм символизировал Небесный Град, как бы опустившийся на землю с неба от Бога», а «крепость знаменовала собой земной Иерусалим», – призывая к бодрствованию и жизни по заповедям [Мокеев, 2007, с. 23]. Храм как «синтез искусств» [Флоренский, 1996] создает единое смысловое пространство, объединяющее вербальные и невербальные компоненты: библейские и евангельские сюжеты росписей «читаются» «не просто как иллюстративное изображение, но как символическая тема, тесно связанная с литургией» и «с основанием Церкви на земле» [Тодич, 1994, с. 34–35].

В то же время Иерусалим не является абсолютным символом, он являет собой лишь земное воплощение Горнего Иерусалима. Поэтому попытки воплотить в архитектурной форме образ града небесного долго находились в процессе поиска, «даже появившийся новый крестово-купольный храм не остановился в своем развитии, а значит, не был образцовым, идеальным», при этом «в храмах каждой школы "Небесный Град" был проявлен в разной степени "похожести" на Первообраз»; «полтысячелетия потребовалось грекам, чтобы усовершенствовать крестово-купольный храм, причем явно не в конструктивном, а в символическом отношении» [Мокеев, 2007, с. 16–17, 22]. Смысловая параллель между градом и храмом выявляется и в указании на то, что Град может выглядеть кубом (Откр. 21: 16), а приоритет духовного – в уязвимости самых совершенных творений рук человеческих: «горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий!» (Откр. 18: 10).

Изображение Небесного Иерусалима, «новозаветного рая, было крайне важным для христианского искусства... Художники тщательно следовали описанию Небесного града (в Откровении

ап. Иоанна Богослова)... Небесный град изображали с разных ракурсов...». Так, образы ворот передаются в порталах храмов и при входе в город (например, Золотые ворота Царьграда); «представление, что Град Небесный будет полон постоянного света... повлияло на дальнейшую культурную традицию» и в европейской, и в отечественной культуре и литературе [Багдасарова, 2019, с. 261, 269]. Категория света в христианской культуре многоаспектна и связана с идеей преображения человеческой души. Нередко образ света является маркером, границей между трансцендентным миром и материальным в изобразительном искусстве.

А. М. Панченко, пишет о том, что для правильного выяснения «культурного ореола» «надлежит сообразоваться с эстетическим кодом той или иной системы, ввести в инструментарий культурологии ценностный подход», который определяет эволюцию культуры, где события протекают «все же в пределах «вечного града», <...> старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только оттесняются на задний план, но не покидают „вечного града“» [Панченко, 2005, с. 36, 316].

Образ отдельных городов в мировой истории отражает динамику взаимодействия светского и религиозного, цивилизации и культуры. Вырисовывается образ «вавилонской башни наших дней» [Мирлин, 2007], образ стремительного отхода человека от сакрального начала культуры, что приводит к ее умиранию. Примером этого процесса является по О. Шпенглеру мировой город. В постхристианскую эпоху, когда утрачивается сакральное начало в понимании человеком явлений бытия, в том числе, смыслового пространство понятия «дом». Понятие «Отечество» девальвируется, поскольку люди, определяемые как социальные единицы, номады, ведут «кочевой» образ жизни, «подвижность для них является доминирующим жизненным процессом» [Евдокимов, 2014, с. 33].

Семантическое поле слова «град» не может быть завершенным, поскольку оно связано и с мистическим измерением жизни человека, которая проходит становление в пределах града земного, имея ориентиром и целью Отечество Небесное. Образ пути человека к Богу связан с историческими событиями. В контексте политических и религиозных идеалов, временного и вечного, была написана рукопись сербского мыслителя епископа Николая (Велимировича) «Сказание о стране недостижимой» [Земля недостижимая ... 2004].

Образ пути, движения, странничества в пространстве земного Отечества неизбежно соотносится

с образом града. «Мы никогда не возвратимся на родину в настоящем смысле этих слов... Родина наша – святыня, место святого Града...», – писал Сергей Булгаков, комментируя слова известного стиха «На реках Вавилонских мы тамо седохом и плакахом», в которых выражен плач одновременно об Отечестве земном и Отечестве небесном [Булгаков, 1987, с. 178].

В XXI веке в научных работах активно исследуется понятие «топоса» в различных контекстах: город как «топос», топос города в литературе на примере конкретных произведений, житийные топосы в памятниках древнерусской литературы, танатологические топосы Руси, предания о рае на Руси и их связь с индийским топосом, сакральные топосы и символы культуры, топос дома, сада и детства, урбанистический топос, хронос и топос странничества в культуре, усадебный топос и другие топосы. Вводится понятие «топосферы культуры» [Хазагеров, 2008]. Означенные тенденции подчеркивают значимость концепта «град» и связанные с ним трактовки современных явлений в культуре.

Таким образом, многоаспектное прочтение концепта «град» продолжает развиваться в соответствии с историей и культурой, с представлениями человека о целях его бытия и окружающем мире (на современном этапе – часто в пространстве мегаполиса). В новых исторических условиях возникают новые ракурсы прочтения данного первообраза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В концептосфере русской культуры образ града занимает значительное место. Его истоки связаны с сакральной, христианской, символикой. Репрезентацию элементов этого образа можно проследить в течение всей русской истории в основных сферах художественного творчества: в архитектуре, изобразительном искусстве, литературе, на современном этапе – в урбанистике, а также в философии и в междисциплинарном гуманитарном научном пространстве.

Благодаря контексту сематических значений концепта «святой град» и в светском мировосприятии актуализируются ценностные акценты, патристические настроения и духовное начало в целом.

Понимание семантических границ концепта «святой град» вводит его в ряд основных первообразов культуры, которые определяют идентичность, устойчивость традиции и направление дальнейшего развития культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О верующем разуме / И. В. Киреевский. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912.
2. Иерусалим в русской культуре / Центр восточнохристианской культуры ; сост. А. Баталов, А. Лидов. М.: Наука, 1994.
3. Костомаров В. Г. Жизнь языка: от вятичей до москвичей. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. М.: Русский язык, 1998.
5. Булгаков, Сергей, прот. Слова. Поучения. Беседы. Париж: YMCA-Press, 1987.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А – Д) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб.: Terra – Азбука, 1996.
7. Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М.: Издат. Совет Русской Православной Церкви, 2005.
8. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Избранные труды по искусству. М.: Изобраз. искусство : Центр изучения охраны и реставрации наследия священника П. Флоренского, 1996.
9. Мокеев Г. Небесный Град Святой Руси. М.: ИХТИОС, 2007.
10. Тодич Б. Н. Тема Сионской церкви в храмовой декорации XIII–XIV вв. // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994. С. 34–45.
11. Багдасарова С. А. Апокалипсис в искусстве. Путешествие к Армагеддону. М.: Эксмо, 2019.
12. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб.: Звезда, 2005.
13. Мирлин Е. Г. «Вся же искушающее, добрая держите» (наука и духовность). Православная гимназия // Научно-популярный публицистический альманах. Свято-Алексиевская Пустынь. Вып. 1. 2007. С. 13.
14. Евдокимов А. Ю. Сохранение национальной и культурной идентичности – важная задача современного отечественного образования // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы городской научно-практической конференции. Москва, 8 ноября 2014 г. М.: МГЛУ, 2014. С. 30–37.
15. Земля недостижимая: Современная сказка для взрослых / Святитель Николай Сербский (Велимирович) ; пер. с серб. Н. Феофановой. М.: Покров (Тип. Патриаршего ИПЦ), 2004.
16. Хазагеров Г. Г. Топос VS. Концепт: К изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 6–26.

REFERENCES

1. Kireevskij I. V. (1994). O verujushhem razume = On the believing mindj. M.: Pechatnja A. I. Snegirevoj.
2. Batalov, A., Lidov, A. (1994). Ierusalim v russkoj kul'ture = Jerusalem in Russian Culture (1994). Centr vostochnohristianskoj kul'tury. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Kostomarov, V. G. (1994). Zhizn' yazyka: ot vyatichej do moskvicej = The life of the language: from Vyatichi to Muscovites. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
4. Dal', V. I. (1998). Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T. 1. = Explanatory dictionary of the living Great Russian language, 1. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
5. Bulgakov, Sergij, prot. (1987). Slova. Poucheniya. Besedy = Words. Teachings. Conversations. Paris: YMCA-Press. (In Russ.)
6. Fasmer, M. (1996). Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1 (A – D) = Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol. 1 / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. St. Petersburg: Terra – Azbuka. (In Russ.)
7. Prepodobnyj Iustin (Popovich). (2005). Filosofskie propasti = Philosophical abysses. Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. (In Russ.)
8. Florenskij P. A. (1996). Hramovoe dejstvo kak sintez iskusstv = Temple action as a synthesis of the arts. Selected Works on Art. Selected works on art. Moscow: Centr izuchenija ohrany i restavracii nasledija svjashhennika P. Florenskogo.
9. Mokeev, G. (2007). Nebesnyj Grad Svyatoj Rusi = Heavenly City of Holy Russia. Moscow: IHTIOS. (In Russ.)
10. Todich, B. N. (1994). Tema Sionskoj cerkvi v hramovoj dekoracii XIII–XIV vv. = The theme of the Zion Church in the temple decoration of the XIII–XIV centuries. Ierusalim v russkoj kul'ture (pp. 34–45). Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Bagdasarova, S. A. (2019). Apokalipsis v iskusstve. Puteshestvie k Armageddonu = The apocalypse in art. Journey to Armageddon. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

12. Panchenko, A. M. (2005). Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura. Raboty raznyh let = I emigrated to Ancient Russia. Russia: history and culture. Works of different years. St. Petersburg: Zvezda. (In Russ.)
13. Mirlin E. G. (2007). «Vsja zhe iskushajushhee, dobraya derzhite» (nauka i duhovnost'). Pravoslavnaja gimnazija = "All that tempts, hold fast the good" (Science and Spirituality). Orthodox Gymnasium. Nauchno-populjarnyj publicisticheskij al'manah. Svjato-Aleksievskaja Pustyn', 1, 13. (In Russ.)
14. Evdokimov, A. Yu. (2014). Sohranenie nacional'noj i kul'turnoj identichnosti – vazhnejshaya zadacha sovremennogo otechestvennogo obrazovaniya. Aktual'nye voprosy mezhnacional'nogo vzaimodejstviya i mezhkul'turnoj kommunikacii v obrazovanii (pp. 30–37). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
15. Serbskij, N. (Velimirovich) (2004). Zemlja nedostizhimaja: Sovremennaja skazka dlja vzroslyh = The Land of the Unattainable. Transl. by Feofanova N. Moscow: Pokrov (Tip. Patriarshego IPC).
16. Hazagerov G. G. Topos VS. Koncept: K izucheniju toposfery kul'tury = Topos VS. Concept: Towards a study of the toposphere of culture. Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, 3, 6–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перова Екатерина Юрьевна

кандидат культурологии, доцент

доцент кафедры мировой культуры

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perova Ekaterina Yurievna

PhD (Culturology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of World Culture

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2023
17.03.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_173

Виталий Пацюков: философское осмысление кураторской деятельности

Ю. Ю. Шнайдер

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

yuliaschneider12@gmail.com

Аннотация. Предмет настоящего исследования - интеллектуальное наследие куратора и искусствоведа Виталия Пацюкова. Его статьи и художественные проекты, проанализированы в философском ключе. Идеи Пацюкова представлены в их соотношении с ключевыми категориями постструктурализма, со спецификой русского постмодернизма и с современным Пацюкову интеллектуальным контекстом. В статье формулируется кураторская методология Пацюкова, выраженная в ряде принципов кураторства. Даются комментарии и на основании исследуемого материала выдвигаются гипотезы об общих положениях кураторства.

Ключевые слова: кураторство, Пацюков, московский концептуализм, русский постмодернизм

Для цитирования: Шнайдер Ю. Ю. Виталий Пацюков: философское осмысление кураторской деятельности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 173–179. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_1173

Original article

Vitaliy Patsyukov: Philosophical Reflection on Curatorial

Julia Yu. Schneider

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

yuliaschneider12@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the artistic legacy of the curator and art critic Vitaly Patsyukov. Both his articles and curatorial projects are considered from philosophical positions in the context of the specifics of curatorial practice. Patsyukov's ideas are presented in their relationship within the key categories of the philosophy of postmodernism and with the contemporary intellectual context. The article formulates the curatorial position of Patsyukov, expressed in a number of principles of curatorship. Comments are given and hypotheses about the general principles of supervision are made on the basis of the studied material.

Keywords: curatorship, Patsyukov, Russian conceptualism, Russian postmodernism

For citation: Schneider, Ju. Yu. (2023). Vitaliy Patsyukov: Philosophical Reflection on Curatorial. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 173–179. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_173

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2021 года из жизни ушел Виталий Владимирович Пацюков – куратор, искусствовед, критик, значимая фигура в отечественной художественной и интеллектуальной жизни. Виталий Пацюков был одним из первых кураторов в том современном смысле, который термин «куратор» обрел в 60-е годы XX века на Западе. В этот период куратор или *Ausstellungsmacher* («создатель выставки») стал выполнять не только организационную, но и творческую функцию. Выставка из собрания шедевров превратилась в художественное высказывание и исследовательский проект, автором которого и является куратор.

Будучи полноценным автором, куратор подобно художнику должен обладать собственным стилем или позицией и подобно ученому пользоваться определенными методами. Кураторская позиция – это в первую очередь набор исследовательских и художественных идей, которые сформулированы теоретически и выражены на практике. Кураторское исследование не ограничивается сферой искусства. Поскольку кураторская работа неразрывно связана с культурным контекстом, в котором создается выставка, важно и то, как куратор определяет состояние современной ему культуры. Средства, с помощью которых в выставочном проекте выражается кураторская позиция, можно назвать методами кураторства.

Данная работа представляет собой попытку систематизации и философского осмысления интеллектуального наследия Виталия Пацюкова как критика и куратора, определения его кураторской позиции и методологии. Проекты В. В. Пацюкова также являются ценным материалом для исследования как художественных вопросов, так и феномена кураторства в России, которое, безусловно, имеет свою специфику.

Несмотря на большое количество материалов, созданных В. Пацюковым за многие десятилетия творческой активности, какая-либо систематизация его взглядов не проводилась ни самим автором, ни исследователями. Представляет трудность не только объем источников, но и их многообразие. Оно обусловлено как спецификой профессии куратора, по определению междисциплинарной, так и широтой интересов В. Пацюкова. В ходе подготовки публикации использовались статьи В. Пацюкова, интервью с ним, выставочные каталоги, материалы дискуссии между В. Пацюковым, заведующим Отделом новейших течений Государственной Третьяковской галереи Андреем Ерофеевым и куратором Виктором Мезиано. Учитывался также и культурный контекст – интеллектуальное окружение Пацюкова, повлиявшее на его взгляды,

полемика с современниками и предшественниками, зачастую скрытая.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Виталий Пацюков (1939–2021) начал свой профессиональный путь в 1965 году с должности обозревателя культурных событий на радио «Юность». В этот период он знакомится с В. Яковлевым, а затем и с остальными представителями неофициального искусства, в числе которых И. Кабаков, В. Пивоваров, Д. Пригов. Дружба с ними в дальнейшем стала для Пацюкова школой художественного видения, а их произведения – материалом для многих кураторских работ.

С 1975 по 1990 год он возглавляет отдел изобразительного искусства в Доме народного творчества, а в 1985 году создает свой первый кураторский проект – выставку «Народная культура и авангард» в церкви святого Георгия в Зарядье. Уже в этой выставке В. Пацюкова заметны тенденции к поиску онтологических оснований российской культуры, демонстрации преемственности в развитии искусства, диалога эпох: народного творчества и авангарда, затем – авангарда и современного искусства. Как организатор и куратор выставок в галерее «На Каширке» Пацюков впервые показал широкой публике работы неофициальных художников, таких как И. Кабаков и Э. Булатов. Ключевые выставки этого периода – «Фольклор и авангард», «Художник и современность», «Геометрия в искусстве», «Лабиринт» – можно с уверенностью назвать кураторскими. Это были радикальные проекты со своей идеей, концепцией и четким кураторским выбором.

С 1988 по 2002 годы Пацюков был куратором галереи и руководителем программы по современной культуре в Московском доме самостоятельного творчества (центр «ДОМ») – институции, которая ставит своей задачей поддержание преемственности наследия прошлого и современной культуры. С 2002 года до конца жизни Пацюков руководил отделом междисциплинарных программ в ГЦСИ. Задачей этого отдела было создание проектов, междисциплинарных в самом широком смысле: демонстрирующих взаимодействие между разными видами искусства и эпохами, между искусством и другими формами культуры – наукой, философией. «Интегральность» – термин, довольно часто употреблявшийся В. Пацюковым, – это и задача отдела, и свойство мышления его руководителя.

С 1980-х годов В. Пацюков реализуется как критик и теоретик искусства. Он, несмотря на

угрозу преследования, становится регулярным автором издававшегося в Париже журнала неофициального русского искусства «А–Я». За последующие 40 лет Виталий Пацюков опубликовал множество статей в таких журналах, как «Искусство», «Диалог искусств», «Художественный журнал» и прочих. Среди них встречаются не только те, что посвящены анализу творчества конкретных художников или выставок, истории и теории искусства, но и тексты скорее культурологической и философской направленности.

СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Важной задачей куратора является презентация художественного материала в современном контексте, подсвечивание смыслов, актуальных для аудитории в текущий момент в данной культуре. Поэтому куратор должен понимать современные культурные процессы и уметь их анализировать. В. Пацюков в своих теоретических работах, посвященных искусству и кураторству, неоднократно обращается к феномену русского постмодернизма. Он мыслится Пацюковым как основание современного искусства и кураторства.

Виталий Пацюков выделяет в истории русского искусства XX века несколько ключевых периодов: авангард 20-х годов, так называемый второй авангард – неофициальное искусство 50–60-х годов, поставангардный период 70–80-х годов, который отождествляется в первую очередь с московским концептуализмом, и современное искусство, начиная с 90-х [Пацюков, 2005]. Два последних этапа связаны со сменой вектора культуры: перехода от вертикальной (иерархичной и замкнутой) к горизонтальной (диалогичной и децентрализованной) структуре или от модерна ко все еще длящемуся постмодерну. Период поставангарда – это первый этап становления русского постмодернизма, происходящий в лоне диссидентской культуры. В это время еще сохраняется модернистская бинарность, в первую очередь в оппозиции «искусство» – «социум» (государство). Однако художники-концептуалисты, в отличие от предшественников, стали обращаться к опыту реальной жизни, принимая ее как данность и не стремясь укрыться в «метафизических нишах» [там же]. Начиная с 90-х годов, когда изменилась и форма государственной власти, и экономика, Россия активно интегрируется в мировые процессы, в том числе в сфере искусства. С этого периода русская культура воспринимается как горизонтальная, многослойная. Постмодернизм становится тотальной формой функционирования культуры.

Первые кураторские проекты появляются в России в 1980-е годы, в период перехода к постмодерну, и становятся более массовым явлением в 1990-е. В постмодернистской культуре роль куратора становится наиболее значительной. Постмодерн представляет новое понимание истории: исчезновение линейности позволяет видеть все исторические периоды одновременно в точке «здесь и сейчас» и воспринимать их равнозначными. Задача куратора – интерпретировать и актуализировать произведения, включать их в текущий контекст, адаптировать для зрителя. Куратор – тот, кто делает выбор, борется с обрушившейся на нас визуальностью, упорядочивает зрительный хаос.

Размышления Пацюкова о современной культуре во многом перекликаются с концепциями французских постмодернистов. В. Пацюков на протяжении всей своей кураторской жизни был близок к московским концептуалистам и непосредственно как куратор и искусствовед, и как друг. Для концептуалистов диалог с западными мыслителями-современниками был крайне важной темой. Поэтому не удивительно, что Пацюкова и концептуалистов всегда живо занимал один круг вопросов. В то же время, Пацюков четко ощущал преемственность между периодами развития русского искусства. В частности, для него была несомненна связь современного искусства с авангардом. Московские концептуалисты на заре своего творчества придерживались противоположных взглядов. Они считали своими вдохновителями скорее Дюшана и западных концептуалистов, нежели русских художников.

После выставки «Москва – Париж» в выпуске № 5 журнала «А–Я» (1983) были опубликованы статьи трех представителей московского неофициального искусства (О. Васильева, Э. Булатова и И. Кабакова) о Малевиче. В них художники по сути отрицали свою связь с авангардом, считая его изолированным, замкнутым явлением в искусстве [Пестова, Белоненко, 2021].

По мнению Пацюкова, разным был и культурный контекст становления постмодернизма: ситуация товарной и визуальной избыточности, связанной с развитием массового потребления, в том числе в искусстве, на западе против советского состояния «ничто». «Ничто» России – это мнимая пустота – пустыня, так как она переполняется «пустотой» нереализованности, «пустотой» вечных разговоров на кухне, напоминающих бесконечные разговоры «о возможном» в прозе Достоевского и Введенского, Вагинова и Сорокина [Пацюков, 2001]. Русский постмодернизм рождался при диктате соцреализма – единственно возможного на тот момент искусства. Можно предположить, что

и недостаток свободы, и дефицит визуального, и сам неофициальный, андеграундный статус не позволяли искусству полностью потерять метафизический характер.

Культура, по мысли Виталия Пацюкова, становится на современном этапе тотальной, она пронизывает все пласты бытия. Культура заслоняет реальность, подменяет ее. Идея культуры как инструмента обмана, скрывающего подлинные вещи, отчетливо сформулирована в теории симулякра Жана Бодрийяра [Бодрийяр, 2015]. Замена символов симулякрами, утрата связи знака с референтом – яркая черта постмодерна. Симуляция проходит несколько стадий: отражение реальности, затем ее искажение, маскировка отсутствия реальности и, наконец, полный разрыв с ней. В эпоху постмодерна культура как фабрика производства симулякров окончательно выходит из-под контроля человека и существует как отдельный механизм. Культурные продукты, в числе которых и искусство, больше не служат реальности, а разрушают ее, подменяя синтетической гиперреальностью. Однако несмотря на понимание постмодернистской культуры как механизма подмены реальности, Пацюков видит роль искусства иной, позитивной. Искусство, личностное художественное переживание, для него является инструментом борьбы с симуляцией, который дает возможность возвращения к подлинности. Происходит это благодаря культурной памяти, верности метафизическим основам искусства и личностным переживаниям художника. Кураторский проект также не должен стать фабрикой симулякров. «Ошибка куратора – это когда он не проявляет реальность, а, наоборот, ее “затуманивает”» [Александр, Бутеноп, URL]. Куратор на должен становиться частью процесса симуляции – создания симулякров. Его задача противостоять ему.

Современное русское искусство В. Пацюков сравнивает с палимпсестом – рукописью, написанной на пергаменте, уже бывшем в использовании. Структуралист Жерар Женетт использовал понятие «палимпсест» как метафору интертекстуальности, когда сквозь текст просвечивают другие, предшествующие тексты [Женетт, 1982]. Постмодернистское искусство безусловно интертекстуально, но интертекстуальность русского искусства, как кажется, скорее бахтинского типа. Однако в русском искусстве присутствует интертекстуальность скорее бахтинского, нежели бартовского типа. В русском космосе стихия равноправного диалога и полифонии превалирует над западной коллажной цитатностью и иронией. Вероятно, что и истоки русской постмодернистской иронии можно связать с вышедшей в 1965 году книгой М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура

Средневековья и Ренессанса» [Бахтин, 1990]. Карнавальная смеховая культура, «переворачивание мира» как оппозиция жестко регламентированной повседневной жизни в советское время трансформировались в иронию и абсурд; они стали инструментом борьбы с тоталитарной системой.

КУЛЬТУРА – ИСКУССТВО – ВЫСТАВКА КАК ТЕКСТ

Для В. Пацюкова характерно понимание культуры как текста, близкое идеям его современника семиотика Ю. М. Лотмана, чьи ключевые работы были изданы в период становления Пацюкова как теоретика искусства [Лотман, 1970]. Согласно данному к культуре ее основу и базовые функции составляют семиотические механизмы. Культура через знаки, символы и тексты, хранит информацию о своем историческом прошлом и таким образом сохраняет свою шкалу ценностей, самобытность и связь с традицией. Преобразование знаков и их перемещение в культурном пространстве определяют внутрикультурную и межкультурную коммуникацию. Создание новых знаков в процессе культурного взаимодействия обеспечивает возможность новизны и значит, существование разнообразной творческой деятельности. Рожденный знаками текст многомерен, многозначен и допускает множественность интерпретаций.

Кураторство в интерпретации В. Пацюкова – это творческий акт во многом близкий к практике художника, и куратор, очевидно, работает с пространством, вычленив интересное и важное из череды случайных впечатлений. И всё же главным инструментом куратора становится текст. Всякая выставка, в особенности, когда речь идет о сильной кураторской стратегии, представляет собой текст. Концепция «выставка как текст» или «искусство как продукт современного “диэгеизиса”, а не “мимесиса”» [Бирюкова, Никонова, 2022, с. 18] позволяет успешно интерпретировать кураторские проекты в терминах нарратологии и литературоведения.

Как текст понимаются не только артефакты, но и пространство. Создание контекста произведения – одна из ключевых функций кураторства – воплощается как непосредственно через кураторские тексты, так и через работу с пространством, воспринимаемым как текст. «Пространство как текст – вот что объединяет и генерирует диалог между началом и концом нашего столетия, русской и западной культурой. Этот текст обладает собственным смыслом, актуализируется своим наложением на пространство и пишет единую историю человечества» [Пацюков, 2001].

Идея связи текста и образа нашла отражение не только в искусствоведческих, но и в кураторских работах В. Пацюкова. Интересна в этой связи выставка «Слово и изображение», представленная в 2007 году в ГЦСИ. На ней были представлены работы (картины, инсталляции, видеоарт), содержащие текст как важную часть визуального образа. Текстцентризм русской культуры проявляется не только в традиционном главенстве литературы, но и в области изобразительного искусства. Русский авангард был, безусловно, тесно связан с текстом. Во вступительной статье к каталогу выставки В. Пацюков отмечает симметричность развития русского искусства: проблема текста и образа, поставленная авангардом в начале XX века и решенная визуализацией, опредмечиванием, иконологизацией логоса, становится вновь актуальной в конце упомянутого века, когда новое поколение художников пересматривает ее в своем ключе [Слово и изображение ... 2007]. Московские концептуалисты, находящиеся в заочном диалоге с современной им западной культурой, с помощью текста создают комментарии к образу, формируя дополнительные коннотации. Комментарии эти иногда оказываются игрой со словами и цитатами. Так В. Пивоваров описывает метод подбора текста к своим альбомам: нужно расфокусировать зрение глядя на книжный лист, а затем «отпустить» взгляд и «поймать на удочку» интересную фразу, словосочетание [Пивоваров, 2018]. А сама форма альбома – это синтез элементов театрального представления, фильма и литературного произведения. Проводя параллели с авангардом – в «Ленинской киноправде» Дзиги Вертова с титрами А. Родченко кино и текстовая хроника сливаются, образуя синкретическое произведение. Соц-арт играет с символами и лозунгами официальной культуры, вскрывая и разрушая их экспансию в сферу частного бытия.

МЕТОД КУРАТОРА. РАЦИО И СЕНСУС

Отвечая на вопрос о своей кураторской методологии, В. Пацюков акцентирует контакт с художником, личное переживание и чувство, личностную интерпретацию художественного феномена. Такой подход к организации кураторского проекта позволяет актуализировать скрытый пласт произведения, заложенный в нем как творческий потенциал. Целью куратора же он видит создание системы, структуры, когда конкретное произведение не играет ведущей роли, и они (произведения, художники) взаимозаменяемы. Главное в системе экспозиции – это единое художественное пространство и реализация идеи. Именно проекты, созданные по

этим принципам, являются по-настоящему кураторскими. Отношения с художником, с одной стороны, личные и эмоциональные, это – «апология любви и дружбы» [Лазарева, 2004]. С другой стороны, «художник – это инструмент, оптика» в руках куратора [Александр, Бутенко, 2013].

Можно сказать, что и сам художник, и его произведение становятся частью кураторского проекта лишаясь автономности. «Куратор фиксирует определенную линию актуальности, в которую группируются типы художников. Он собирает художников как фокус радикального осмысления культуры, создает драматургию проекта, топографию экспозиции, ее общий образ, внутренние диалоги» [Александр, Бутенко, 2013, URL]. В отличие от художника, сфокусированного на собственном творчестве и духовной жизни, куратор всегда взаимодействует с культурным контекстом. Его высказывание не может претендовать на полноту и завершенность. Думается, что выставка, созданная куратором – это, в терминах физики, открытая система, т. е. система, которая постоянно взаимодействует со средой. Другой аналог принципа организации кураторского проекта – это ризома Ж. Делеза и Ф. Гваттари: принципиально нелинейная меняющаяся структура [Делез, Гваттари, 2010]. Ризома не имеет центра, она представляет собой разветвленную сеть, количество связей в которой постоянно непреднамеренно прирастает. Этот прирост, вызванный случайными столкновениями и взаимодействиями, меняет ризому не только количественно, но и качественно.

Можно предположить, что художник не может порвать с трансцендентностью, так как ее утрата противоречит самой сути искусства, а куратор должен быть, условно выражаясь, (на уровне метода) постмодернистом – работать с контекстом культуры и восприятием зрителя, то есть делать художника действительно современным.

«Куратор – человек, находящийся в рефлексии, хотя он и использует чувственное начало, оно как бы скрыто» [Лазарев, 2004, с. 40]. Кураторская практика – это баланс рационального и чувственного, рацию и сенсуса. Если метод художника всегда глубоко личностный, чувственный, нацеленный на внутреннее, то метод куратора сбалансирован рациональной, исследовательской частью и предполагает выход за пределы эстетического. Здесь, пожалуй, следует разграничить кураторство как профессиональную деятельность и кураторство как метод, который может быть использован и художником, хотя это редкое явление. Художниками-кураторами Пацюков называет, например, И. Кабакова и О. Кулика на зрелом этапе их творчества. Способность к кураторству этих художников

связана с высоким уровнем рефлексии и интеллектуальности, того самого рационального компонента. Художником-куратором был и Марсель Дюшан.

Существует видимое противоречие между опорой куратора на совокупность культурных норм (созданных не им) и критерием вкуса, подразумевающим неизбежную долю субъективности. Пацюков провозглашает вкус ведущим критерием отбора для экспозиции. Таким образом, куратор выполняет две противоположные функции, а выставка балансирует между собранием коллекционера и исследовательским проектом. Возможен ли такой баланс? Скорее, можно говорить о двух интуитивно отмеченных В. Пацюковым тенденциях в выставочном деле. Совместить два полюса деятельности куратора – принципиальную субъективность и включенность в отличие от дистанции и объективности, общим полем выступит пространство культуры.

Посткантианский исследователь осознает ограниченность своего инструмента познания, невозможность исключения собственного «я» из исследования. А поскольку «я» культурно обусловлено, противоречие между «я» и «не-я» снимается в ситуации тотальности культуры. Куратор – это профессиональный комментатор культуры и ее визуальных текстов, воплощенных в предметах искусства. Благодаря субъективности куратора происходит актуальное прочтение визуального феномена, т. е. хороший куратор максимально погружен в культурный контекст. К тому же полифоничность современной культуры предполагает возможность и даже необходимость субъективной позиции, согласно которой

каждая личность может выработать собственное отношение к каждому феномену и собрать воедино множество импрессий, возникающих извне. Также и личный кураторский контекст «формирует еще одно измерение в художественном пространстве нашей образной реальности» [Лазарев, 2004, с.].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виталий Пацюков был куратором в полном смысле этого слова. Его работа включала в себя исследовательский – искусствоведческий и культурологический – компонент, создание художественных концепций и собственно процесс организации выставок. Опираясь разными пластами культуры, сталкивая их и соединяя, он создавал новое художественное высказывание, актуальное для нынешнего времени.

Способность одновременно чувствовать дух времени и культурно-историческую преемственность различных эпох – это необходимый в кураторском деле навык. Кураторство в целом балансирует на границе дихотомий: личного и общественного, рационального и чувственного, локального и глобального, теории и практики, истории и современности. Кураторский проект должен обладать внутренней цельностью и подлинностью, но при этом быть открытым, находиться в диалоге с другими текстами культуры. Таковы требования постмодернистской эпохи, которые и формируют методологию кураторства. Таков кураторский метод Виталия Пацюкова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пацюков В. Идентификация художника в бинарном и многослойном мире современной культуры. 2005. URL: https://web.archive.org/web/20080517171343/http://www.websher.net/yale/rl/cultureintransition/colloquium/Patsyukov-Rus_L_02_27_05.html
2. Пестова К., Белоненко В. Интервью с В. Пацюковым, 2021. URL: <https://placeofart.ru/vitalij-patsjukov>
3. Пацюков В. Симметрия в пространстве ушедшего века: первый и второй русский авангард // Художественный журнал. 2001. № 32. URL: <http://old.guelman.ru/xz/362/xx32/xx3203.htm>
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
5. Александер Н., Бутенко О. Интервью // Виталий Пацюков: Современное искусство – это провокатор нашей памяти, наших знаний, нашей культуры, 2013. URL: <https://artuzel.com/content/виталий-пацюков-сегодняшнее-искусство-это-провокация-нашей-памяти-наших-знаний-нашей>
6. Женетт Ж. Палимпсесты: литература второй степени. М.: Наука, 1982.
7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
8. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры: материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970.
9. Бирюкова М. В., Никонова А. А. Искусство как идея и концепт: к проблеме прочтения кураторских проектов // Международный журнал исследований культуры. 2022. Вып. 1 (46). С. 18–35.

10. Слово и изображение: выставка, Государственный центр современного искусства (ГЦСИ), 3–29.06.2007, Москва / сост. В. Пацюков. М.: ГЦСИ, 2007.
11. Пивоваров В. Влюбленный агент. М.: Артгид, 2018.
12. Лазарева Е. Дискуссия с участием А. В. Ерофеева, В. В. Пацюкова, В. А. Мизиано. Кураторство: апология любви и дружбы // Художественный журнал. 2004. № 55. С. 37–42.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: Астрель, 2010.

REFERENCES

1. Patsyukov, V. (2005). Identifikatsia hudozhnitsa v binarnom i mnogosloinnoy mire sovremennoy kultury = Identification of the artist in the binary and multi-layered world of modern culture. https://web.archive.org/web/20080517171343/http://www.websher.net/yale/rl/cultureintransition/colloquium/Patsyukov-Rus_L_02_27_05.html (In Russ.)
2. Pestova, K., Belonenko, V. (2021). Interv'y u V. Patsyukovym = Interview with V. Patsyukov. <https://placeofart.ru/vitalij-patsyukov> (In Russ.)
3. Patsyukov, V. (2001). Simmetriya v prostranstve ushedshego veka: pervyj i vtoroj russkij avangard = Russian Symmetry in the Space of a Bygone Century: the First and Second Russian Avant-Garde // Hudozhestvennyy zhurnal, 32. <http://old.guelman.ru/xz/362/xx32/xx3203.htm> (In Russ.)
4. Bodriyazh, Zh. (2015). Simulyakry i simulyacii = Simulacra and simulations. Moscow: POSTUM. (In Russ.)
5. Alexander, N., Butenop, O. (2013). Interv'y u = Interview. Vitaliy Patsyukov: Segodnyashnee iskusstvo – eto provokator nashey pamyati, nashih znaniy, nashey kul'tury. <https://artuzel.com/content/вита́лий-пацюков-сегодняшнее-искусство-это-провока́тор-нашей-памяти-наших-знаний-нашей> (In Russ.)
6. Genette, G. (1982) Palimpsesti: literatura vtoroy stepeni = Palimpsests: Literature in the Second Degree. Moscow: Nayka (In Russ.)
7. Bahtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renescansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Hudozhestvennaya literature. (In Russ.)
8. Lotman, Yu. M. (1970). Stat'i po tipologii kul'tury: Materialy k kursu teorii literatury = Articles on the typology of culture: Materials for the course of literary theory. Tartu. (In Russ.)
9. Biryukova, M. V., Nikonova, A. A. (2022). Art as an Idea and Concept: on the Problem of Reading Curatorial Projects. International Journal of Cultural Research, 1(46), 18–35. (In Russ.)
10. Pacyukov, V. (2007). Slovo i izobrazhenie: vystavka, Gosudarstvennyy centr sovremennogo iskusstva (GCSI) = Word and Image: exhibition, State Center for Contemporary Art (NCCA), 3–29.06.2007, Moscow. Moscow: GCSI, 2007. (In Russ.)
11. Pivovarov, V. (2018). Vlyublennyy agent = Agent in love. Moscow: Artgid. (In Russ.)
12. Lazareva E. (2004). Kuratorstvo: apologiya lyubvi i druzhby = Curatorship: an apology for love and friendship. Moscow Art Magazine, 55, 37–42. (In Russ.)
13. Deleuze, G., Guattari, F. (2010). Kapitalizm i shizofreniya. Tysyacha plato = A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Moscow: Astrel'. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шнайдер Юлия Юрьевна

аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Schneider Julia Yuryevna

PhD Student at the Department of History and Theory of World Culture, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2023
17.03.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 6 (874)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 6 (874)

Ответственные редакторы выпуска
кандидат филологических наук Ю. М. Казанцева,
кандидат филологических наук Е. А. Калашникова

Executive editors
J. M. Kasanzeva, PhD (Philology)
E. A. Kalashnikova, PhD (Philology)

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. Алымов

Editor V. F. Geronimus
Layout: G. P. Lopatina
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 29.06.2023
Усл. печ. л. 22,5. Формат 60х90/8
Заказ № 46/23

Signed for print: 29.06.2023
Conventional printed sheets: 22,5. Layout format 60x90/8
Order 46/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».